ISSN 2222-5404

ВЕСТНИК СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. М.К. АММОСОВА. VESTNIK OF NORTH-EASTERN FEDERAL UNIVERSITY

Научный журнал
Периодическое издание
Издается с 2004 года
Журнал выходит 6 раз в год

16+

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова»

Журнал включен в Перечень периодических научных изданий, рекомендуемых ВАК Министерства образования и науки РФ для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук по: биологическим (общая биология, физико-химическая биология); физико-математическим (физика) и филологическим (языкознание, литературоведение) наукам

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

1 (75) 2020

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор
А. Н. Николаев, д. б. н.

Заместители главного редактора:
Ю. Г. Данилов, к. г. н.;
Р. Е. Тимофеева, д. п. н.

Ответственный секретарь
М. В. Куличкина

Члены редакционной коллегии:
А. А. Бурыкин, д. филол. н., Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия;
Л. Г. Гольдфарб, проф., Национальный институт неврологических заболеваний (NIH/NINDS) Национальных институтов здоровья США, г. Вашингтон;
С. А. Карабасов, проф., Лондонский университет имени Королевы Мэри, Великобритания;
Санг-Ву Ким, Ph.D., Пусанский национальный университет, Южная Корея;
В. В. Красных, проф., МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия;
А. А. Петров, д. филол. н., зам. директора Института народов Севера, Санкт-Петербург, Россия;
Л. Д. Раднаева, д. филол. н., БГУ, Улан-Удэ, Россия;
Л. Сальмон, проф., Генуэзский университет, Италия;
Дж. Судзуки, проф., Университет Саппоро, Япония;
А. Н. Тихонов, к. б. н., Зоологический институт РАН, Санкт-Петербург, Россия;
Д. К. Фишер, проф., Мичиганский университет, США;
Ву Сок Хванг, проф., Фонд биотехнологических исследований Sooam, Южная Корея;
Коно Кимитоши, проф., Институт РИКЕН, Япония;
Д. А. Таюрский, д.ф.-м.н., Казанский федеральный университет;
В. И. Васильев, д. ф.-м. н., проф.; *Н. Н. Винокуров*, д. б. н.; *Н. Н. Гермогенов,* д. б. н.; *Ю. М. Григорьев,* д. ф.-м. н., проф.; *Н. Н. Ефремов,* д. филол. н.; *А. П. Исаев,* д. б. н.; *Г. Ф. Крымский,* д. ф.-м. н., проф., академик РАН; *И. И. Мордосов,* д. б. н., проф.; *П. В. Сивцева-Максимова,* д. филол. н., проф.; *Н. Г. Соломонов,* д. б. н., проф., член-корр. РАН; проф.; *Г. Г. Филиппов,* д. филол. н., проф.

Адрес учредителя и издателя: 677000, г. Якутск, ул. Белинского, 58
Адрес редакции: 677005, г. Якутск, ул. Курашова, 30/4, каб. 7
Тел./факс: +7 (4112) 42-28-75
Северо-Восточный федеральный университет

s-vfu.ru/vestnik-svfu/

Подписной индекс в каталоге «Роспечать» 47182
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-67401 выдано 13 октября 2016 года Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

© Северо-Восточный федеральный университет, 2020

ISSN 2222-5404

VESTNIK
OF NORTH-EASTERN FEDERAL UNIVERSITY

Academic periodical
Published since 2004
The frequency of publication is 6 times a year

The founder and publisher is Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "M. K. Ammosov North-Eastern Federal University"

The periodical is included in the list of periodicals recommended for publishing doctoral research results by the Higher Attestation Commission (HAC) of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation on: Biological (General Biology, Physics and Chemistry Biology); Physical and Mathematical (Physics); Philological Studies (Linguistics, Literature Studies)

The periodical is included into the system of Russian Scientific Quotation Index (RSQI)

1 (75) 2020

EDITORIAL BOARD

Head editor
A. B. Nikolaev, Doctor of Biological Sciences

Deputy chief editors:

Yu. G. Danilov, Candidate of Geographical Sciences;
R. E. Timofeeva, Dr. Sci. Education

Executive editor
M. V. Kulichkina

Members of the editorial board:
A. A. Burykin, Dr. Sci. Philology, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russian Federation;
L. G. Goldfarb, Prof., the National Institute of Neurological Diseases (NIH/NINDS) of the National Institutes of Health of the USA, Washington;
S. A. Karabasov, Prof., Queen Mary University of London, Great Britain;
Sang-Woo Kim, Dr. Sci. Philosophy, Pusan National University, Republic of Korea
V. V. Krasnykh, Prof., M. V. Lomonosov Moscow State University, Russian Federation;
A. A. Petrov, Dr. Sci. Philology, Vice Director, Institute of the Peoples of the North, Saint Petersburg, Russian Federation;
L. D. Radnayeva, Dr. Sci. Philology, Buryat State University, Ulan Ude, Russian Federation;
L. Salmon, Prof., University of Genoa, Italy;
J. Suzuki, Prof., Sapporo University, Japan;
A. N. Tikhonov, Cand. Sci. Biology, RAS Zoological Institute, Saint Petersburg, Russian Federation;
D. C. Fisher, Prof., University of Michigan, USA;
Woo Suk Hwang, Prof., SOOAM Biotech Research Foundation, South Korea;
Kono Kimitoshi, Prof., RIKEN Institute, Japan;
D. A. Tayursky, Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Kazan Federal University;
V. I. Vasiliev, Dr. Sci. Physics & Mathematics, Prof.; *N. N. Vinokurov*, Dr. Sci. Biology; *N. N. Germogenov*, Dr. Sci. Biology; *Yu. M. Grigoriev,* Dr. Sci. Physics & Mathematics, Prof.; *N. N. Yefremov*, Dr. Sci. Philology; *A. P. Isayev*, Dr. Sci. Biology; *G. F. Krymskiy*, Dr. Sci. Physics & Mathematics, Acad. RAS, Prof.; *I. I. Mordosov*, Dr. Sci. Biology, Prof.; *P. V. Sivtseva-Maksimova*, Dr. Sci. Philology, Prof.; *N. G. Solomonov*, Dr. Sci. Biology, Prof., Corr. Member RAS; Prof.; *G. G. Philippov*, Dr. Sci. Philology, Prof.

Founder and publisher address: NEFU, 58 Belinskogo str., Yakutsk, Russia, 677000
Editorial office address: NEFU, 7 off., 30/4 Kurashova str., Yakutsk, Russia, 677005
Telephone/Fax: +7 (4112) 42-28-75
s-vfu.ru/vestnik-svfu/

Subscription index in the "Rospechat" catalogue 47182
Accreditation certificate ПИ № ФС77-67401 on October, 13, 2016 by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)

© North-Eastern Federal University, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

БИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ердаков Л. Н., Переясловец В. М. Цикличность в многолетней динамике численности зайца-беляка.... 5
Иванова Е. И. Семейство *Polytrichaceae* Schwägr. в Якутии..... 17
Тяптиргянов М. М. Обыкновенный ёрш *Gymnocephalus cernuus* (Linnaeus, 1758) в условиях Якутии.. 27

ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Стародубцев В. С., Соловьев В. С. Особенности вариаций концентрации метана в летне-осенний период на арктической станции Барроу (Аляска) по наземным и спутниковым данным..... 40

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Атласова Э. С. Классы глаголов в юкагирском языке (на примере языка тундренных юкагиров)..... 51
Барашкова С. Н., Желобцов Ф. Ф. Литературно-художественный контент нобелевских лекций писателей России и Китая: А. Солженицына и Гао Синцзяна..... 62
Готовцева Л. М. Критерии разграничения значений многозначных фразеологизмов якутского языка..... 69
Гуань С. Ц., Зенина А. А. Контекст как ключ к эквивалентному переводу модальных частиц с русского на китайский язык..... 79
Маджаева С. И., Байдашева Э. М. К вопросу об изучении термина с компонентом цветообозначения в языке медицины..... 88
Мухин С. В. Романизация компонентного состава евангельской фразеологии английского языка..... 98
Рахно К. Ю. «Шестокрилци» и вопрос их атрибуции как серафимов..... 107
Спиридонова Е. В., Собакина И. В. Группы этнографических реалий и их художественный перевод на русский язык (на материале произведений В. С. Яковлева-Далана «Тыгын Дархан», П. А. Ойунского «Великий Кудангса»)..... 115
Чернышёва Л. А. Типологическая связь между образом Шпильгагена и героем Чехова..... 129

ДАТЫ, СОБЫТИЯ, ЮБИЛЕИ

Сидоров О. Г. Основные вехи развития Издательского дома СВФУ (50 лет издательско-полиграфической деятельности университета)..... 135
Туласынов Б. Н. К 95-летию Т. П. Самсоновой, первой учёной республики в области методики преподавания русского языка в якутской школе..... 138

CONTENT

BIOLOGICAL SCIENCES

Erdakov L. N., Pereyaslovets V. M. Long-Term Cycle of the Mountain Hare Population Dynamics..... 5
Ivanova E. I. The Family *Polytrichaceae* Schwägr in Yakutia..... 17
Tyaptirgyanov M. M. Gymnocephalus Cernuus (Linnaeus, 1758) in the Conditions of Yakutia..... 27

PHYSICAL AND MATHEMATICAL SCIENCES

Starodubtsev V. S., Solovyev V. S. Features Variations of Methane Concentration of the Summer-Autumn Period at Arctic Station Barrow (Alaska) By Terrestrial and Satellite Data..... 40

PHILOLOGICAL STUDIES

Atlasova E. S. Classes of Verbs in Yukagir (For Example, Tundra Yukaghir Language)..... 51
Barashkova S. N., Zhelobtsov F. F. The Literary-Artistic Content of the Nobel Lectures by Russian and Chinese Writers: A. Solzhenitsyn and Gao Xingjian3..... 62
Gotovtseva L. M. The Criteria for Distinguishing the Meanings of Polysemic Phraseological Units of the Yakut Language..... 69
Guan X. J., Zenina A. A. Context – A Key to Chinese Translation of Russian Modal Particles..... 79
Madzhaeva S. I., Baydasheva E. M. On the Question of Studying the Term with a Component of Color Designation in the Language of Medicine..... 88
Mukhin S. V. Romanization of Lexical Composition of English Gospel Idioms..... 98
Rakhno K. Yu. The Six-Winged Ones and the Question of their Attribution as the Seraphs..... 107
Spiridonova E. V., Sobakina I. V. Groups of Ethnographic Realities and their Artistic Translation into Russian (on the Material of works of V. S. Yakovlev-Dalan "Tygyn Darhan", P. A. Oyunsky "Great Kudangsa")..... 115
Chernysheva L. A. The Typological Connection Between Spielhagen's Image and Chekhov's Hero..... 129

DATES, EVENTS, ANNIVERSARIES

Sidorov O. G. On the 50th Anniversary of NEFU Pulishing House..... 135
Tulasynov B. N. On the 95th anniversary of T. P. Samsonova, Repulic's pioneer in methods of teaching Russian language in Yakut school..... 138

БИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 599.325.1

Л. Н. Ердаков[1], В. М. Переясловец[2]

Цикличность в многолетней динамике численности зайца-беляка

[1]ФГБУН Институт систематики и экологии животных СО РАН, г. Новосибирск, Россия
[2]ФГБУ Государственный природный заповедник «Юганский», с. Угут, ХМАО-Югра, Россия

Аннотация. Заяц-беляк – это ценный массовый объект спортивной любительской охоты, также имеющий и важное промысловое значение. Кроме того, заяц-беляк относится к переносчикам ряда опасных заболеваний домашних животных и человека, таких как, например, туляремия, лептоспироз, бруцеллёз и др., а также является источником различных глистных инвазий. Одной из характерных особенностей зайца-беляка является наличие регулярных колебаний его численности. Определение их ритмики, амплитуды и цикличности поможет принимать правильные решения в отношении организации противоэпидемических мероприятий, а также в деле охраны и рациональной эксплуатации этого вида. Основная цель нашего исследования – получение хроноэкологических характеристик цикличности численности зайца-беляка на территории Российской Федерации. Для этого решили следующие задачи: проанализировали ход численности зайца-беляка в некоторых регионах РФ; рассчитали спектры периодических составляющих динамики его численности, а также определили периоды популяционных ритмов и их мощность. Исходными данными для анализа послужили сведения из открытых источников по многолетней численности зайца-беляка на территории РФ. Обработка данных многолетних наблюдений представляла собой разложение сложной кривой хода численности на составляющие ее простые гармоники, вычисление их величины и мощности. Для выявления скрытых колебаний численности использовали программу Harms. Для статистических расчетов использовали пакет программ Past. Для трендов проверяли гипотезу об отличии коэффициентов от нуля и рассчитывали коэффициент детерминации R^2. Колебания численности зайца-беляка в границах РФ в большинстве федеральных округов (кроме Уральского) происходят синхронно. Спектры колебаний численности зайца-беляка в федеральных округах европейской

ЕРДАКОВ Лев Николаевич – д. б. н., профессор, с. н. с. Института систематики и экологии животных СО РАН.

E-mail: microtus@yandex.ru

ERDAKOV Lev Nikolaevich – Dr. Sci. (Biol.), Professor, Senior Researcher, Institute of Systematics and Ecology of Animals, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

ПЕРЕЯСЛОВЕЦ Владимир Михайлович – к. б. н., с.н.с. ФГБУ Государственный природный заповедник «Юганский».

E-mail: pvm16@yandex.ru

PEREYASLOVETS Vladimir Michailovich – Cand. Sci. (Biol.), Senior Researcher, State Nature Reserve “Yuganskiy”.

части России в значительной степени совпадают. С продвижением с запада на восток растет период низкочастотного пика от ~15-17-летнего (в европейской части) до ~30-летнего (на Дальнем Востоке). Также в том же направлении значительно увеличивается амплитуда колебаний численности вида. Наибольшая амплитуда колебаний у зайца-беляка в России наблюдается в полосе низких частот – больших колебаний его численности следует ожидать каждые 15-20 лет. Полученные результаты могут иметь важное значение при планировании объемов промысла зайца-беляка и, в конечном итоге, для рациональной и неистощительной эксплуатации его популяции.

Ключевые слова: заяц-беляк, зимний маршрутный учет, численность популяции, популяционные ритмы, цикличность, амплитуда колебаний, многолетняя динамика численности, биостатистика, корреляция, спектральный анализ.

DOI 10.25587/SVFU.2020.75.55408

Исследование поддержано Программой фундаментальных научных исследований (ФНИ) государственных академий наук на 2013-2020 гг., проект № VI.51.1.4 (АААА-А16-116121410119-4) и РФФИ (проект № 17-04-00269 А).

L. N. Erdakov[1], V. M. Pereyaslovets[2]

Long-Term Cycle of the Mountain Hare Population Dynamics

[1]Institute of Systematics and Ecology of Animals, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation

[2]State Nature Reserve “Yuganskiy”, Ugut, Surgut district, Russian Federation

Abstract. The Mountain hare (Lepus timidus) is a popular game species and a traditional subject of population dynamics studies. The species is characterized by regular population fluctuations. Our research is aimed at characterizing chronological and ecological features of the mountain hare population cycles in the Russian Federation. To achieve this, we calculated the spectra of periodic components of the species’ population dynamics and defined the population rhythm periods and their power. The research is based on open access data on long-term population dynamics of the mountain hare in Russia. Data was processed by decomposing the complex curve of abundance dynamics into simple harmonics and calculating their power and magnitude. To reveal hidden fluctuations, we used Harms software; statistical calculations were performed with Past software. For trends, we checked the hypothesis of non-zero coefficients and calculated the R2 determination coefficient.The fluctuations of the mountain hare populations in Russia occur synchronously in most of the federal districts (except the Ural district). The population fluctuation spectra in the federal districts of European Russia generally coincide. Eastwards, the low frequency peak shifts from 15-17 years in European Russia to 30 years in the Russian Far East. The abundance fluctuation amplitude increases significantly towards the Far East, too. The greatest fluctuation amplitude is observed in the low frequency zone, where major abundance fluctuations are to be expected every 15-20 years.The results can be important in planning annual harvest quotas of the mountain hare, contributing to rational and sustainable use of the species.

Keywords: mountain hare, winter route accounting, population size, population rhythm, cyclicity, abundance fluctuation amplitude, long-term population dynamics, biostatistics, correlation, spectral analysis.

The research was conducted with the support of the RAS Program of Fundamental Scientific Research for the period of 2013-2020, project # VI.51.1.4 (AAAA-A16-116121410119-4) and RFBR (project # 17-04-00269 A).

Введение

Заяц-беляк (*Lepus timidus* L., 1758) – это ценный массовый объект спортивной любительской охоты, также имеющий и важное промысловое значение. Кроме того,

заяц-беляк относится к переносчикам ряда опасных заболеваний домашних животных и человека, таких как, например, туляремия, лептоспироз, бруцеллёз и др., а также является источником различных глистных инвазий [1]. Поскольку зона контакта этого вида с человеком обширна, риск заболевания людей держится на достаточно высоком уровне. Одной из характерных особенностей зайца-беляка является наличие регулярных колебаний его численности. Определение их ритмики, амплитуды и цикличности поможет принимать правильные решения в отношении организации противоэпидемических мероприятий, а также в деле охраны и рациональной эксплуатации этого вида, что и определяет актуальность такого рода исследований.

Колебания численности зайца-беляка носят циклический характер. Такой тип динамики популяций этого вида отмечен во многих районах Евразии и Северной Америки, причем впервые исследователи обратили внимание на такую особенность очень давно. Так, приблизительно 10-летние циклы в динамике численности зайца-беляка в Канаде описаны еще в первой половине XX века [2]. Результаты работ современных исследователей, как отечественных, так и зарубежных, также подтверждают четко выраженную цикличность в динамике численности зайца-беляка. Эту закономерность в популяциях этого вида отмечают как на территории Российской Федерации в целом [3-4], так и в отдельных ее регионах, в частности в Сибири [5] и на Европейском Севере России [6-8]. Аналогичные данные имеются и по соседним с нами странам Европейского Севера: Норвегии, Швеции, Финляндии [9-11], а также по Северной Америке [12].

Тем не менее, специально цикличность динамики численности зайца-беляка изучают сравнительно редко, и накопленный материал по этой теме не отличается изобилием. Чаще всего применяют визуальный способ выделения циклов по графикам многолетних флуктуаций численности зайца-беляка, рассчитанной по результатам учетов, либо по количеству его шкурок, сданных в заготовительные организации после завершения сезона охоты. Однако, использование таких методов подразумевает некоторую долю субъективности в оценке результатов анализа. Уменьшить погрешности в выделении циклов, а также их мощности позволяет применение современных статистических программ, позволяющих делать обоснованные математическими закономерностями выводы.

Нами изучалась многолетняя динамика численности зайца-беляка в различных регионах Российской Федерации. Основной целью исследования было получение хроноэкологических характеристик популяционной цикличности его численности. Также дополнительно сравнили полученные результаты, рассчитанные по данным о колебаниях численности вида, собранные разными методами. Для этого решили следующие задачи: проанализировали ход численности зайца-беляка в некоторых регионах РФ; рассчитали спектры периодических составляющих динамики численности этого вида; а также определили периоды его популяционных ритмов и их мощность. Кроме того, провели сравнение спектров колебаний численности зайца-беляка из разных отечественных и зарубежных популяций для выяснения географической изменчивости этой характеристики.

Материал и методы

Для анализа динамики численности зайца-беляка использовали многолетние данные из различных регионов Российской Федерации, а также из-за рубежа, полученные двумя способами: по результатам заготовок пушно-мехового сырья и с помощью зимнего маршрутного учета (ЗМУ). Для этого привлекли источники, опубликованные в открытой печати:

– количество заготовленных шкурок зайца-беляка в Новосибирской области с 1930 по 1965 гг. по [13];

– количество заготовленных шкурок зайца-беляка в Тунгокоченском районе Читинской области за 19-летний срок [14];

– сведения о динамике численности зайца-беляка в Канаде по данным заготовок его шкурок компанией Гудзон-Бей [15, 16] (для сравнения с параметрами, характерными для популяций зайца-беляка, обитающего на территории РФ).

Кроме того, использовали опубликованные данные о численности зайца-беляка (запас, число особей) по федеральным округам Российской Федерации за 1981-2011 гг. [17]. Эти данные получены с использованием методики зимнего маршрутного учета [18].

Для статистической обработки числовых рядов использовали программу Past [19]. Для выявления скрытых колебаний в динамике численности использовали программу Harms [20]. Каждый анализ многолетнего ряда данных по численности зайца-беляка генерировал распределение спектра мощности по периодам, которое затем выражали в процентах от максимального значения. Пики на полученном спектре мощности соответствовали главным периодичностям. Для трендов проверяли гипотезу об отличии коэффициентов от нуля и рассчитывали коэффициент детерминации R^2. Тест на характер распределения используемых выборок показал заметные отклонения от нормального распределения, поэтому для оценки синхронности колебаний численности зайца-беляка в некоторых федеральных округах РФ применили ранговый коэффициент корреляции Спирмена. Комплекс этих методов статистического анализа позволяет аргументированно обосновывать наличие циклов и амплитуду их мощности в динамике численности различных видов животных.

Результаты исследований

Для опубликованных результатов многолетних наблюдений в каждом случае рассчитали статистические характеристики (табл. 1), из которых наиболее важными для целей исследования был коэффициент вариации. Сравнивать по этому показателю размах варьирования можно независимо от того, какими методиками пользовались для сбора материала и в каких единицах измеряли численность.

Таблица 1

Статистические характеристики многолетней динамики численности зайца на территории РФ (с запада на восток) и в Канаде

Характеристики → / Округ ↓	n, лет	M±m, тыс. особей	σ	CV%	Тренд
Северо-Западный	31	1015,47±51,96	289,30	28,49	1291,799 – 18,422 * t; R^2 = 0,335; α≤0,01
Центральный	31	396,05±20,39	113,50	28,66	541,896 – 9,723 * t; R^2 = 0,607; α≤0,01
Приволжский	31	540,12±25,35	141,13	26,13	710,981 – 11,391 * t; R^2= 0,539; α≤0,01
Уральский	31	564,94±23,87	132,87	23,52	614,980 – 3,336 * t; α>0,05
Сибирский	31	1393,33±91,63	570,16	40,92	1974,180 – 38,723 * t; R^2 = 0,476; α≤0,01
Дальневосточный	31	1673,91±144,02	801,89	47,91	2089,485 – 27,705 * t; α>0,05
Новосибирская область	36	87,34±16,6	99,58	114,0	222,541 – 7,726 * t; R^2 = 0,668; α≤0,01
Читинская область	19	10,59±1,87	8129	76,74	4,172 + 0,713 * t; R^2 = 0,244; α≤0,05
Канада	89	47,89±3,66	34480	71,99	59,347 –0,260 * t; α>0,05

Таблица 2

Значение коэффициентов Спирмена для динамики численности зайца-беляка в некоторых федеральных округах России

Округ	Приволжский	Северо-Западный	Центральный	Уральский	Сибирский
Приволжский	0				
Северо-Западный	**0,806**	0			
Центральный	**0,861**	**0,703**	0		
Уральский	0,182	0,258	-0,017	0	
Сибирский	**0,771**	**0,598**	**0,544**	0,316	0
Дальневосточный	**0,614**	**0,599**	0,320	0,228	**0,674**

Примечание: жирным шрифтом выделены значимые коэффициенты: p=0,376, $\alpha \leq 0,05$; p=0,471, $\alpha \leq 0,01$; p=0,579, $\alpha \leq 0,001$

Таблица 3

Достоверность различий в динамике средних многолетних значений численности зайца-беляка в некоторых федеральных округах РФ с помощью t-критерия

Округ	Приволжский	Северо-Западный	Центральный	Уральский	Сибирский
Приволжский	0				
Северо-Западный	**8,2**	0			
Центральный	**4,4**	**11,1**	0		
Уральский	0,7	**7,9**	**5,4**	0	
Сибирский	**9**	**3,6**	**10,6**	**8,7**	0
Дальневосточный	**7,8**	**4,3**	**8,8**	**7,6**	1,6

Примечание: жирным шрифтом выделены значимые коэффициенты: критические значения $t_{Кр}$ = 2, $p \leq 0,05$; $t_{Кр}$ =2,66, $p \leq 0,01$

Для оценки синхронности общих колебаний численности зайца-беляка в разных федеральных округах РФ рассчитали коэффициенты ранговой корреляции Спирмена (табл. 2), а достоверность различий в динамике ее средних многолетних значений оценили с помощью t-критерия (табл. 3).

Для графического отображения многолетнего хода численности зайца-беляка построили хронограммы, по которым можно визуально оценить степень ее варьирования (рис. 1, I). Кроме того, по расстоянию между пиками можно предположить периоды возможных циклов, а по их амплитуде – мощность. Для более точного суждения о количестве и соотношении колебаний численности зайца-беляка к каждой хронограмме построили ее спектр, с помощью которого оценивали совокупность скрытых периодических составляющих в каждой кривой, соотношение их количества и мощности (рис. 1, II; рис. 2).

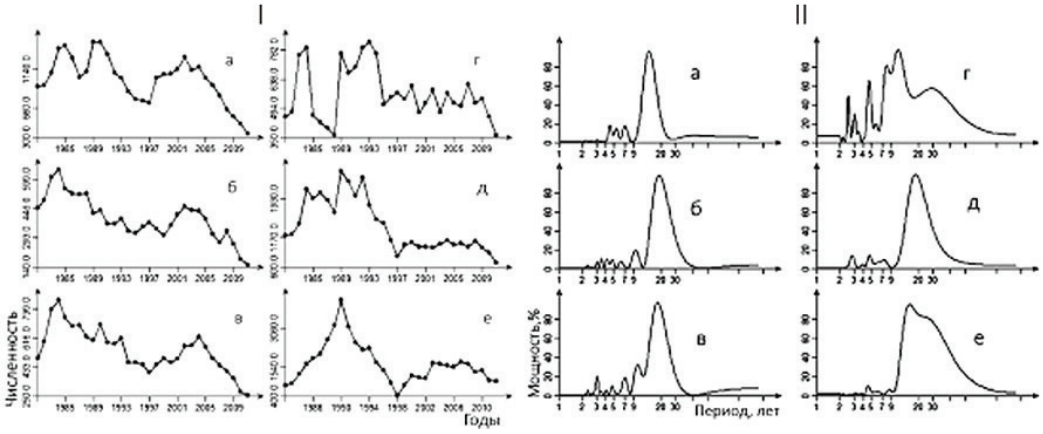


Рис. 1. Хронограммы (I) и спектры (II) многолетних колебаний численности зайца-беляка, полученные методом ЗМУ, в некоторых федеральных округах РФ: а – Северо-Западный, б – Центральный, в – Приволжский, г – Уральский, д – Сибирский, е – Дальневосточный

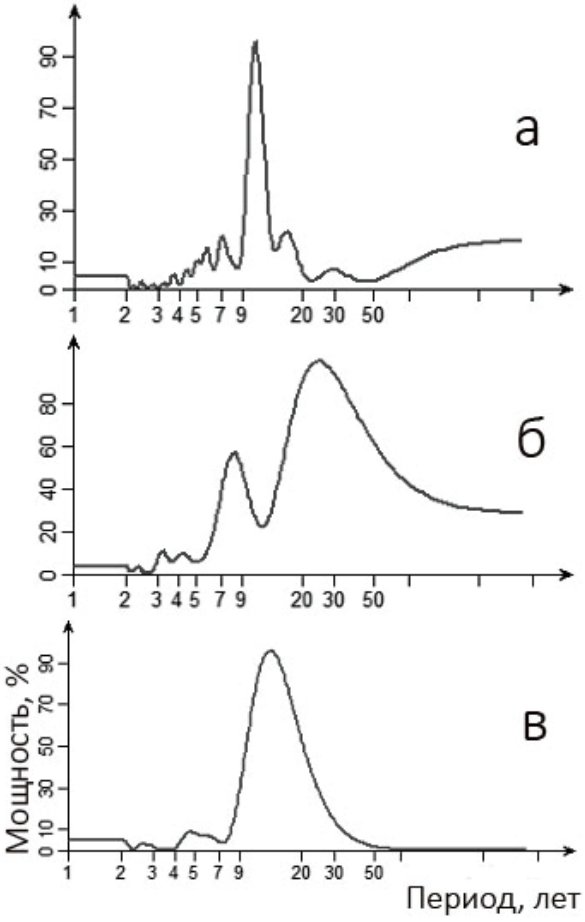


Рис. 2. Спектры многолетних колебаний численности зайца-беляка (по данным заготовок его шкурок): а – Канада, б – Новосибирская область, в – Читинская область

Таблица 4

Соотношение величины и мощности периодических составляющих многолетней динамики численности зайца-беляка в различных округах России (данные ЗМУ)

Период, лет → / Округ ↓	15-20	10-14	7-9,9	4,5-6		2,8-4		2,0-2,7	
Северо-Западный		13,8 124	6,9 53,0	5,4 48,3	4,5 53,7	3,4 13,0	3,0 21,1	2,5 17,9	2,3 17,0
Центральный	18,6 39,67		9,4 17,5	6,1 10,6	4,8 12,1	3,5 13,0	3,1 10,8	2,5 5,8	2,3 7,4
Приволжский	17,9 45,3		9,9 26,0	6,9 20,0	4,8 14,2	3,5 10,4	3,1 20,6	2,6 5,9	2,3 11,0
Уральский		10,9 43,2	7,8 39,3	5,8 19,3	4,7 35,3	3,5 14,8	3,1 24,0	2,6 30,5	2,2 10,3
Сибирский	17,9 183,5		7,2 55,1		4,8 68,5	3,9 37,4	2,8 67,3	2,5 29,8	2,1 12,1
Дальневосточный	16,5 471			5,1 119			2,9 52,2	2,4 47,9	2,1 57,9

Примечание: в ячейках таблицы верхняя цифра – период, лет; нижняя – мощность (амплитуда)

Таблица 5

Соотношение величины и мощности периодических составляющих многолетней динамики численности зайца-беляка (по данным заготовок) в некоторых областях РФ и за рубежом

Период, лет → / Регион ↓	16,1-30	10-16	7-9,5	4,5-6		2,8-4,3		2,0-2,7	
Канада	29,3 3704	16,0 6489	7,0 6172	5,7 5412	4,4 3727	3,7 3256	3,3 1997	2,4 2366	2,2 1465
Новосибирская область	24,4 28,56	-	8,1 21,53	-	4,2 8,88	3,2 9,27	-	-	2,3 5,15
Читинская область	-	13,1 4699	-	-	4,7 1424	3,5 138	-	2,6 824	-

Примечание: в ячейках таблицы верхняя цифра – период, лет; нижняя – мощность (амплитуда)

Анализ полученных после статистической обработки данных позволил оценить (по максимальным значениям) мощность колебаний многолетней численности зайца-беляка в пределах выделенных программой циклов.

Обсуждение

В европейской части РФ суммарная среднемноголетняя численность зайца-беляка заметно меньше, чем на ее азиатской территории. Среди округов, расположенных в европейской части Российской Федерации, по численности зайца-беляка выделяется только Северо-Западный округ (табл. 1). А в Центральном и Приволжском федеральных

округах этот показатель практически в 3 раза уступает аналогичному показателю, рассчитанному для Сибирского и Дальневосточного федеральных округов. Одной из причин этого является громадная территория, которую занимают азиатские округа, однако свою роль, возможно, играют и более оптимальные экологические условия, характерные для них. Территория Уральского федерального округа лежит и в европейской и в азиатской частях России. Численность зайца-беляка в его пределах (невзирая на огромную площадь) близка к показателям, характерным для европейских округов, особенно для граничащего с ним Приволжского федерального округа. Скорее всего, колебания численности зайца-беляка на территории этих соседних округов происходят под влиянием комплекса сходных факторов, поскольку различия в динамике средних многолетних значений его численности статистически недостоверны. Аналогичная картина наблюдается и в отношении граничащих между собой Сибирского и Дальневосточного федеральных округов.

Колебания численности зайца-беляка в границах Российской Федерации часто происходят синхронно [21]. Это подтверждается и нашим анализом (табл. 2). Обнаружили сильную связь между колебаниями численности зайца-беляка в пределах территории большинства федеральных округов России. Ранговые коэффициенты корреляции достигают высоких значений и статистически достоверны. Исключением из общей картины является только Уральский федеральный округ. Для популяции зайца-беляка в его пределах характерны частые подъемы и спады численности, происходящие в относительно короткие промежутки времени (рис. 1; I, г), что это выделяет эту территорию из ряда других, на которых колебания численности зайца-беляка в значительной степени синхронизированы.

Анализ спектров периодических составляющих динамики численности зайца-беляка по федеральным округам РФ позволяет оценить визуальную картину соотношения гармонических составляющих в каждом регионе (рис. 1, II).

Спектры колебаний численности зайца-беляка в федеральных округах, лежащих в пределах европейской части России (рис. 1, II, а, б, в), практически совпадают, в каждом случае изменяется только положение доминирующей по мощности гармоники. С продвижением на восток (от Северо-Западного до Приволжского федерального округа) период низкочастотного пика растет. В азиатской же части России вид спектров более разнообразен, однако тенденция роста периода низкочастотного цикла сохраняется. На Урале этот ритм приблизительно 15-летний, в Сибири он уже 20-летний, а на Дальнем Востоке приближается к 30-летнему (рис. 1, II г, д, е). К сожалению, небольшой срок сбора данных по численности зайца-беляка в этом регионе не дает возможности разделить низкочастотные пики на спектре, и они имеют общее основание (рис. 1, II е).

Наибольшая амплитуда (мощность) колебаний у зайца-беляка в России наблюдается в полосе низких частот, т. е. больших колебаний численности этого вида следует ожидать каждые 15-20, а то и 30 лет. Различия у высокочастотных колебаний численности зайца-беляка почти во всех федеральных округах РФ весьма незначительны. Исключением снова является лишь динамика численности населения зайца-беляка в УрФО. Здесь высокочастотные гармоники на спектре значительны по мощности (рис. 1, II г), что означает возможность больших подъемов численности не только через каждые 15, но и каждые 5 и даже 2,5 года.

Общую картину цикличности многолетней численности зайца-беляка в различных федеральных округах России отражают рассчитанные периоды и мощности гармонических составляющих на ее спектрах (табл. 4).

Сравнения спектров численности зайца-беляка показывает их большую общность почти во всех федеральных округах, что свидетельствует об одинаковой цикличности средней многолетней численности вида практически на всей территории России. Незначительные различия между спектрами численности зайца-беляка в разных

регионах можно наблюдать только в низких и средних частотах (табл. 4). Однако и в этих полосах частот четких закономерностей установить не удалось. Можно выделить лишь то, что в пределах Северо-Западного и Уральского федеральных округов наблюдается большее сходство спектров колебаний численности зайца-беляка, а в Дальневосточном федеральном округе циклов на спектре гораздо меньше, чем на остальных территориях и, возможно, их периоды уменьшаются (табл. 4).

Представление о географической изменчивости спектра цикличности динамики численности зайца-беляка дает сравнение по этой характеристике его российских и канадских популяций. Период наблюдений колебаний численности зайца-беляка в Канаде очень длинный (89 лет), что позволило выделить относительно полный набор циклов. В Канаде наибольшая мощность отмечена у 16-летнего колебания численности вида. Временной ряд учетов численности зайца-беляка в России значительно короче (31 год), однако все-таки удалось выделить кратный канадскому относительно мощный 8-летний цикл в Северо-Западном и Уральском федеральных округах, а также в Сибирском федеральном округе (табл. 4) и на его территории, в частности, в Новосибирской области (табл. 5). Вообще, средние по мощности (и приблизительно 4-летние) гармонические составляющие циклов обязательно присутствуют на спектрах колебаний численности зайца-беляка по всей территории РФ. Видимо, можно предположить, что они являются характерными для населения зайца-беляка на территории России.

Расчет многолетних циклов в динамике численности зайца-беляка по данным, собранным разными методами (ЗМУ и результаты заготовок его шкурок), дает сравнимые результаты. Таким образом, обе методики сбора данных по численности зайца-беляка пригодны для проведения подобного анализа.

Рассматривая цикличность колебаний численности зайца-беляка на такой громадной территории и обнаруживая сходство циклов даже между отдаленными регионами (округами), естественно предположить, что синхронизаторами к таким колебаниям могут служить глобальные осцилляции, проявляющиеся на всем этом пространстве. Подтверждением тому могут быть соображения о природной циклике планеты, высказанные В. Г. Кривенко [22]. Он предлагает использовать понятие гелиогидроклиматических циклов, объединяющее взаимозависимые колебания производных климата и гидрологического режима с солнечными циклами и георитмами Земли и выделяет, в частности, 2-5-, 7-12-, 19-22-летние колебания многих климатических параметров. Сопоставление циклов колебаний численности зайца-беляка в федеральных округах России показывает их близость к планетарным осцилляциям, приводимым В. Г. Кривенко.

Заключение

Колебания численности зайца-беляка в границах Российской Федерации в большинстве федеральных округов происходят синхронно. Исключением из общей картины является только Уральский федеральный округ.

Спектры колебаний численности зайца-беляка в федеральных округах, лежащих в пределах европейской части России, в значительной степени совпадают, в каждом случае изменяется только положение доминирующей по мощности гармоники. С продвижением с запада на восток растет период низкочастотного пика от ~15-17-летнего в европейской части РФ до ~30-летнего в Дальневосточном федеральном округе, а также в том же направлении, значительно увеличивается амплитуда колебаний численности вида. Наибольшая амплитуда (мощность) колебаний у зайца-беляка в России наблюдается в полосе низких частот, т. е. больших колебаний численности этого вида следует ожидать каждые 15-20, а то и 30 лет.

Географическая изменчивость спектров колебаний численности у зайца-беляка незначительна. Характерными для его населения на всей территории России являются приблизительно 4-5-летние и средние по мощности гармонические составляющие циклов.

Анализ многолетних циклов временных рядов уровня численности зайца-беляка, полученных разными методами (ЗМУ и по результатам заготовок пушно-мехового сырья), дает сравнимые результаты.

Полученные результаты могут сыграть важную роль при организации различных санитарно-противоэпидемических мероприятий, а также при планировании объемов добычи зайца-беляка, что, в конечном итоге, сыграет важную роль в деле рациональной и неистощительной эксплуатации его популяции.

Кроме того, опробованная схема комплексного статистического анализа многолетних рядов численности (в данном случае зайца-беляка) с целью обнаружения циклических составляющих и оценки их амплитуды в дальнейших исследованиях будет апробироваться на других видах животных.

Литература

1. Соколов В. А. Млекопитающие России и сопредельных регионов. Зайцеобразные. – М.: Наука, 1994. – 272 с.

2. Elton C. S. Canadian snowshoe rabbit enquiry, 1931-1932 // The Canadian Field-Naturalist. – 1933. – Vol. 47. – N 4-5. – P. 63-69; 84-86.

3. Мошева Т. С., Молочаев А. В., Наумова А. А. Заяц-беляк // Состояние ресурсов охотничьих животных в Российской Федерации. – М., 2000. – С. 91-92.

4. Молочаев А. В. Заяц-беляк // Состояние ресурсов охотничьих животных в Российской Федерации в 2000-2003 гг. – М., 2004. – С. 116-117.

5. Преловский В. А., Пономарёв Г. В. Современное состояние охотничье-промысловых ресурсов Сибири // Известия Иркутского государственного университета. – 2018. – Т. 24. – С. 81-98. doi: 10.26516/2073-3402.2018.24.81

6. Данилов П. И., Хелле П., Белкин В. В. и др. Распределение и численность охотничьих зверей и тетеревиных птиц в Восточной Фенноскандии. – Петрозаводск, 2002. – 20 с.

7. Белкин В. В. Биологические предпосылки освоения ресурсов зайца-беляка на Европейском Севере России // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – Самара, 2010. – Т. 12, № 1 (5). – С. 1267–1270.

8. Бойко Н. С., Макарова О. А., Катаев Г. Д. Заяц-беляк (Lepus timidus) в заповедниках Мурманской области // Экологические проблемы северных регионов и пути их решения: материалы VI Всероссийской научной конференции. – Апатиты: Изд-во Кольского научного центра РАН, 2016. – С. 56-59.

9. Newey S., Willebrand T., Haydon D.T ., Dahl F., Aebischer N. J., Smith A. A. & Thirgood S.J. Do mountain hare populations cycle? – 2007. – Oikos, 116. – P. 1547–1557. doi:10.1111/j.2007.0030-1299.15868.x

10. Kauhala K., Helle P., Hiltunen M., Population dynamics of mountain hare *Lepus timidus* populations in Finland // Wildlife Biology. – 2005. – Vol. 11, №. 4. – P. 299–307 doi:10.2981/0909-6396(2005)11

11. Newey S., Fletcher K., Potts J., Iason G. Developing a counting methodology for mountain hares (Lepus timidus) in Scotland // Scottish Natural Heritage Research Report. – 2018. – №1022. – 93 p.

12. Krebs C. J., Boonstra R., Boutin S. Using experimentation to understand the 10-year snowshoe hare cycle in the boreal forest of North America // Journal of Animal Ecology. – 2018. – Volume 87. Issue 1. – P. 87-100. doi: 10.1111/1365-2656.12720

13. Динамика численности зайца-беляка в Новосибирской области с 1930 по 1965 гг. (по данным заготовок) [Электронный ресурс]. URL: http://www.zoofirma.ru/knigi/biologicheskoe-rajonirovanie/6096-dinamika-chislennosti-zajtsa-beljaka.html (дата обращения: 15.11.2019)

14. Agafonov G. M., Yerdakov L. N. Cyclicity of long- term abundance dynamics in Populations of Lepus timidus in Transbaikal region // Modern Aspects of Sustainable Management of Game Populations: Proceedings of 3rd International Symposium on Hunting with Abstract book. – Zemun, Belgrade, Serbia. – 2014. – P. 33-34.

15. MacLulich D. A. Fluctuations in the numbers of the varying hare (Lepus americanus) // University of Toronto studies. Biological series. – Toronto: University of Toronto Press, 1937. – №43. – 136 p.

16. MakArthur R. H., Connell J. H. The biology of populations. – New York: Wiley, 1966. – 216 p.

17. Инструкция по организации, проведению учета и расчету численности учитываемых видов зверей и птиц на территории субъектов РФ [Электронный ресурс] / ФГБУ «Центрохотконтроль». URL: http://www.myshared.ru/slide/276276 (дата обращения: 15.11.2019)

18. Кузякин В. А. Охотничья таксация. – М.: Лесная промышленность, 1979. – 200 с.

19. Hammer Ø., Harper D. A. T., Ryan P. D. PAST: Paleontological statistics software package for education and data analysis // Palaeontol. Electron. – 2001. № 4. – P. 1–9.

20. Тарновский А. В., Ердаков Л. Е., Литвинов Ю. Н. Применение модифицированного метода наименьших квадратов Прони при моделировании коротких временных рядов // Вестник Иркутской государственной сельскохозяйственной академии. – 2019. – Вып. 92. – С. 131-147.

21. Ломанова Н. В., Борисов Б. П., Володина О. А. и др. Состояние охотничьих ресурсов в Российской Федерации в 2008–2010 гг. Информационно-аналитические материалы // Охотничьи животные России (биология, охрана, ресурсоведение, рациональное использование). – М.: Центрохотконтроль, 2010. – Выпуск 9. – 219 с.

22. Кривенко В. Г. Природная циклика нашей планеты // Вестник РАЕН. – 2010. – Т.10, №3. – С. 25-29.

References

1. Sokolov V. A. Mlekopitayushchie Rossii i sopredel'nyh regionov. Zajceobraznye. – M.: Nauka, 1994. – 272 s.

2. Elton C. S. Canadian snowshoe rabbit enquiry, 1931-1932 // The Canadian Field-Naturalist. – 1933. – Vol. 47. – N 4-5. – P. 63-69; 84-86.

3. Mosheva T. S., Molochaev A. V., Naumova A. A. Zayac-belyak // Sostoyanie resursov ohotnich'ih zhivotnyh v Rossijskoj Federacii. – M., 2000. – S. 91-92.

4. Molochaev A. V. Zayac-belyak // Sostoyanie resursov ohotnich'ih zhivotnyh v Rossijskoj Federacii v 2000-2003 gg. – M., 2004. – S. 116-117.

5. Prelovskij V. A., Ponomaryov G. V. Sovremennoe sostoyanie ohotnich'e-promyslovyh resursov Sibiri // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2018. – T. 24. – S. 81–98. doi: 10.26516/2073-3402.2018.24.81

6. Danilov P. I., Helle P., Belkin V. V. i dr. Raspredelenie i chislennost' ohotnich'ih zverej i teterevinyh ptic v Vostochnoj Fennoskandii. – Petrozavodsk, 2002. – 20 s.

7. Belkin V. V. Biologicheskie predposylki osvoeniya resursov zajca-belyaka na Evropejskom Severe Rossii // Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. – Samara, 2010. – T. 12, № 1 (5). – S. 1267–1270.

8. Bojko N. S., Makarova O. A., Kataev G. D. Zayac-belyak (Lepus timidus) v zapovednikah Murmanskoj oblasti // Ekologicheskie problemy severnyh regionov i puti ih resheniya: materialy VI Vserossijskoj nauchnoj konferencii. – Apatity: Izd-vo Kol'skogo nauchnogo centra RAN, 2016. – S. 56-59.

9. Newey S., Willebrand T., Haydon D.T ., Dahl F., Aebischer N. J., Smith A. A. & Thirgood S.J. Do mountain hare populations cycle? – 2007. – Oikos, 116. – P. 1547–1557. doi:10.1111/j.2007.0030-1299.15868.x

10. Kauhala K., Helle P., Hiltunen M., Population dynamics of mountain hare Lepus timidus populations in Finland // Wildlife Biology. – 2005. – Vol. 11, №. 4. – P. 299–307 doi:10.2981/0909-6396(2005)11

11. Newey S., Fletcher K., Potts J., Iason G. Developing a counting methodology for mountain hares (Lepus timidus) in Scotland // Scottish Natural Heritage Research Report. – 2018. – №1022. – 93 p.

12. Krebs C. J., Boonstra R., Boutin S. Using experimentation to understand the 10-year snowshoe hare cycle in the boreal forest of North America // Journal of Animal Ecology. – 2018. – Volume 87. Issue 1. – R. 87-100. doi: 10.1111/1365-2656.12720

13. Dinamika chislennosti zajca-belyaka v Novosibirskoj oblasti s 1930 po 1965 gg. (po dannym zagotovok) [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.zoofirma.ru/knigi/biologicheskoe-rajonirovanie/6096-dinamika-chislennosti-zajtsa-beljaka.html (data obrashcheniya: 15.11.2019)

14. Agafonov G. M., Yerdakov L. N. Cyclicity of long- term abundance dynamics in Populations

of Lepus timidus in Transbaikal region // Modern Aspects of Sustainable Management of Game Populations: Proceedings of 3rd International Symposium on Hunting with Abstract book. – Zemun, Belgrade, Serbia. – 2014. – P. 33-34.

15. MacLulich D. A. Fluctuations in the numbers of the varying hare (Lepus americanus) // University of Toronto studies. Biological series. – Toronto: University of Toronto Press, 1937. – №43. – 136 p.

16. MakArthur R. H., Connell J. H. The biology of populations. – New York: Wiley, 1966. – 216 p.

17. Instrukciya po organizacii, provedeniyu ucheta i raschetu chislennosti uchityvaemyh vidov zverej i ptic na territorii sub"ektov RF [Elektronnyj resurs] / FGBU «Centrohotkontrol'». URL: http://www.myshared.ru/slide/276276 (data obrashcheniya: 15.11.2019)

18. Kuzyakin V. A. Ohotnich'ya taksaciya. – M.: Lesnaya promyshlennost', 1979. – 200 s.

19. Hammer Ø., Harper D. A. T., Ryan P. D. PAST: Paleontological statistics software package for education and data analysis // Palaeontol. Electron. – 2001. № 4. – P. 1–9.

20. Tarnovskij A. V., Erdakov L. E., Litvinov YU. N. Primenenie modificirovannogo metoda naimen'shih kvadratov Proni pri modelirovanii korotkih vremennyh ryadov // Vestnik Irkutskoj gosudarstvennoj sel'skohozyajstvennoj akademii. – 2019. – Vyp. 92. – S. 131-147.

21. Lomanova N. V., Borisov B. P., Volodina O. A. i dr. Sostoyanie ohotnich'ih resursov v Rossijskoj Federacii v 2008–2010 gg. Informacionno-analiticheskie materialy // Ohotnich'i zhivotnye Rossii (biologiya, ohrana, resursovedenie, racional'noe ispol'zovanie). – M.: Centrohotkontrol', 2010. – Vypusk 9. – 219 s.

22. Krivenko V. G. Prirodnaya ciklika nashej planety // Vestnik RAEN. – 2010. – T.10, №3. – S. 25-29.

УДК 582.325.1 (571.56)

Е. И. Иванова

Семейство *Polytrichaceae* Schwägr. в Якутии

ИБПК СО РАН, г. Якутск, Россия

Аннотация. В настоящее время закончена ревизия семейства *Polytrichaceae* в России, включающего 40 видов из 8 родов, с применением методов изучения ДНК последовательностей. Особое внимание было уделено 4 родам (*Oligotrichum, Lyellia, Polytrichum, Polytrichastrum*), что помогло при решении проблем с разграничением видов, морфологические признаки которых перекрывались. Были изучены образцы из приграничных районов России, в том числе и из слабо изученных регионов, таких как Якутия, Забайкалье, Приморье и Кавказ (Гербарии LE, MHA, H, MW, SASY, NSK и др.). В целом это позволило заново пересмотреть систематику семейства, уточнить морфологические признаки видов, их распространение и экологическую приуроченность. Флора мхов Якутии насчитывает в настоящее время 539 видов и разновидностей из 174 родов и 52 семейств, 19 порядков и 6 классов отдела BRYOPHYTA. В Якутии семейство *Polytrichaceae* входит в число ведущих, составляющих ядро таежной флоры и насчитывает 18 видов из 6 родов: *Lyellia* (1 вид), *Oligotrichum* (2), *Psilopilum* (2), *Polytrichum* (8), *Pogonatum* (2), *Polytrichastrum* (3), из них два вида – *Lyellia aspera* и *Oligotrichum falcatum* внесены в Красную книгу Республики Саха (Якутия) (2017). Представители семейства произрастают большей частью в лесах, на болотах и в тундре. В статье приводится краткий обзор видов семейства *Polytrichaceae* в Якутии с приведением их распространения по флористическим районам, частоты встречаемости и экологической приуроченности.

Ключевые слова: мохообразные, мхи, *Polytrichaceae*, систематика мохообразных, бриофлора, биоразнообразие, редкие виды, гербарные образцы, Якутия.

Работа выполнена в рамках госзадания ИБПК СО РАН по проекту «Фундаментальные и прикладные аспекты изучения разнообразия растительного мира Северной и Центральной Якутии» (№ 0376-2019-0003АААА-А17-117020110056-0) и частично поддержана грантом РФФИ №16-04-01156.

DOI 10.25587/SVFU.2020.75.55407

ИВАНОВА Елена Ильинична – к. б. н., в. н. с. лаборатории флористики, геоботаники и мерзлотного лесоведения ФГБУН ИБПК СО РАН.

E-mail: bryo.ivanova@yandex.ru

IVANOVA Elena Ilinischna – Candidate of Biological Sciences, Leading Researcher at the Laboratory of Floristics, geobotany and permafrost forest science, Federal State Budgetary Institution for Science IBPC SD RAS.

E. I. Ivanova

The Family *Polytrichaceae* Schwägr in Yakutia

Federal State Budgetary Institution for Science IBPC SD RAS, Yakutsk, Russia

Abstract. At the present time a revision of the Polytrichaceae family in Russia including 40 species from 8 genera has been completed using the methods of DNA sequences studying. Special attention was paid to 4 genera (Oligotrichum, Lyellia, Polytrichum, Polytrichastrum), which helped in solving problems with the differentiation of species whose morphological features were overlapped. Samples from the border regions of Russia including poorly studied regions such as Yakutia, Transbaikalia, Primorye and the Caucasus (Herbariums LE, MHA, H, MW, SASY, NSK, etc.) were studied. In general, all the above mentioned allowed to re-examine the systematics of the family, to clarify the morphological characteristics of species, their distribution and environmental confinement. The flora of the mosses of Yakutia currently includes 539 species and varieties from 174 genera and 52 families, 19 orders and 6 classes of BRYOPHYTA division. The Polytrichaceae family is among the leading families in Yakutia, constituting the core of the taiga flora and it has 18 species from 6 genera: Lyellia (1 species), Oligotrichum (2), Psilopilum (2), Polytrichum (8), Pogonatum (2), Polytrichastrum (3), two species of them – *Lyellia aspera* and *Oligotrichum falcatum* are included in the Red Book of the Republic of Sakha (Yakutia) (2017). Representatives of the family grow mostly in forests, swamps and tundra. The article provides a brief overview of the Polytrichaceae family species in Yakutia with their distribution in floristic areas, frequency of occurrence and environmental confinement.

Keywords: bryophytes, mosses, *Polytrichaceae*, taxonomy, bryoflora, biodiversity, rare species, herbarium specimens, Yakutia.

The research was conducted as part of the SB RAS Institute of Biological Problems of Cryolithic zone state assignment project "Fundamental and Applied aspects of the study of Northern and Central Yakutia flora diversity" (№ 0376-2019-0003 AAAA-A17-117020110056-0) and is partially funded by RFBR grant # 16-04-01156.

Введение

Мохообразные вместе с сосудистыми растениями составляют группу высших растений. В мире насчитывается в настоящее время около 12 тыс. видов из 3 подотделов, 7 классов, 35 порядков, 120 семейств и около 860 родов отдела BRYOPHYTA (Musci, Mosses) [1].

Изучение мхов в России было начато более 200 лет назад, однако, в отличие от сосудистых растений, мхи здесь до сих пор не были описаны в одном издании. Это сильно тормозило их изучение, которое приходилось проводить в основном по зарубежным определителям, особенно для исследований в азиатской части России. В 1992 г. впервые начал издаваться специализированный бриологический журнал «Arctoa», основной задачей которого стала аккумуляция в одном издании статей бриологического направления (главный редактор д. б. н. М. С. Игнатов). В настоящее время журнал имеет свою электронную версию, куда кроме опубликованных томов включено большое количество информации для всех, кто интересуется мохообразными России (каталог мхов, база гербарных образцов, таксономические обработки родов, фото мхов и пр.) [2].

В последние годы применение молекулярно-филогенетических методов исследований дало возможность решить целый ряд проблем в определении и понимании объема

таксонов мохообразных, что повлияло и на систематику, и на номенклатуру. Кроме того, в результате многолетних исследований были подведены итоги изучения многих региональных флор, что дало возможность опубликования в «Arctoa» двух чек-листов – в 1992 г. списка мхов территории бывшего СССР [3] и более последней его версии в 2006 г. – списка мхов Восточной Европы и Северной Азии [4]. На тот момент флора этого региона насчитывала 1302 вида. Тем не менее ежегодно флора мхов России все пополняется новыми и интереснейшими находками. Так, например, в 2015 г. в горах Восточной Якутии на хребте Сетте-Дабан был найден *Andreaeobryum macrosporum* Steere & B.M. Murray (*Andreaeobryopsida*), который ранее считался эндемиком Северной Америки, впоследствии найденный также на хребте Черского в 2017 г. [5, 6].

Выход в 2003 г. определителя «Флора мхов средней части Европейской России» [7, 8], написанного с учетом современного понимания систематики мохообразных, дал толчок для начала работы над новым проектом – «Флора мхов России», поддержанным программой Президиума РАН «Живая природа: современное состояние и проблемы развития». В задачах проекта – проведение инвентаризации биоразнообразия мхов России; ревизия коллекций мхов основных фондов гербариев (LE, MHA, MW, SASY, CSBS, NSK, IRK, KRABG, SYK, VLA и др.); накопление базы данных гербарных образцов [9]; таксономические ревизии родов и семейств мхов, встречающихся в России; уточнение статуса и объема наиболее сложных критических видов методами геносистематики; уточнение границ между видами, встречающимися в России и на сопредельных территориях и пр. В результате этих работ, начиная с 2016 г., началось издание «Флоры мхов России» в нескольких томах с ключами, подробными описаниями и иллюстрациями всех видов мхов России, данными по их распространению и экологии [10, 11].

В настоящее время флора мхов Якутии насчитывает 539 видов и разновидностей из 174 родов и 52 семейств, 19 порядков и 6 классов отдела BRYOPHYTA [4, 12]. В силу огромной площади (более 3 млн кв. км) и труднодоступности горной части Якутии и, соответственно, все еще недостаточной изученности эта цифра, несомненно, занижена. При этом следует отметить, что сравнительно низкое количество видов мхов обусловлено некоторыми факторами. Основным из них является расположение Якутии в зоне вечной мерзлоты, определяющей состав, структуру и динамику растительного покрова республики, следствием которой является однообразие и, соответственно, обеднение растительных сообществ, в которых произрастают мхи. Например, около 82,5% в Якутии занимают леса, из них на лиственничные леса приходится примерно 77,5% [13]. В них, в наиболее увлажненных типах лесов, моховой покров может достигать более 80% покрытия, но при этом его видовое разнообразие все равно остается очень низким.

Значительное влияние на видовое разнообразие мхов оказывает резко континентальный сухой климат на большей части республики, что подтверждается наличием аридного комплекса видов, связанного с выпадением малого количества осадков и, как следствие этого, распространением степных сообществ, большие очаги которых имеются в среднем течении р. Лены и в бассейнах рр. Яны и Индигирки. Аридный элемент во флоре мхов Якутии занимает около 4,5% от общего количества видов. В известном смысле символом этого комплекса служит нахождение *Indusiella thianschanica* Broth. & Müll.Hal., ареал которой включает криоаридные и аридные ландшафты Аляски, Якутии, Монголии, Центральной Азии, Восточного Кавказа и пустыни Сахара [8, 14, 15].

Изучение семейства *Polytrichaceae* Schwägr. в России

Нами проведена ревизия видов из семейства *Polytrichaceae* в Гербариях LE, MHA, H, MW, SASY, NSK и др. Это одно из крупных семейств, представители которого распространены по всему земному шару, преобладая в холодных и умеренных его областях. Большинство их растет на почве, реже на камнях и валежнике. Является

Таблица

Семейство *Polytrichaceae* в России

Литература	Atrichum	Bartramiopsis	Lyellia	Oligotrichum	Pogonatum	Polytrichastrum	Polytrichum	Psilopilum
22	5	1		2	10		13	2
23	5	1	1	3	10		13	3
3	5	1	1	4	9	2+1	12	2
4	5	1	1	4	9	7+2	7	2
15, 16, 17, 18	5	1	1	4	9	7	11+2	2
9	5	1	1	4	9	7	13	2

одним из самых древних семейств, имеет относительно примитивные черты строения, характер распространения, консервативность признаков и обособленное положение в системе мхов (стоит в начале системы). Родовая ревизия семейства проведена Г. Смитом [16] и уточнена на основе анализа последовательностей ДНК Беллом и Хювоненом [17, 18]. За последние 10 лет в России была проведена ревизия 4 проблемных родов из этого семейства: *Oligotrichum, Lyellia, Polytrichum, Polytrichastrum* с применением методов изучения ДНК последовательностей [19-22]. Особенно это помогло при решении проблем с разграничением видов, морфологические признаки которых перекрывались. Также были пристально изучены образцы с приграничных районов и из недостаточно изученных районов, таких как Якутия, Забайкалье, Приморье и Кавказ. В целом все это позволило заново пересмотреть систематику семейства, уточнить морфологические признаки видов, их распространение, экологическую приуроченность и пр.

Семейство *Polytrichaceae* в России включает в настоящее время 40 видов из 8 родов: *Atrichum* (5 видов), *Bartramiopsis* (1), *Lyellia* (1), *Oligotrichum* (4), *Psilopilum* (2), *Polytrichum* (11), *Pogonatum* (9), *Polytrichastrum* (7). В основном разнообразие видов наблюдается в приокеанических районах, большей частью на Дальнем Востоке.

Если посмотреть на табл., отображающую количественное изменение видов в родах этого семейства в России в течение 60 лет, то можно увидеть, что изменения коснулись в последние годы в основном 2 родов: *Polytrichastrum* и *Polytrichum*. Здесь при проведении ревизии было выявлено 7 видов *Polytrichastrum* и 11 видов из рода *Polytrichum*. Увеличение количества видов было в основном за счет поднимания подвидов до статуса вида и нахождения новинок для флоры России.

Было выявлено, что род *Polytrichastrum* в России содержит в настоящее время 7 видов, т. е. три вида из секции *Aporotheca* выведены в род *Polytrichum*. Еще 3 вида подтвердили свой самостоятельный видовой статус, один образец из Чукотки был отнесен к восточноазиатскому виду *Polytrichastrum cf. papillatum* G.L. Sm. и стал новинкой для России [21].

Род *Polytrichum* в России содержит 11 видов и подразделяется на 3 секции. Самые большие изменения произошли в секции *Aporotheca*, сюда перешли три вида из рода *Polytrichastrum*, это *Polytrichum longisetum* Sw. ex Brid., *P. formosum* Hedw., *P. pallidisetum* Funck. Также большое количество образцов, определенных ранее как *P. formosum*, оказались *P. densifolium* Wilson ex Mitt., статус которого поднялся до вида [22].

Семейство *Polytrichaceae* в Якутии

В Якутии семейство *Polytrichaceae* входит в число ведущих, составляющих ядро таежной флоры и насчитывает 18 видов из 6 родов: *Lyellia* (1 вид), *Oligotrichum* (2),

Psilopilum (2), *Polytrichum* (8), *Pogonatum* (2), *Polytrichastrum* (3). Представители его встречаются большей частью в лесах, на болотах и в тундрах.

Ниже приведем краткий обзор видов семейства *Polytrichaceae* в Якутии с приведением его распространения по флористическим районам.

Согласно проекту «Флора мхов России», вся территория России была разделена на 116 районов, которые для удобства в основном совпадали с административными [2]. Республика Саха (Якутия) как один из самых крупных регионов была разделена на 10 районов, которые в большинстве своем совпадают с флористическими районами Якутии (Ол-Yol, Я-И-Yyi, Кол-YKo, Ц-Я-Yc, В-Л-Yvl, Алд-Yal), кроме арктического района [23]. Он был условно разделен на 4 части: Новосибирские острова (NI), северо-западная часть арктического района – нижнее течение р. Анабар и Оленек (Ynw), дельта р. Лены и Хараулахский хребет (Ynh), северо-восточная часть – нижнее течение р. Яны, Индигирки и Колымы (Yne) [4].

Встречаемость видов в Якутии мы оценили условно по следующей шкале: 1 раз – единично; 1-3 раза – очень редко; 3-10 раз – редко; 10-30 – изредка; 30-50 – часто; 50-100 – распространенный вид; более 100 раз – широко распространенный вид.

Род *Lyellia* R. Br. представлен в Якутии 1 видом – *Lyellia aspera* (I. Hagen & C.E.O. Jensen) Frye. Этот вид распространен в горах холодных областей Северной Азии, встречается в Северной Америке. В России редок, его южная граница проходит по северной части Забайкалья, в бассейнах рек Витим и Олекма, на Камчатке. Растет в разных типах тундр, нивальных сообществах, ерниках, ольховниках, каменноберезняках, горных лиственничных редколесьях, в расщелинах и на уступах скал, часто более-менее кальций-содержащих [20]. Был изначально внесен в Красную книгу РС (Я) [24], имеет 3в категорию редкости. Рекомендован в новое издание Красной книги РС (Я) [25]. В Якутии встречается изредка, выявлен в 6 флористических районах (Ynw, Ykh, Yne, Yyi, Yvl, Yal) [23].

Род *Psilopilum* Lam. et DC. представлен двумя видами: *Psilopilum laevigatum* (Wahlenb.) Lindb. и *P. cavifolium* (Wilson) I. Hagen. Это циркумполярные виды, распространенные на севере Скандинавии, Исландии, Гренландии, в Северной Америке. В России довольно редко встречаются на севере европейской части, но более часто – в Сибири. У первого вида наиболее южное местонахождение было выявлено на Курильских островах. У второго намного севернее – в Забайкалье, в горах Южной Якутии. Виды растут на почвенных обнажениях в тундрах, возле скальных выходов, на крутых берегах речек и ручьев. В европейской части России довольно обычны и в антропогенных местообитаниях. В Якутии оба вида встречаются часто в северных и горных районах: *P. laevigatum* отмечен в 5 районах республики (Ynw, Ykh, Yne, Yyi, Yal), *P. cavifolium* – в 4 (Ykh, Yne, Yyi, Yal).

Род *Oligotrichum* Lam. et DC. в Якутии представлен двумя видами: *Oligotrichum falcatum* Steere и *O. hercynicum* (Hedw.) Lam. Первый вид широко распространен в Северной Америке и Гренландии, а в Северной Азии – от Чукотки до Анабарского плато, на юге доходит до гор Камчатки, вплоть до хребтов севера Иркутской области, Удокана, Станового хребта, единичные находки были на Западном Саяне и Алтае. Растет на почвенных обнажениях в тундре, нивальных группировках, склоновых обнажениях, бортиках вдоль ручьев. В России довольно редок. Внесен в Красную книгу РС (Я) [24], имеет 3в категорию редкости, рекомендован в новое издание [25]. В Якутии *O. falcatum* встречается довольно часто на севере и в горах, к югу становится реже (Ykh, Yne, Yyi, Yal). Второй вид – *O. hercynicum*, был выявлен в Якутии совсем недавно, только на хребте Таас-Кыстабыт, в окр. пос. Усть-Нера (Yyi), на высоте 1600 м над ур. м., единично [26]. В России этот вид тяготеет к приокеаническим районам, включая южную Арктику, в Якутии замещается *O. falcatum*. Нами была проведена ревизия этого рода в

России, уточнены диагностические признаки и распространение двух видов *O. falcatum* и *O. hercynicum*, а также их отличие от близкородственного рода *Psilopilum* [19].

Род *Pogonatum* P. Beauv. представлен в Якутии двумя видами. Первый вид – *Pogonatum dentatum* (Brid.) Brid. в Европе известен в странах Скандинавии, Исландии, в Шпицбергене; в Азии распространен от Арктики на юг до гор Южной Сибири, Монголии, северного Китая. Второй вид – *P. urnigerum (*Hedw.) P. Beauv. с более широким распространением по всей Европе, Северной и Центральной Африке, Азии, Северной Америке. Довольно обычен на территории лесной зоны европейской части России и Сибири, более редок в степях. В Якутии оба вида произрастают на севере и в горах – на нивальных луговинах, тундрах, болотах, курумниках, каменистых осыпях, по берегам горных ручьев и речек, в горных лиственничниках и лиственничных редколесьях, каменноберезняках, ерниках, на зарастающих отвалах. Оба вида растут на сырой или более-менее сухой почве, как песчаной, так и глинистой, иногда на нарушенных местообитаниях. Первый вид *P. dentatum* встречается часто, отмечен в 7 районах (NI, Ynw, Ynh, Yne, Yyi, Yvl, Yal), второй вид встречается изредка, выявлен в 5 районах (NI, Ynh, Yyi, Yvl, Yal).

Род *Polytrichastrum* G. L. Smith представлен в Якутии 3 видами. Первый вид *Polytrichastrum alpinum* (Hedw.) G.L. Smith широко распространен, известен в приполярных областях обоих полушарий и в горах. Второй – *P. fragile* (Bryhn) Schljakov является редким видом высокоширотной Арктики, известным с островов Северного Ледовитого океана и из немногих мест в горах севера Сибири. В Северной Америке вид также ограничен в своем распространении Аляской, Канадой и Гренландией. Следует иметь в виду, что многие авторы относили к *P. fragile* растения *P. alpinum* с ломкими листьями, что приводило к ложному представлению о значительно более широком ареале этого вида. Третий вид – *P. septentrionale* (Brid.) E. I. Ivanova, N. E. Bell & Ignatov тоже довольно редкий. Распространен в Арктике и Субарктике. Есть единичные нахождения в горах Южной Сибири и Сахалине. У двух последних видов небольшие, но устойчивые отличия в ДНК и морфологии подтвердили их статус самостоятельных видов [21]. *P. alpinum* в Якутии является распространенным видом на севере и в горах (Ynw, Ynh, Yne, Yyi, Yvl, Yal). Произрастает на нивальных луговинах, различного типа тундрах, болотах, курумниках, каменистых осыпях, по берегам горных ручьев и речек, в горных лиственничниках и лиственничных редколесьях, каменноберезняках, аянских ельниках, ольховниках, ерниках и пр. Второй вид *P. fragile* в Якутии встречается редко, выявлен на Новосибирских островах (острова Дунай и Большевик), в окрестностях Тикси, и в 25 км северо-западнее от Колымской дуги по берегу моря (NI, Ynh, Yne). Произрастает в основном в различного типа тундрах. Третий вид *P. septentrionale* встречается в Якутии изредка в тундрах, скальных выходах по берегам горных рек, на Новосибирских островах, в низовье р. Оленек, на хребтах Сунтар-Хаята, Тарбаганнах, Токинский Становик (NI, Ynw, Yyi, Yal).

В группу рода *Polytrichum* Hedw. входят 8 распространенных видов [22]. Большей частью они являются лесными и болотными видами, один из них *Polytrichum piliferum* Hedw. является пионерным, растет на нарушенных местах и встречается в Якутии во всех районах. Два вида *P. jensenii* I. Hagen и P. *hyperboreum* R. Brown. распространены в Арктике, Субарктике и по горам доходят на юг до Камчатки и Курильских островов. *P. jensenii* в Якутии произрастает часто в разного рода переувлажненных местообитаниях, в заболоченных тундрах, нивальных группировках, лиственничных лесах и редколесьях, ерниках, горных кустарниковых зарослях, пойменных ивняках, на заболоченных лугах, на различного типа болотах, почве и галечнике по берегам озер. Отмечен в 6 районах (Ynh, Yne, YKo, Yyi, Yvl, Yal). *P. hyperboreum* в Якутии часто произрастает на мелкоземе среди каменистых россыпей, на скалах по берегам горных ручьев и речек, в горных и равнинных тундрах, в кустарниковых сообществах и на лугах,

в лиственничных лесах и редколесьях, единично отмечен на тукуланах. Выявлен в 9 районах (NI, Ynw, Ynh, Yne, Yol, Yc, YKo, Yyi, Yal).

P. longisetum Sw. ex Brid. – биполярный вид с циркумбореальным распространением в Северном полушарии, в России обычен в таежной зоне, к северо-востоку редок. В Якутии известен по единичным находкам (Yol, YKo, Yyi, Yvl).

P. strictum Brid. встречается в холодных областях обоих полушарий, а также в высокогорьях. На большей части России он растет в основном на сфагновых болотах, реже в других местах. В Якутии часто растет в заболоченных лиственничниках и лиственничных редколесьях, реже в сосново-лиственничных лесах, на гарях, в зарослях кедрового стланика, ерниках, мокрых и заболоченных тундрах, сфагновых болотах и пр. Распространенный вид, отмечен во всех районах.

P. juniperinum Hedw. является одним из наиболее широко распространенных видов рода, произрастающих на всех континентах. В России встречается повсеместно, но массово представлен только в таежной зоне. В Якутии произрастает в более-менее сухих и средневлажных типах леса, на вырубках, гарях, в равнинных и горных, чаще сухих тундрах, на курумниках, на постналедных полянах, зарослях кедрового стланика, сухих лугах, на различного типа почвенных обнажениях (как естественных, так и антропогенных) и пр. Распространенный вид, отмечен во всех районах.

P. commune Hedw. на большей части территории России является частым и массовым видом, особенно в таежной зоне, на юге доходит примерно до южной границы распространения ели. В Якутии является распространенным видом, но отмечен большей частью в среднетаежной зоне, в северных районах встречается единично (Ynh, Yne, Yko, Yol, Yc, Yvl,Yyi, Yal). Произрастает преимущественно в заболоченных лесах и редколесьях, на гарях, вырубках, болотах, в тундрах, лугах, марях, ерниках, зарослях кедрового стланика и пр.

Распространение *P. swartzii* Hartm. не вполне известно, поскольку многие авторы за пределами Европы включают его в *P. commune,* выделяя в качестве разновидности или не признавая вовсе. Ревизия гербарных материалов из России показала недовыявленность распространения вида. Произрастает преимущественно на мезотрофных сфагновых болотах, ограничен таежной зоной. В Якутии известен по единичной находке на болоте в долине р. Якокит (Алданское нагорье) (Yal).

Заключение

В результате проведенной ревизии было выявлено, что семейство *Polytrichaceae* в Якутии насчитывает 18 видов из 6 родов и входит в число ведущих, составляющих ядро таежной флоры. Из них, как и в целом по России, самое большое количество видов несет род *Polytrichum* – 8 видов, затем *Polytrichastrum* – 3 вида, роды *Oligotrichum, Psilopilum* и *Pogonatum* – по 2 вида, *Lyellia* – 1 вид. Два вида *Lyellia aspera* и *Oligotrichum falcatum* внесены в Красную книгу РС (Я) [25]. Они, возможно, и не так редки для нашей территории, но имеют ограниченный ареал, часть которого находится в Якутии. Представители семейства *Polytrichaceae* встречаются большей частью в лесах, на болотах и в тундрах. Наиболее широко распространенным видом, произрастающим на болотах, в заболоченных лиственничных лесах и редколесьях, является *Polytrichum strictum*. В более-менее сухих или средневлажных лесах, тундрах часто встречается *Polytrichum juniperinum*. Пионером на нарушенных растительных сообществах выступает *Polytrichum piliferum*. Представители родов *Polytrichastrum, Psilopilum, Pogonatum, Oligotrichum* и *Lyellia* произрастают на севере республики и в горах. К редко встречающимся можно отнести такие виды, как *Polytrichum swartzii* и *P. longisetum,* имеющие более южное распространение. Интересен такой редкий вид, как *Polytrichastrum fragile,* отмеченный нами только в высокой Арктике.

Литература

1. Frey W., Stech M., Fisher M. 2009. Syllabus of plant families: Adolf Engler's Syllabus der Pflanzenfamilien. Pt. 3. Bryophytes and seedless vascular plants. Stuttgart: 419 p.

2. http://www.arctoa.ru.

3. Ignatov M. S., Afonina O. M. (eds.) Checklist of mosses of the former USSR //Arctoa. – Vol. 1. – 1992. – P. 1-85.

4. Ignatov M. S., Afonina O. M., Ignatova E. A. et al. Check-list of mosses of East Europe and North Asia. // Arctoa. – Vol. 15. – 2006. – P. 1-130.

5. Ignatov M. S., Ignatova E. A., Fedosov V. E., Ivanov O. V., Ivanova E. I., Kolesnikova M. A., Polevova S. V., Spirina U. N., Voronkova T. V. *Andreaeobryum macrosporum* (*Andreaeobryopsida*) in Russia, with additional data on its morphology // Arctoa. – Vol. 25 (1). – 2016. – P. 1-51.

6. Ignatov M. S., Ignatova E. A., Ivanova E. I., Ivanov O. V., Bysyin N. A. On the distribution of *Andreaeobryum* in Russia // Arctoa. – M., 2018. – Vol. 27 (2). – P. 112-118.

7. Игнатов М. С., Игнатова Е. А. Флора мхов средней части европейской России. – Т. 1. – М.: КМК, 2003. – С. 1-608.

8. Игнатов М. С., Игнатова Е. А. Флора мхов средней части европейской России. – Т. 2. – М.: КМК, 2004. – С. 609-960.

9. Флора мхов России. Т.2. Oedipodiales–Grimmiales / М. С. Игнатов (отв. ред.). М.: КМК, 2017. – 560 с.

10. Флора мхов России. Т.4. Bartramiales – Aulacomniales / М.С. Игнатов (отв. ред.). – М.: КМК, 2018. – 543 с.

11. Ivanov O. V., Kolesnikova M. A., Afonina O. M. et al. The database of the moss flora of Rossia // Arctoa. 2017. – Vol. 26. – № 1. – P. 1-10.

12. Иванова Е. И. Мхи // Флора Якутии: географический и экологический аспекты. – Новосибирск: Наука, 2010. – С. 56-77.

13. The Far North: Plant Biodiversity and Ecology of Yakutia // Plant and vegetation. – Vol. 3. – Springer Science+Business Media B.V., 2010. – 390 p.

14. Ignatov M. S., Isakova V. G., Ignatova E. A. A contribution to the moss flora of Orulgan Range (Yakutia) // Arctoa. – Vol. 23. – 2014. – P. 194-206.

15. Ivanova E. I., Ignatova E. A., Ignatov M. S. Moss flora of the Suntar-Khayata Reserve, Yakutia // Arctoa, 2016. – Vol. 25 (1). – P. 131-140.

16. Smith G. L. Conspectus of the genera of *Polytrichaceae*. – Mem. New York Bot. Gard. – 1971. – 21(3): 1–83.

17. Bell N. E. & J. Hyvönen. A phylogenetic circumscription of *Polytrichastrum (Polytrichaceae):* reassessment of sporophyte morphology supports molecular phylogeny. – Amer. J. Bot. 2010. – 97(4): 566-578.

18. Bell N.E. & J. Hyvönen. Phylogeny of the moss class *Polytrichopsida (Bryophyta):* generic-level structure and incongruent gene trees. – Molec. Phylogen. Evol. 2010. – 55(2): 381-398.

19. Ivanova E. I., Ignatov M. S., Milyutina I. A., Bobrova V. K. On the morphological and molecular difference between *Oligotrichum hercynicum* and *O. falcatum* (*Polytrichaceae, Bryophyta*) // Arctoa, 2005. –Vol.14. – P. 1-11.

20. Uvarova E. I., Ignatov M. S. The species of the genus *Lyellia* R.Br. (*Polytrichaceae*) in Russia // Arctoa, 2007. – Vol.16. – P. 21-26.

21. Ivanova E. I., Bell N. E., Kuznetsova O. K., Li H., Park M., Ignatov M. S. The Genus *Polytrichastrum (Polytrichaceae)* in Rossia // Arctoa, 2014 – Vol. 23. – P. 164-184.

22. Ivanova E. I., Bell N. E., Kuznetsova O. K, Ignatova E. A., Ignatov M. S. The Genus *Polytrichum sect. Aporotheca (Polytrichaceae)* in Rossia// Arctoa, 2015. – Vol. 24. – P. 67-68.

23. Иванова Е. И., Игнатова Е. А., Игнатов М. С., Золотов В. И., Кривошапкин К. К. Листостебельные мхи // Разнообразие растительного мира Якутии / отв. редактор Н. С. Данилова. – Новосибирск: Издательство СО РАН, 2005. – 323 с.

24. Красная книга Республики Саха (Якутия). Т.1: Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды растений и грибов. – Якутск: НИПК «Сахаполиграфиздат», 2000. – 256 с.

25. Красная книга Республики Саха (Якутия). Т.1. Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды растений и грибов. – М.: ООО «Реарт», 2017. – 411 с.

26. Ivanova E. I., Ignatova E. A., Isakova V. G., Balakirev I. A., Kuznetsova O. I., Ignatov M. S. Moss flora of the Ust-Nera Region in the upper course of Indigirka River, East Yakutia // Arctoa. 2018. – Vol. 27. № 1. – P. 18-28).

References

1. Frey W., Stech M., Fisher M. 2009. Syllabus of plant families: Adolf Engler's Syllabus der Pflanzenfamilien. Pt. 3. Bryophytes and seedless vascular plants. Stuttgart: 419 p.

2. http://www.arctoa.ru.

3. Ignatov M. S., Afonina O. M. (eds.) Checklist of mosses of the former USSR //Arctoa. – Vol. 1. – 1992. – P. 1-85.

4. Ignatov M. S., Afonina O. M., Ignatova E. A. et al. Check-list of mosses of East Europe and North Asia. // Arctoa. – Vol. 15. – 2006. – P. 1-130.

5. Ignatov M. S., Ignatova E. A., Fedosov V. E., Ivanov O. V., Ivanova E. I., Kolesnikova M. A., Polevova S. V., Spirina U. N., Voronkova T. V. Andreaeobryum macrosporum (Andreaeobryopsida) in Russia, with additional data on its morphology // Arctoa. – Vol. 25 (1). – 2016. – P. 1-51.

6. Ignatov M. S., Ignatova E. A., Ivanova E. I., Ivanov O. V., Bysyin N. A. On the distribution of Andreaeobryum in Russia // Arctoa. – M., 2018. – Vol. 27 (2). – P. 112-118.

7. Ignatov M. S., Ignatova E. A. Flora mhov srednej chasti evropejskoj Rossii. – T. 1. – M.: KMK, 2003. – S. 1-608.

8. Ignatov M. S., Ignatova E. A. Flora mhov srednej chasti evropejskoj Rossii. – T. 2. – M.: KMK, 2004. – S. 609-960.

9. Flora mhov Rossii. T.2. Oedipodiales–Grimmiales / M. S. Ignatov (otv. red.). M.: KMK, 2017. – 560 s.

10. Flora mhov Rossii. T.4. Bartramiales – Aulacomniales / M.S. Ignatov (otv. red.). – M.: KMK, 2018. – 543 s.

11. Ivanov O. V., Kolesnikova M. A., Afonina O. M. et al. The database of the moss flora of Rossia // Arctoa. 2017. – Vol. 26. – № 1. – P. 1-10.

12. Ivanova E. I. Mhi // Flora YAkutii: geograficheskij i ekologicheskij aspekty. – Novosibirsk: Nauka, 2010. – S. 56-77.

13. The Far North: Plant Biodiversity and Ecology of Yakutia // Plant and vegetation. – Vol. 3. – Springer Science+Business Media B.V., 2010. – 390 p.

14. Ignatov M. S., Isakova V. G., Ignatova E. A. A contribution to the moss flora of Orulgan Range (Yakutia) // Arctoa. – Vol. 23. – 2014. – P. 194-206.

15. Ivanova E. I., Ignatova E. A., Ignatov M. S. Moss flora of the Suntar-Khayata Reserve, Yakutia // Arctoa, 2016. – Vol. 25 (1). – P. 131-140.

16. Smith G. L. Conspectus of the genera of Polytrichaceae. – Mem. New York Bot. Gard. – 1971. – 21(3): 1–83.

17. Bell N. E. & J. Hyvönen. A phylogenetic circumscription of Polytrichastrum (Polytrichaceae): reassessment of sporophyte morphology supports molecular phylogeny. – Amer. J. Bot. 2010. – 97(4): 566-578.

18. Bell N.E. & J. Hyvönen. Phylogeny of the moss class Polytrichopsida (Bryophyta): generic-level structure and incongruent gene trees. – Molec. Phylogen. Evol. 2010. – 55(2): 381-398.

19. Ivanova E. I., Ignatov M. S., Milyutina I. A., Bobrova V. K. On the morphological and molecular difference between Oligotrichum hercynicum and O. falcatum (Polytrichaceae, Bryophyta) // Arctoa, 2005. –Vol.14. – R. 1-11.

20. Uvarova E. I., Ignatov M. S. The species of the genus Lyellia R.Br. (Polytrichaceae) in Russia // Arctoa, 2007. – Vol.16. – P. 21-26.

21. Ivanova E. I., Bell N. E., Kuznetsova O. K., Li H., Park M., Ignatov M. S. The Genus Polytrichastrum (Polytrichaceae) in Rossia // Arctoa, 2014 – Vol. 23. – P. 164-184.

22. Ivanova E. I., Bell N. E., Kuznetsova O. K, Ignatova E. A., Ignatov M. S. The Genus Polytrichum sect. Aporotheca (Polytrichaceae) in Rossia// Arctoa, 2015. – Vol. 24. – P. 67-68.

23. Ivanova E. I., Ignatova E. A., Ignatov M. S., Zolotov V. I., Krivoshapkin K. K. Listostebel'nye mhi // Raznoobrazie rastitel'nogo mira YAkutii / otv. redaktor N. S. Danilova. – Novosibirsk: Izdatel'stvo SO RAN, 2005. – 323 s.

24. Krasnaya kniga Respubliki Saha (YAkutiya). T.1: Redkie i nahodyashchiesya pod ugrozoj ischeznoveniya vidy rastenij i gribov. – YAkutsk: NIPK «Sahapoligrafizdat», 2000. – 256 s.

25. Krasnaya kniga Respubliki Saha (YAkutiya). T.1. Redkie i nahodyashchiesya pod ugrozoj ischeznoveniya vidy rastenij i gribov. – M.: OOO «Reart», 2017. – 411 s.

26. Ivanova E. I., Ignatova E. A., Isakova V. G., Balakirev I. A., Kuznetsova O. I., Ignatov M. S. Moss flora of the Ust-Nera Region in the upper course of Indigirka River, East Yakutia // Arctoa. 2018. – Vol. 27. № 1. – P. 18-28).

УДК 591.5

М. М. Тяптиргянов

Обыкновенный ёрш *Gymnocephalus cernuus* (Linnaeus, 1758) в условиях Якутии

СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. Обыкновенный ёрш обитает в озерах, реках, водохранилищах, встречается в дельтах рек и опресненных заливах морей Лаптевых и Восточно-Сибирского. Показали связь распространения вида с лимнологическими особенностями водных экосистем. Основной причиной сокращения численности вида является ухудшение условий обитания, связанных с процессами дистрофикации и эвтрофикации, сопровождающихся зарастанием, заилением, цветением воды и, соответственно, дефицитом кислорода. Уязвимыми моментами служат площадь, глубина, недостаток песчаных грунтов, недостаточно высокий уровень развития кормового зообентоса, а также бессточность озер, часто сопровождаемая заморами. Основной целью было изучение экологии обыкновенного ерша в условиях антропогенной нагрузки территории. Исследования производились в летние месяцы в разные годы. Представлены результаты многолетних исследований биологических характеристик данного вида и особенно возрастающего влияния антропогенного фактора. В речных условиях ёрш избегает быстрого течения, в реках Якутии держится на участках с песчано-илистым грунтом, очень редко на каменисто-галечных грунтах. Наиболее многочислен ёрш в реках с развитой озерной поймой. Ведет сумеречный и ночной образ жизни. Ёрш – одна из оседлых рыб, не совершает больших миграций. Типичный бентофаг, очень пластичный в выборе корма. Молодь питается зоопланктоном, излюбленной пищей взрослых рыб являются личинки хирономид и гаммариды, но при их недостатке в водоеме они легко переключаются на другие виды корма, тем более, что ассортимент кормовых организмов включает все формы бентоса, зоопланктона и рыбную пищу (икру и молодь рыб). С возрастом увеличиваются размеры потребляемых им организмов, наиболее крупные особи становятся хищниками. Температура воды играет важную роль в жизни ерша: она влияет на ход обменных процессов, на скорость переваривания пищи, темп роста и ход развития половых желез. Вместе с тем сам ёрш служит пищей щуковых, лососевых, сиговых, окуневых и тресковых видов рыб. Таким образом, численность обыкновенного ерша находится под контролем хищных рыб, а как самостоятельный вид он играет важную роль в трофической сети водоемов.

Ключевые слова: обыкновенный ёрш, Якутия, зарастание, заиление, цветение воды, антропогенная нагрузка, бентофаг, личинки хирономид и гаммарид, хищник.

DOI 10.25587/SVFU.2020.75.55409

ТЯПТИРГЯНОВ Матвей Матвеевич – д. б. н., профессор ИЕН СВФУ им. М.К. Аммосова.

E-mail: matyap@mail.ru

TYAPTIRGYANOV Matvei Matveevich – Doctor of biology, Professor of the Intstitute of Natural Sciences, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

M. M. Tyaptirgyanov

Gymnocephalus Cernuus (Linnaeus, 1758) in the Conditions of Yakutia

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. The Eurasian ruffe inhabits lakes, rivers, reservoirs, deltaic areas of rivers and desalinated bays of the Laptev sea and the East Siberian sea. Connection of species distribution with limnological features of aquatic ecosystems is representedin the article. The main reason for the decline in the number of the species is the deterioration of habitat conditionsdue to the processes of dystrophication and eutrophication, accompanied by overgrowing, siltingand flowering of water and, accordingly, oxygen deficiency. Vulnerable moments are the area, depth, lack of sandy soils, insufficiently high level of development of forage zoobenthos, as well as the integrity of lakes, often accompanied by fading. The main goal of the work was to study the ecology of the Eurasian ruff under the conditions of anthropogenic load. The studies were conducted in the summer months in different years. The results of long-term studies of biological characteristics of this species and especially the increasing influence of anthropogenic factors are presentedin the article.In river conditions the Eurasian ruff avoids fast current. In the rivers of Yakutia the Eurasian ruff is kept on areas with sandy-silt soil, very rarely on stony-pebbly soils. The Eurasian ruff is most numerous in rivers with developed lake flood plain. It leads the twilight and night lifestyle. The Eurasian ruff is one of the sedentary fish, so it doesn't migrate long distances. The ruff is a typical bentofag, its very plastic in the choice of food. Juveniles feed on zooplankton, the favorite food of adult fish is the chironomid larvae and gammarids, but with their lack in water bodies the ruff easily switches to other types of food, especially since its range of bedrock organisms includes all forms of benthos, zooplankton and fish food (caviar and young fish).The size of the organisms it consumes increases with their age, the largest individuals become predators. Water temperature plays an important role in the ruff's life: it affects the course of metabolic processes, the speed of digestion of food, the growth rate and affects the course of development of the sex glands. At the same time, the ruff itself serves as food for pike, salmon, whitefish, perch and cod fish. Thus, the number of the Eurasian ruff is controlled by predatory fish species, and as an independent species, it plays an important role in the trophic network of water bodies.

Keywords: the Eurasian ruff, Yakutia, overgrowing, silting, flowering, anthropogenic load, bentofag, chironomidand and gammarids larvae, predator.

Введение

В пределах Якутии ёрш обыкновенный встречается во всех реках, в некоторых пойменных и даже термокарстовых озерах. Широко распространен в бассейне р. Анабар. Обычен в среднем течении р. Оленек. Есть в самой Лене и ее притоках, особенно много на участке реки около Витима. В Яне встречается по всему течению и даже в дельте. В Индигирке немногочислен. Колыма является восточной границей ареала, здесь он многочислен и обитает от верховьев до дельты, обычен во всех протоках и может служить объектом промысла [1, 2, 3].

При его многочисленном составе в водоемах Якутии обыкновенного ерша незаслуженно обходили вниманием многие ихтиологи нашей республики, давая только фрагментарные данные по данному виду. Выход в свет монументальной монографии Ю. С. Решетникова и др. «Обыкновенный ёрш *Gymnocephalus cernuus* (Linnaeus, 1758). Систематика, морфология, образ жизни и роль ерша в экосистемах» (2016) [3] открывал новые черты в экологии данного вида в местах его традиционного обитания.

Материал и методика

Сбор материала для данной работы проводился в 2014-2018 гг. в среднем течении р. Лена, Алдан и Татта. Для оценки видового разнообразия фито- и зоопланктона проводили тотальный лов сетью Апштейна (газ № 64-77). Обработка проб проводилась по общепринятым методикам [4-7]. Камеральную обработку проводили счетно-весовым методом в камере Богорова. Расчет численности и биомассы организмов зоопланктона производился на 1 м^2. Биомасса рассчитывалась путем перевода численности на индивидуальный вес организмов, исходя из зависимости между длиной и массой тела [8-11].

Пробы зообентоса брались с помощью дночерпателя Петерсона с площадью захвата грунта 0,25 м^2, фиксировались 4%-м формалином. Таксономическая идентификация зообентосных беспозвоночных проводилась по известным определителям [12-16].

Сбор и обработка материалов по ихтиологии велись по общепринятым методикам [17-19].

Результаты исследования

Ёрш относится к отряду окунеобразных (Perciformes), который по современным данным включает 160 семейств и более 10 000 видов. Семейство Percidae Rafinesque, 1815 относится к основному подотряду Percoidei и включает 10 родов и около 200 видов. Род Gemnocephalus Bloch, 1793 – ерши включает 4 вида: донской ёрш, обыкновенный ёрш, ёрш Балона и дунайский ёрш. В настоящее время в России отмечено 3 вида: донской, обыкновенный и ёрш Балона [3].

У обыкновенного ерша тело короткое, сжатое с боков, его высота составляет 20-30% длины тела. Рыло тупое. Рот небольшой, нижний. Задний конец maxillare не достигает переднего края глаз. На челюстях щетинковидные зубы. Голова голая, на ней большие полости сенсорной системы. Предкрышка на заднем крае имеет 5-10 шипов, на нижнем – 3. Крышечная кость снабжена сильным шипом. Сильная колючка имеется в брюшных плавниках, и две сильные колючки – в анальном. Грудь часто не покрыта чешуей. Окраска серо-зеленая на спине с меланиновыми бурыми пятнами на боках, пятна имеются также на спинном и хвостовом плавниках [3].

Формула плавников: D XI-XVI 10-15, чаще XIII 14; P I-II 10-17, чаще 12; V I 4-7, чаще I 5; A II-III 4-7, обычно II 5. В боковой линии 33-42, чаще 36-38. Жаберных тычинок 6-14, чаще 9-11. Позвонков 32-38, чаще 34-35 [3].

В большинстве водоемов в уловах преобладает мелкий ёрш. Максимальный размер рыбы в настоящее время – 18,5 см, масса – 208 г [20, 21]. Самые крупные ерши встречались при устьях рек и в больших озерах. Столетие назад крупные ерши-фунтовики (1 фунт = 409 г) встречались «во многих озерах Екатеринбургского уезда и ловились прежде целыми пудами» [22]. Л. С. Берг [23] писал про ерша: «Длина 100-150 мм, изредка до 250-300 мм, в Сибири местами до 500 мм. Гигантский размер ершей в сибирских озерах объяснялся их питанием гаммарусами, которые в изобилии водились в этих озерах. Зимой в этих озерах гаммарусы составляют единственную пищу для ершей; осенью, зимой и ранней весной желудок ерша всегда бывает набит мормышами. Есть указания, что в некоторых случаях ёрш может достигать веса 500 г и 27 см длины при максимальном возрасте 15 лет» [24].

Сравнительно крупный ёрш встречается в Баунтовских озерах Бурятии, где он достигает 205 мм длины, 120 г массы и предельного возраста 15+. В озерах на глубинах 2-7 м он образует значительные концентрации, и за один замет невода летом можно поймать до 400-600 ершей [25].

Преднерестовый ёрш из озера Белое (Вологодская область) имел размеры 155-195 мм с модой 177 мм и массой тела 55-110 г, в среднем 85 г [26].

При анализе условий обитания вида в водоемах Западной Европы авторы отмечали три основные тенденции в экологии ерша: 1) предпочитает места с медленным течением и мягким грунтом, но избегает зоны зарослей [27, 28]; 2) большая часть жизни проходит

в придонных слоях [29-32]; 3) численность возрастает с увеличением трофического статуса водоема [33].

В речных условиях ёрш избегает быстрого течения, часто держится вблизи берега в местах с песчаным, илистым или глинистым грунтом, обычен у обрывистых берегов и мостов. В реках Якутии держится на участках с песчано-илистым грунтом, очень редко на каменисто-галечных грунтах, причем здесь преобладает молодь ерша. Обычно в реках держится стаями, избегая быстрых течений [2]. Наиболее многочислен ёрш в реках с развитой озерной поймой, где весной и летом в период паводков заходит в пойменные озера и заливы [34-36]. Осенью и зимой концентрируется в русле или в глубоководных протоках с замедленным течением [2, 36]. В период летних паводков он заходит в озера, которые покидает последним при падении уровня воды. Обычно держится стаями из особей разного возраста.

Ведет сумеречный и ночной образ жизни, по ночам он выходит на более мелкие места для откорма. Ёрш – один из оседлых рыб, больших миграций не совершает (даже нерестовых) [3].

Из абиотических факторов, влияющих на распределение вида в пределах речных систем, важнейшим является скорость течения; в озерах и водохранилищах – концентрация кислорода. Среди биотических факторов, вызывающих массовые перемещения взрослого ерша, основную роль, по-видимому, играет доступность корма. Пресс хищных рыб может влиять на суточный ритм активности и вызывать суточные перемещения между местами обитания [3].

Половой диморфизм у обыкновенного ерша практически не выражен. Лишь в нерестовый период, который длится около месяца, самки легко отличаются от самцов по отвислому брюшку. Самцы в это время имеют прогонистую форму тела [37, 38].

Влияние антропогенных факторов на численность и благополучие популяций ерша сказывается не столь сильно, как у других видов рыб. Но следует иметь в виду, что ёрш очень чувствителен к дефициту кислорода в воде, поэтому строительные работы и заборы грунта и связанное с этим взмучивание воды отрицательно сказываются на его популяции [28]. После окончания влияния этих факторов ёрш быстро восстанавливает численность популяции. В то же время при создании водохранилищ он в первые годы их образования обычно увеличивает численность в связи с повышением кормовой базы [20, 21], что также было отмечено нами и в Вилюйском водохранилище.

В загрязненных районах отмечали морфологические аномалии, увеличение численности паразитов и явные патологии внутренних органов. Так, в устье Эльбы часто встречались ерши с аномальной печенью и селезенкой [39, 40], в других странах отмечали аномалии в строении челюстей и жаберной крышки [41], «ярошение чешуи» и язвы на теле рыбы [42], лимфатические вирусные заболевания и массовое заражение ерша паразитами [41, 33]. Гермафродиты у ершей в водоемах Центральной Европы встречались очень редко и отмечались только в Чехии в районе Праги [43], поэтому гермафродитов можно рассматривать как отклонение от нормы (аномалии). Стоит отметить, что в России на ерша обращают меньшее внимание, а большинство подобных исследований и документация аномалий проводятся на промысловых видах рыб [44-47].

Исследования 1982-1984 гг. показали, что у многих рыб р. Волхов, Невы и Невской губы, Ладожского озера отмечены аномалии в строении наружных покровов и плавников, а также в строении внутренних органов на всех этапах развития [48, 49]. Пораженными органами были жабры, сердце, селезенка, печень (с признаками почечно-каменной болезни), кишечник, были изменения и в составе крови. В те годы в Неве в районе города и в Невской губе доля пораженных ершей достигала 100%, степень выраженности токсикоза по 5-бальной системе составляла 3-5 баллов, и практически вся рыба имела запах нефтепродуктов [48].

В 1981-2004 гг. проводилась оценка морфофункционального состояния рыб Обского бассейна, по ершу эти исследования проводились на р. Тура (в районе Тюмени) [50]. Принимая во внимание бентосный характер питания ерша, можно полагать, что основными токсикантами, поступающими в его организм, являются донные загрязнения, нефтепродукты, тяжелые металлы, пестициды; причем максимальное загрязнение отмечено в черте г. Тюмени и меньшее – вниз по течению [3].

В реке выше г. Тюмень отмечены лишь некоторые несущественные нарушения в репродуктивной системе ерша. В летний период в яичниках некоторых особей наблюдались патологические изменения вителлогенных ооцитов. У самцов нарушения в ходе сперматогенеза не отмечены. Печень также не имела существенных отклонений от нормы и была слабо гиперемирована. В жабрах не отмечалось нарушений, а жаберные лепестки были слабо васкуляризованы. Поэтому в те годы в р. Тура выше г. Тюмени состояние репродуктивной системы ерша и таких его жизненно важных органов, как печень и жабры, можно было считать благополучным, состояние исследованных органов не имело отклонений от нормы [50].

Наличие паразитов в яичниках и печени рыб часто отмечается в неблагоприятных экологических условиях и свидетельствует о снижении защитных функций организма, паразиты прежде всего нападают на истощенный организм [3].

В последние десятилетия в Куйбышевском водохранилище у ерша отмечены следующие аномалии в строении: искривление лучей в спинных плавниках, частичная редукция второго спинного плавника, добавочная лопасть в хвостовом, асимметрия гонад и отсутствие одной гонады, срастание тел позвонков, деформация нижней челюсти, отсутствие одного глаза, деформация чешуйного покрова (табл. 1) [51].

Отметим еще раз, что по сравнению с другими рыбами (сиговые, карповые), ёрш имеет довольно мало морфологических аномалий в зоне промышленных и бытовых загрязнений, поэтому частая встречаемость ерша с сильными морфологическими отклонениями может рассматриваться как верный показатель экологического неблагополучия в водоеме или в данном в регионе [3].

Хотя ёрш и не совершает значительных миграций, места его обитания в реке меняются по сезонам и в течение суток. В летнее время днем он держится на глубоководных участках реки с песчаным или илистым грунтом, а вечером, после захода солнца, подходит к

Таблица 1

Встречаемость (в %) морфологических аномалий у ерша Куйбышевского водохранилища

Вид аномалии	Самки (n=709)	Самцы (n=308)
Искривление лучей в D I	1,0	0,3
Искривление лучей в D II	0,3	1,0
Частичная редукция D II	0,3	-
Добавочная лопасть в C	0,1	-
Отсутствие одной гонады	0,1	-
Асимметрия гонад по размеру	1,0	0,3
Срастание тел позвонков	0,1	1,0
Деформация нижней челюсти	0,1	0,3
Отсутствие одного глаза	-	0,3
Деформация чешуй	0,5	-
Общее число аномалий	3,5	3,2

прибрежным мелководным местам. Характерно, что по мере всевозрастающей численности ерша в прибрежье снижается численность других рыб, особенно тугуна. В период летних паводков ёрш заходит в озера, которые при падении уровня воды покидает последним. В зимнее время основная масса ерша из реки заходит в курьи, где держится преимущественно на глубоководных местах, но избегает мелководий.

В среднем течении р. Лены ёрш держится на участках с песчано-илистым или глинистым дном, реже на каменисто-галечных грунтах. Особенно большие скопления ерша мы обнаруживали на песчано-илистых участках, на каменистых же преобладали мелкие особи. Держится стаями на разных глубинах, избегая быстрого течения.

По нашим наблюдениям, половозрелым становится на втором году жизни при длине тела (*ad*) 48-49 мм и весе 3-5 г. Нерест порционный, икра клейкая, придонная. Первая порция икры откладывается в период ледохода, но бывают случаи и более раннего нереста. Так, Ф. Н. Кириллов [2] отмечал, что 25 апреля 1967 г. в Табагинской курье на Лене в период подледного лова им было выловлено на крючок более 100 самок, из которых 80% были с половыми продуктами на V стадии. В это время ручьи талых вод в дневные часы с шумом стекали под лед и, по-видимому, служили стимулятором ускоренного созревания половых продуктов.

Вторая порция икры в районе устья Витима откладывается в конце июня-в первой декаде июля. В более северных районах, в частности в бассейне Вилюя, вторичный нерест проходит на 15-20 дней позже.

В уловах мелкоячейным неводом ёрш встречается от ювенальных особей до девятилеток. Для характеристики линейного состава проведем пробу из двух притонений, сделанных в курье Мохсоголлох (Вилюй) 9 июля 1956 г. [2].

Длина до конца чешуйного покрова, мм

30 – 40	– 50	– 60	– 70	– 80	– 90	– 100	– 110	– 120	– 130	n
3	6	221	417	353	170	95	34	8	4	1311

Размеры ерша колебались от 36 до 125 мм, составляя в среднем 71,7 мм при среднем весе 8,1 г. Такой же линейный состав ерша отмечается в неводных уловах в среднем течении р. Лены. Рост ерша, установленный нами по результатам обратного расчисления, приводится в табл. 2 [2].

В притоках Алдана – р. Татта встречается только до с. Уолба (70 км от устья). Имеет окраску на спине серо-зеленого цвета с бурыми точками на спине, спинном и хвостовом плавниках. Рот небольшой, нижний. На челюстях щетинковидные зубы. Крышечная кость снабжена крепким шипом.

Таблица 2

Рост отдельных возрастных групп ерша в среднем течении р. Лены по расчисленным данным

Возраст, лет	Вес, г	Длина тела, ad мм		Число экз.
		колебание	среднее	
1+	2	36-43	40	20
2+	5	54-62	60	8
3+	12	71-82	80	25
4+	16	94-101	97	22
5+	28	112-115	114	27
6+	37	127	127	14
7+	49	136-140	138	6
8+	56	147	147	6

Таблица 3

Морфологические признаки ерша бассейна р. Алдан

Признаки	Реки Якутии (Кириллов, 1972) (n=142)	р. Алдан (наши данные) (n=41)
	M±m	M±m
Длина тела (ad), мм	11,50±0,12	11,39±0,17
В процентах длины тела (ad), мм		
наибольшая высота тела	21,75±0,38	22,01±0,26
длина основания А	11,04±0,35	10,67±0,39
высота А	14,55±0,41	14,88±0,57
расстояние V-A	34,27±0,35	35,12±0,37
В процентах длины головы		
длина рыла	35,99±0,68	36,79±0,79
диаметр глаза	27,84±0,48	28,47±0,48
В процентах диаметра глаза		
длина рыла	137,26±2,96	139,57±3,63

По промерам в 2014-2017 гг. (n=41 экз.): D_1 XI-XVI; D_2 10-14; A II 5-7; P 13-15; V I 5-6; чешуй в боковой линии – 35-42, тычинок на первой жаберной дуге – 7-12, позвонков – 33-37. На предкрышке расположены 5-11 шипов, на нижнем – чаще 3. На брюшном – 1 и анальном плавниках – 2 сильные колючки.

Половозрелым становится весной на втором году жизни при длине тела (ad) 48-49 мм и весе 3-5 г (табл. 3). Нерест на нижнем течении р. Татта проходит в весенний период во второй десятидневке мая, сразу после ледохода. В выставляемых сетях размером ячеи 10 мм попадались в день от 2 до 6 штук, большей частью в 4-6 часов утра. Сети выставлялись на глубине до 1 м среди кустарников и на открытых местах со скоростью весеннего водного потока в 0,5-2,0 м/сек. Нерест порционный с клейкой икрой, которая откладывается в придонном слое воды на поваленных прошлогодних деревьях, камнях и остатках прошлогодней травяной растительности, находящихся на дне водоема. Нерест проходит на глубинных участках около 1,5-2,0 м. Выявленная плодовитость обыкновенного ерша в р. Татта составила при этом 2-48 тысяч икринок.

Размеры выловленных ершей колебались от 48 до 118 мм, в среднем – 70,2 мм при среднем весе 7,8 г.

Состав потребляемой пищи у обыкновенного ерша весьма разнообразен. В раннем возрасте ёрш питается фитопланктонными организмами, немного повзрослев, он начинает питаться планктонными и бентосными организмами. Во взрослом состоянии ёрш целиком переходит на бентосные формы, где его излюбленной пищей являются личинки хирономид и гаммариды. Весной и в начале лета переходит на питание икрой и личинками карповых рыб.

Как кормовой объект для хищных рыб в личиночной форме и мальком он является излюбленным объектом питания для сиговых и лососевых видов рыб.

Состав пищи ерша весьма разнообразен. В возрасте до года он эврифаг и питается планктонными и бентосными формами. Во взрослом состоянии ёрш-бентофаг, хотя наряду с бентосными формами использует в пищу икру и личинки рыб.

В питании ерша не отмечено сезонного перерыва. Его круглогодичное питание не нарушается даже в нерестовый период. Судя по наблюдениям, проведенным нами в 1948 г. в верхней части среднего течения Лены, ёрш наиболее интенсивно питается с весны до августа, т. е. в сроки, когда откладывается первая и вторая порция икры.

Таблица 4

Состав пищи обыкновенного ерша в районе затопляемого участка Вилюйской ГЭС

Виды	Частота встречаемости, %	Виды	Частота встречаемости, %
Ephemeroptera larvae	63,6	Chironomidae larvae	13,6
Plecoptera larvae	36,7	Hymenoptera larvae	13,6
Trichoptera larvae	18,2	Simuliidae larvae	9,1
Pisidium	18,1	Pisces	9,1
Прочие моллюски	4,5		

Пищей ему в это время служили личинки и куколки мошки симулиум, личинки хирономид, Ephemeroptera и Trichoptera, значительно реже он поедает Gammaridae. В зимнее время в питании ерша преобладающим объектом пищи являются бокоплавы [2].

В Вилюйском водохранилище ёрш питался преимущественно личинками и взрослыми формами насекомых. Значительно реже в пищевом комке ерша встречалась рыба.

Ниже приводятся данные Ф. Н. Кириллова [2] о составе пищи ерша в районе затопляемого участка Вилюйской ГЭС (табл. 4) (по анализу 18 желудков).

Ведущее значение насекомых по существу сохраняется для всех районов обитания ерша независимо от их географического положения. Даже в Яне, которая характеризуется тяжелыми гидрологическими условиями, пищей ерша в летнее время служат личинки хирономид, моллюски и кладоцеры.

Встречаются в пищевом комке и водоросли, но не в качестве компонента активного питания. Водоросли встречаются в желудках ершей, обитающих в р. Оленек, но и они, судя по анализу желудков 13 ершей, занимают по весу крайне незначительный процент и попадают в пищевой комок либо с детритом, либо как объект питания беспозвоночных, заглоченных ершами. Ниже приводятся данные о составе пищи ерша в р. Оленек (по материалам Д. А. Лепешкина) (табл. 5) [2].

В Колыме, по А. С. Новикову [1], пищей ерша являются личинки хирономид: Psectrocladius, Tanitarsus, Chironomus heterodentatus, Tendipedine gen. sp., Procladius, куколки мошки – Simulium, Cladocera (Chydorus globosus, Ch. Sphaericus), Copepoda, Ostracoda.

Таблица 5

Частота встречаемости пищи у обыкновенного ерша в р. Оленек

Виды	Частота встречаемости, %	Значение по весу, %
Личинки		
Trichoptera	46,2	14,4
Ephemeroptera	69,3	46,6
Plecoptera	38,4	18,8
Diptera	23,0	-
Simuliidae	7,7	0,3
Chironomidae	15,3	-
Моллюски	7,7	0,9
Ostracoda	38,4	17,6
Cladocera	7,7	-
Макрофиты	30,7	0,7
Детрит	7,7	0,7
Водоросли	7,7	-

Заключение

Полученные материалы по питанию ерша из различных водоемов Якутии позволяют заключить, что он как бентофаг служит серьезным конкурентом ценным рыбам и наносит существенный ущерб рыбному хозяйству.

Рассматривая ерша как сорную рыбу, следует учитывать, что взрослые его формы служат объектом питания щуки, налима и других хищных рыб, а его личинки и мальки поедаются сигом и, по-видимому, другими рыбами, имеющими промысловое значение.

Литература

1. Новиков А. С. Рыбы реки Колымы. – М.: Наука, 1966. – 136 с.

2. Кириллов Ф. Н. Рыбы Якутии. – М.: Изд-во: Наука, 1972. – 358 с.

3. Решетников Ю. С., Попова О. А., Кияшко В. И. и др. Обыкновенный ёрш *Gymnocephalus cernuus* (Linnaeus, 1758). Систематика, морфология, образ жизни и роль ерша в экосистемах. – М.: Тов-во научных знаний КМК, 2016. – 279 с.

4. Абакумов В. А. Балушкина Е. В., Винберг Г. Г. Зависимость между длиной и массой тела планктонных животных // Общие основы изучения водных животных. – Л., 1979. – С. 169-172.

5. Балушкина Е. В., Винберг Г. Г. Зависимость между длиной и массой тела планктонных животных // Экспериментальные и полевые исследования биологических основ продуктивности озер. – Л.: ЗИН АН СССР, 1979. – С. 58-80.

6. Абакумов В. А. Руководство по методам гидробиологического анализа поверхностных вод и донных отложений. – Л.: Гидрометеоиздат, 1983. – С. 59-78.

7. Киселев И. А. Исследование планктона // Жизнь пресных вод. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – Т. 4. – Ч. 1. – С. 183-271.

8. Киселев И. А. Методы исследования планктона // Жизнь пресных вод. – М.- Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – Т.4. – Ч. 1. – С. 140-416.

9. Макеева А. П., Павлов Д. С. Ихтиопланктон пресных вод России: Атлас. – М.: Изд-во МГУ, 1998. – 215 с.

10. Балушкина Е. В., Винберг Г. Г. Зависимость между длиной и массой тела планктонных животных // Общие основы изучения водных экосистем. – Л., 1979. – С. 169-172.

11. Балушкина Е. В., Винберг Г. Г. Зависимость между длиной и массой тела планктонных ракообразных // Экспериментальные и полевые исследования биологических основ продуктивности озер. – Л.: ЗИН АН СССР, 1979. – С. 58-80.

12. Кутикова Л. А. Коловратки фауны СССР (*Rotatoria*). – Л.: Наука, 1970. – 744 с.

13. Цалолихин С. Я. (ред.) Определитель пресноводных беспозвоночных России и сопредельных территорий. Т. 1. Низшие беспозвоночные. – СПб., 1994. – 396 с.

14. Цалолихин С. Я. (ред.). Определитель пресноводных беспозвоночных России и сопредельных территорий. Т. 2 Ракообразные. – СПб., 1995. – 628 с.

15. Цалолихин С. Я. (ред.). Определитель пресноводных беспозвоночных России и сопредельных территорий. Т. 3. Паукообразные. Низшие насекомые. – СПб., 1997. – 440 с.

16. Wiederholm T. Changes in the profundal Chironomidae of Lake Malaren during 17 years // Spixiana. – 1988. – Vol. 14, suppl. – P. 7-15.

17. Никольский Г. В. Экология рыб. – М.: Высшая школа, 1974. – 367 с.

18. Правдин И. Ф. Руководство по изучению рыб. – М.: Пищ. пром-сть, 1966. – 376 с.

19. Решетников Ю. С. Экология и систематика сиговых рыб. – М.: Наука, 1980. – 300 с.

20. Попова О. А. *Gymnocephalus cernuus* (Linnaeus, 1758) – обыкновенный ёрш // В кн.: Атлас пресноводных рыб России: 2 т. / Под ред. Ю. С. Решетников. – М.: Наука, 2002. – Т.2. – С. 62-64.

21. Попова О. А. *Gymnocephalus cernuus* (Linnaeus, 1758) – обыкновенный ёрш // В кн.: Рыбы в заповедниках России: Пресноводные рыбы. Т.1 / Под ред. Ю. С. Решетникова. – М.: Тов-во научных изданий КМС, 2010. – С. 541-544.

22. Сабанеев Л. П. Жизнь и ловля пресноводных рыб. – Киев: Гос. изд-во сельхоз. лит-ры, 1959. – 667 с.

23. Берг Л. С. Рыбы пресных вод СССР и сопредельных стран. Ч. 3. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – С. 930-1381.

24. Popova O. A., Reshetnikov Yu. S., Kiyashko V. I. et. al. Ruffe from the former USSR: variability within the largest part of the natural range // J. Great Lakes Res., 1998. – Vol. 24. – № 2. – P. 263-284.

25. Соколов А. В., Бобков А. И., Соколова В. Ф. Структурная и функциональная характеристика ихтиоценозов озер Большое и Малое Капылюши // Биопродуктивность Баунтовских озер Бурятии: Сб. научных тр. – Л.: ГосНИОРХ, 1987. – Вып. 272. – С. 97-113.

26. Болотова Н. Л., Зуянова О. В. Состояние популяции ерша как показатель антропогенного воздействия на водоемы Вологодской области // Мат-лы VII съезда ВГБО РАН. – Казань, 1996. – С. 175-176.

27. Johnsen P. Studies on the distribution and food of the ruffe (Acerina cernua L.) in Denmark. With notes on other aspects // Meddelelser fra Danmarks Fiskeri-og Havundersogelser, 1965. – N 4. – P. 137-156.

28. Lelek A. The Freshwater Fishes of Europe. Vol. 9. – Treatened Fishes of Europe. – Wiesbaden: aula-Verlag, 1987. – 343 p.

29. Holcik J. and Mihalik J. Freswater Fishes. – London: Spring Books, 1968. – 190 p.

30. Sandlund O. D., Naesje T. E., Klyke L. and Lindem T. The vertical distribution of fish species in Lake Jmosa, Norway as shown by gillnet catches and echo sounder // Inst. Freshwater Res. Drottningholm, 1985. – Vol. 62. – P. 215-222.

31. Bergman E. Temperature-dependent differences in foraging ability of two percids perch (*Perca fliviatilis*) and ruffe (*Gymnocephalus cernuus*) // Env. Biol. Fish., 1987. – Vol. 19. – N 1. – P. 43-53.

32. Bergman E. Foraging abilities and niche breadths of two percids, *Perca fluviatilis* and *Gymnocephalus cernuus*, under different environmental conditions // J. Anim. Ecology, 1988. – n 57. – P. 443-453.

33. Ogle D. H. A Sinopsis of the Biology and life history of ruffe // J. Great Lakes Res., 1998. – Vol. 24 (2). – P. 170-185.

34. Никольский Г. В., Громчевская Н. А., Морозова Г. Н., Пикулова В. А. Рыбы бассейна Верхней Печоры. − М.: Изд-во Моск. общ. исп. прир., 1947. − Вып. 6. − С. 5-199.

35. Калашников Ю. А. Рыбы бассейна реки Витим. – Новосибирск: Наука, 1978. – 192 с.

36. Карасев Г. Л. Рыбы Забайкалья. – Новосибирск: Наука, 1987. – 296 с.

37. Петлина А. П. Морфология ерша Западной Сибири // Труды научно-исследовательского Ин-та биологии и биофизики при Томск. гос. ун-те. – Томск, 1970. – Т. 1. – С. 90-109.

38. Петлина А. П. Ёрш – вредная или полезная рыба? // Вопросы охраны природы Западной Сибири. – Томск: ТГУ, 1970. – Вып. 4. – С. 63-66.

39. Kranz H. and Peters N. Melano-macrophage centres in liver and spleen of ruffe (*Gymnocephalus cernuus*) from the Elbe estuary // Helgolander Meeresunters, 1984. – № 7. – P. 415-424.

40. Peters H., Kohler A. and Kranz H. Liver pathology in fishes from the lower Elbe as a consequence of Pollution // Dis. Aquatic. Oeg., 1987. – № 2. – P. 87-97.

41. Weissenberg R. Fifty years of research on the lymphocystis virus disease of fishes (1914-1964) // Ann. New York Asad. Sci., 1965. – № 126. – P. 362-374.

42. Lindesjoo E. and Thulin J. Fin erosion of perch *Persca fluviatilis and Gymnocephalus cernuus* in a pulp mill effluebt area // Dis. Aquatic. Org., 1990. – № 8. – P. 119-126.

43. Kovać V. Biology of European ruffe fro, Slovakoia and adjacent Central European countries // J. Great Lakes Res., 1998. – Vol. 26. – № 2. – P. 205-216.

44. Решетников Ю. С., Акимова Н. В., Попова О. А. Аномалии в системе воспроизводства рыб Кольского полуострова при антропогенном воздействии // Биологические основы изучения, освоения и охраны животного и растительного мира, почвенного покрова Восточной Фенноскандии: Тез. докл. Междунар. конф. и выездной сессии отделения Общей биологии РАН (6-10 сентября 1999 г.). – Петрозаводск: ИБ Кар. НЦ РАН, 1999. – С. 155, 285-286 с.

45. Лукин А. А., Даувальтер В. А., Новоселов А. П. Экосистема Печоры в современных условиях. – Апатиты: КНЦ РАН, 2000. – 192 с.

46. Решетников Ю. С., Попова О. А. О методах полевых ихтиологических исследований и точности полученных результатов // Тр. ВНИРО, 2015. – Т. 156. – С. 112-129.

47. Тяптиргянов М. М. Изменение рыбного населения пресноводных водоемов Якутии в условиях антропогенного загрязнения. – М.: ООО «ПОЛИГРАФ-ПЛЮС», 2016. – 308 с.

48. Аршаница Н. М. Материалы ихтиотоксикологических исследований в бассейне Ладожского озера // Сб. научн. трудов ГосНИОРХ, 1988. – Т. 285. – С. 12-23.

49. Чинарева И. Д. Патогистологические изменения, встречающиеся у рыб бассейна Ладожского озера // Л.: ГосНИОРХ, 1988. – Вып. 285. – С. 24-32.

50. Селюков А. Г. Морфофункциональный статус рыб Обь-Иртышского бассейна в современных условиях. – Тюмень: Изд-во Тюменьск. гос. ун-та, 2007. – 184 с.

51. Семенов Д. Ю. Биоэкологическая характеристика обыкновенного ерша (*Gymnocephalus cernuus* (L.) Куйбышевского водохранилища // Вестник Нижегородского ун-та, 2010. – Т. 3 (1). – С. 117-125.

References

1. Novikov A. S. Ryby reki Kolymy. – M.: Nauka, 1966. – 136 s.

2. Kirillov F. N. Ryby YAkutii. – M.: Izd-vo: Nauka, 1972. – 358 s.

3. Reshetnikov YU. S., Popova O. A., Kiyashko V. I. i dr. Obyknovennyj yorsh Gymnocephalus cernuus (Linnaeus, 1758). Sistematika, morfologiya, obraz zhizni i rol' ersha v ekosistemah. – M.: Tov-vo nauchnyh znanij KMK, 2016. – 279 s.

4. Abakumov V. A. Balushkina E. V., Vinberg G. G. Zavisimost' mezhdu dlinoj i massoj tela planktonnyh zhivotnyh // Obshchie osnovy izucheniya vodnyh zhivotnyh. – L., 1979. – S. 169-172.

5. Balushkina E. V., Vinberg G. G. Zavisimost' mezhdu dlinoj i massoj tela planktonnyh zhivotnyh // Eksperimental'nye i polevye issledovaniya biologicheskih osnov produktivnosti ozer. – L.: ZIN AN SSSR, 1979. – S. 58-80.

6. Abakumov V. A. Rukovodstvo po metodam gidrobiologicheskogo analiza poverhnostnyh vod i donnyh otlozhenij. – L.: Gidrometeoizdat, 1983. – S. 59-78.

7. Kiselev I. A. Issledovanie planktona // ZHizn' presnyh vod. – M.-L.: Izd-vo AN SSSR, 1956. – T. 4. – CH. 1. – S. 183-271.

8. Kiselev I. A. Metody issledovaniya planktona // ZHizn' presnyh vod. – M.- L.: Izd-vo AN SSSR, 1956. – T.4. – CH. 1. – S. 140-416.

9. Makeeva A. P., Pavlov D. S. Ihtioplankton presnyh vod Rossii: Atlas. – M.: Izd-vo MGU, 1998. – 215 s.

10. Balushkina E. V., Vinberg G. G. Zavisimost' mezhdu dlinoj i massoj tela planktonnyh zhivotnyh // Obshchie osnovy izucheniya vodnyh ekosistem. – L., 1979. – S. 169-172.

11. Balushkina E. V., Vinberg G. G. Zavisimost' mezhdu dlinoj i massoj tela planktonnyh rakoobraznyh // Eksperimental'nye i polevye issledovaniya biologicheskih osnov produktivnosti ozer. – L.: ZIN AN SSSR, 1979. – S. 58-80.

12. Kutikova L. A. Kolovratki fauny SSSR (Rotatoria). – L.: Nauka, 1970. – 744 s.

13. Calolihin S. YA. (red.) Opredelitel' presnovodnyh bespozvonochnyh Rossii i sopredel'nyh territorij. T. 1. Nizshie bespozvonochnye. – SPb., 1994. – 396 s.

14. Calolihin S. YA. (red.). Opredelitel' presnovodnyh bespozvonochnyh Rossii i sopredel'nyh territorij. T. 2 Rakoobraznye. – SPb., 1995. – 628 s.

15. Calolihin S. YA. (red.). Opredelitel' presnovodnyh bespozvonochnyh Rossii i sopredel'nyh territorij. T. 3. Paukoobraznye. Nizshie nasekomye. – SPb., 1997. – 440 s.

16. Wiederholm T. Changes in the profundal Chironomidae of Lake Malaren during 17 years // Spixiana. – 1988. – Vol. 14, suppl. – P. 7-15.

17. Nikol'skij G. V. Ekologiya ryb. – M.: Vysshaya shkola, 1974. – 367 s.

18. Pravdin I. F. Rukovodstvo po izucheniyu ryb. – M.: Pishch. prom-st', 1966. – 376 s.

19. Reshetnikov YU. S. Ekologiya i sistematika sigovyh ryb. – M.: Nauka, 1980. – 300 s.

20. Popova O. A. Gymnocephalus cernuus (Linnaeus, 1758) – obyknovennyj yorsh // V kn.: Atlas presnovodnyh ryb Rossii: 2 t. / Pod red. YU. S. Reshetnikov. – M.: Nauka, 2002. – T.2. – S. 62-64.

21. Popova O. A. Gymnocephalus cernuus (Linnaeus, 1758) – obyknovennyj yorsh // V kn.: Ryby v zapovednikah Rossii: Presnovodnye ryby. T.1 / Pod red. YU. S. Reshetnikova. – M.: Tov-vo nauchnyh izdanij KMS, 2010. – S. 541-544.

22. Sabaneev L. P. ZHizn' i lovlya presnovodnyh ryb. – Kiev: Gos. izd-vo sel'hoz. lit-ry, 1959. – 667 s.

23. Berg L. S. Ryby presnyh vod SSSR i sopredel'nyh stran. CH. 3. – M.-L.: Izd-vo AN SSSR, 1949. – S. 930-1381.

24. Popova O. A., Reshetnikov Yu. S., Kiyashko V. I. et. al. Ruffe from the former USSR: variability within the largest part of the natural range // J. Great Lakes Res., 1998. – Vol. 24. – № 2. – P. 263-284.

25. Sokolov A. V., Bobkov A. I., Sokolova V. F. Strukturnaya i funkcional'naya harakteristika ihtiocenozov ozer Bol'shoe i Maloe Kapylyushi // Bioproduktivnost' Bauntovskih ozer Buryatii: Sb. nauchnyh tr. – L.: GosNIORH, 1987. – Vyp. 272. – S. 97-113.

26. Bolotova N. L., Zuyanova O. V. Sostoyanie populyacii ersha kak pokazatel' antropogennogo vozdejstviya na vodoemy Vologodskoj oblasti // Mat-ly VII s"ezda VGBO RAN. – Kazan', 1996. – S. 175-176.

27. Johnsen P. Studies on the distribution and food of the ruffe (Acerina cernua L.) in Denmark. With notes on other aspects // Meddelelser fra Danmarks Fiskeri-og Havundersogelser, 1965. – N 4. – P. 137-156.

28. Lelek A. The Freshwater Fishes of Europe. Vol. 9. – Treatened Fishes of Europe. – Wiesbaden: aula-Verlag, 1987. – 343 p.

29. Holcik J. and Mihalik J. Freswater Fishes. – London: Spring Books, 1968. – 190 p.

30. Sandlund O. D., Naesje T. E., Klyke L. and Lindem T. The vertical distribution of fish species in Lake Jmosa, Norway as shown by gillnet catches and echo sounder // Inst. Freshwater Res. Drottningholm, 1985. – Vol. 62. – P. 215-222.

31. Bergman E. Temperature-dependent differences in foraging ability of two percids perch (Perca fliviatilis) and ruffe (Gymnocephalus cernuus) // Env. Biol. Fish., 1987. – Vol. 19. – N 1. – P. 43-53.

32. Bergman E. Foraging abilities and niche breadths of two percids, Perca fluviatilis and Gymnocephalus cernuus, under different environmental conditions // J. Anim. Ecology, 1988. – n 57. – P. 443-453.

33. Ogle D. H. A Sinopsis of the Biology and life history of ruffe // J. Great Lakes Res., 1998. – Vol. 24 (2). – P. 170-185.

34. Nikol'skij G. V., Gromchevskaya N. A., Morozova G. N., Pikulova V. A. Ryby bassejna Verhnej Pechory. − M.: Izd-vo Mosk. obshch. isp. prir., 1947. − Vyp. 6. − S. 5-199.

35. Kalashnikov YU. A. Ryby bassejna reki Vitim. – Novosibirsk: Nauka, 1978. – 192 s.

36. Karasev G. L. Ryby Zabajkal'ya. – Novosibirsk: Nauka, 1987. – 296 s.

37. Petlina A. P. Morfologiya ersha Zapadnoj Sibiri // Trudy nauchno-issledovatel'skogo. In-ta biologii i biofiziki pri Tomsk. gos. un-te. – Tomsk, 1970. – T. 1. – S. 90-109.

38. Petlina A. P. YOrsh – vrednaya ili poleznaya ryba? // Voprosy ohrany prirody Zapadnoj Sibiri. – Tomsk: TGU, 1970. – Vyp. 4. – S. 63-66.

39. Kranz H. and Peters N. Melano-macrophage centres in liver and spleen of ruffe (Gymnocephalus cernuus) from the Elbe estuary // Helgolander Meeresunters, 1984. – № 7. – P. 415-424.

40. Peters H., Kohler A. and Kranz H. Liver pathology in fishes from the lower Elbe as a consequence of Pollution // Dis. Aquatic. Oeg., 1987. – № 2. – P. 87-97.

41. Weissenberg R. Fifty years of research on the lymphocystis virus disease of fishes (1914-1964) // Ann. New York Asad. Sci., 1965. – № 126. – P. 362-374.

42. Lindesjoo E. and Thulin J. Fin erosion of perch Persca fluviatilis and Gymnocephalus cernuus in a pulp mill effluebt area // Dis. Aquatic. Org., 1990. – № 8. – P. 119-126.

43. Kovać V. Biology of European ruffe fro, Slovakoia and adjacent Central European countries // J. Great Lakes Res., 1998. – Vol. 26. – № 2. – P. 205-216.

44. Reshetnikov YU. S., Akimova N. V., Popova O. A. Anomalii v sisteme vosproizvodstva ryb Kol'skogo poluostrova pri antropogennom vozdejstvii // Biologicheskie osnovy izucheniya, osvoeniya i ohrany zhivotnogo i rastitel'nogo mira, pochvennogo pokrova Vostochnoj Fennoskandii: Tez. dokl. Mezhdunar. konf. i vyezdnoj sessii otdeleniya Obshchej biologii RAN (6-10 sentyabrya 1999 g.). – Petrozavodsk: IB Kar. NC RAN, 1999. – S. 155, 285-286 s.

45. Lukin A. A., Dauval'ter V. A., Novoselov A. P. Ekosistema Pechory v sovremennyh usloviyah. – Apatity: KNC RAN, 2000. – 192 s.

46. Reshetnikov YU. S., Popova O. A. O metodah polevyh ihtiologicheskih issledovanij i tochnosti poluchennyh rezul'tatov // Tr. VNIRO, 2015. – T. 156. – S. 112-129.

47. Tyaptirgyanov M. M. Izmenenie rybnogo naseleniya presnovodnyh vodoemov YAkutii v usloviyah antropogennogo zagryazneniya. – M.: OOO «POLIGRAF-PLYUS», 2016. – 308 s.

48. Arshanica N. M. Materialy ihtiotoksikologicheskih issledovanij v bassejne Ladozhskogo ozera // Sb. nauchn. trudov GosNIORH, 1988. – T. 285. – S. 12-23.

49. CHinareva I. D. Patogistologicheskie izmeneniya, vstrechayushchiesya u ryb bassejna Ladozhskogo ozera // L.: GosNIORH, 1988. – Vyp. 285. – S. 24-32.

50. Selyukov A. G. Morfofunkcional'nyj status ryb Ob'-Irtyshskogo bassejna v sovremennyh usloviyah. – Tyumen': Izd-vo Tyumen'sk. gos. un-ta, 2007. – 184 s.

51. Semenov D. YU. Bioekologicheskaya harakteristika obyknovennogo ersha (Gymnocephalus cernuus (L.) Kujbyshevskogo vodohranilishcha // Vestnik Nizhnegorodskogo un-ta, 2010. – T. 3 (1). – S. 117-125.

ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 53.05

В. С. Стародубцев[1], В. С. Соловьев[1,2]

Особенности вариаций концентрации метана в летне-осенний период на арктической станции Барроу (Аляска) по наземным и спутниковым данным

[1]Институт космофизических исследований и аэрономии им. Ю.Г. Шафера СО РАН, г. Якутск, Россия
[2]СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. За последние два с половиной столетия общее содержание метана в атмосфере Земли увеличилось более чем в два раза [1]. Учитывая, что потенциал глобального потепления метана в 20 раз больше, чем углекислого газа, мониторинг и исследование свойств метана являются одной из насущных задач современной экологии. В работе представлены результаты исследования вариаций концентрации метана на арктическом побережье Аляски по данным станции Барроу (1986-2018 гг.), а также по данным дистанционного зондирования (радиометр AIRS, ИСЗ Aqua). Анализ особенностей сезонного хода метана показал, что в межсезонье (лето-осень) на ст. Барроу нередко наблюдаются резкие скачки (повышение) концентрации метана с амплитудами, превышающими фоновые на ~ > 5%, и длительностью от нескольких десятков часов до нескольких суток. Подобные события наблюдались преимущественно с июня по ноябрь. Логично предположить, что подобное поведение метана в летне-осеннее время, когда содержание метана в атмосфере над акваторией северных морей в среднем ниже, чем над сушей, обусловлено динамикой северных и южных ветров в точке наблюдения (ст. Барроу). Были проведены исследования зависимости концентрации метана от направления ветра, показавшие, что значительные скачки концентрации метана на станции регистрировались при ветре, дующем со стороны суши. В случае ветра с севера значения метана в целом соответствовали невозмущенному (фоновому) уровню. Анализ усредненных среднемесячных карт распределения концентрации метана, построенных по спутниковым данным, показал, что в зимний период на высоких широтах значения метана над поверхностью суши и северными морями существенно не отличаются. Однако в летне-осенний период концентрация метана над сушей заметно выше, чем над морями. Дополнительные расчеты траекторий перемещения воздушных масс в зоне исследования также подтвердили

СТАРОДУБЦЕВ Вадим Сергеевич – м. н. с., Институт космофизических исследований и аэрономии им. Ю.Г. Шафера СО РАН.

E-mail: starodubjr@ikfia.sbras.ru

STARODUBTSEV Vadim Sergeevich – Junior Researcher, Yu. G. Shafer Institute of Cosmophysical Research and Aeronomy of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

СОЛОВЬЕВ Владимир Степанович – к. ф.-м. н., Институт космофизических исследований и аэрономии им. Ю.Г. Шафера СО РАН; доцент, Физико-технический институт СВФУ им. М.К. Аммосова.

SOLOVYEV Vladimir Stepanovich – Ph.D., Senior Researcher, Yu. G. Shafer Institute of Cosmophysical Research and Aeronomy of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Associate Professor of the Physical-Technical Institute of the M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

предположение, что быстрые повышения концентрации метана в летне-осенний период на ст. Барроу, расположенной на арктическом побережье, обусловлены переносом со стороны суши воздушных масс с повышенным содержанием метана.

Ключевые слова: вариации метана, Арктика, станция Барроу, вечная мерзлота, дистанционное зондирование, динамика ветра, AIRS, HYSPLIT.

DOI 10.25587/SVFU.2020.75.55411

V. S. Starodubtsev[1], V. S. Solovyev[1,2]

Features Variations of Methane Concentration of the Summer-Autumn Period at Arctic Station Barrow (Alaska) By Terrestrial and Satellite Data

[1]Yu. G. Shafer Institute of Cosmophysical Research and Aeronomy of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia
[2]M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. Over the past two and a half centuries total methane content in the Earth's atmosphere has more than doubled [1]. The global warming potential of methane is 20 times greater than that of carbon dioxide, considering that, monitoring and studying the properties of methane are one of the urgent tasks of modern ecology. This paper presents a study of methane concentration variations on the Arctic coast of Alaska, according to Barrow station data (1986-2018), and remote sensing data (AIRS radiometer, Aqua satellite). Analysis of the seasonal variation of methane showed that in the off-season (summer-autumn) at station Barrow quite often there are sharp jumps (increases) in methane concentration with amplitudes exceeding the background by ~ > 5% and lasting from several / tens of hours to several days. Similar events were mainly observed from June to November. It is logical to assume that this behavior of methane in summer and autumn, when methane content in the atmosphere above the northern seas is on average lower than over land, is due to the dynamics of north and south winds at the observation point (Barrow station). Studies were conducted of the dependence of methane concentration on the direction of wind, that showing significant jumps in methane concentration at the station were recorded with wind blowing from the land. In case of wind from the north, methane values generally corresponded to an unperturbed / background level. Analysis of monthly averaged distribution maps of methane concentration, based on satellite data, showed that in winter, at high latitudes, methane values above the land surface and northern seas do not differ significantly. However, in summer-autumn period, the concentration of methane over land is much higher than over the seas. Additional calculations of the trajectories of air mass movements in study area also confirmed the assumption that rapid increases in methane concentration in the summer-autumn period at station Barrow, located on the Arctic coast, is caused by the transfer from the land side of the air masses with a high methane content.

Keywords: methane variations, Arctic, Barrow station, permafrost, remote sensing, wind dinamics, AIRS, HYSPLIT.

Введение

К важнейшим газовым примесям, играющим заметную роль в тепловом балансе атмосферы, относится метан, процентное содержание которого очень невелико, но, несмотря на это, он является эффективным парниковым газом с потенциалом глобального потепления более чем в 20 раз выше (из расчета 100 лет), чем у основного парникового газа CO_2 [2]. В порядке оцениваемого воздействия на температурный режим атмосферы метан занимает третье место после водяного пара и углекислого газа [3]. Учитывая, что, начиная с доиндустриального периода, концентрация метана в атмосфере выросла примерно на ~150%, а CO_2 – на ~40%, роль метана в парниковом эффекте существенно возрастает.

Химическим путем в воздухе CH_4 практически не образуется, поэтому его содержание в атмосфере полностью определяется наземными источниками [4], к которым относятся: болота, озера и реки, лесные пожары и утилизация ископаемого топлива, объекты растениеводства и животноводства, метангидраты океанского шельфа, многолетние мерзлые породы и другие глубинные геологические источники. Доминирующим естественным источником метана являются заболоченные территории – они дают от 25 до 32% от всех его выбросов, на долю антропогенных выбросов приходится ~ от 49 до 61% глобального выброса CH_4 [5]. Основным механизмом стока метана, при котором ежегодно из атмосферы удаляется примерно 90% всех его поступающих эмиссий, является окисление метана свободным радикалом OH. Кроме реакции с OH сток происходит за счет микробиологического поглощения в почве и реакции метана с атомами хлора на поверхности моря [6].

На высоких широтах в балансе метана заметен вклад донных залежей метангидратов на арктическом шельфе. В условиях глобального потепления и соответствующем росте температуры воды метангидраты разрушаются и освобожденный метан поступает в атмосферу. Иногда локальный выброс метана носит фонтанирующий характер, во время экспедиций в Охотском море на его поверхности наблюдалась область образования пузырьков. Пробы, забранные в месте появления пузырьков, показали высокие концентрации метана, а в результате эхо-локации было обнаружено субаквальное тело «факел Обжирова» [7] на дне морского шельфа. В работах [8-9] приводятся результаты спутниковых наблюдений, выявивших аномалии над морями Северного Ледовитого океана.

Эффекты глобального изменения климата наиболее заметны на высоких широтах, где темпы роста температуры в два раза превышают средние по земному шару [10]. Рост температуры оказывает разрушительное действие на вечную мерзлоту, содержащую в большом количестве (по приблизительным оценкам не менее 1400 Гт метана [11]) парниковые газы CH_4, CO_2, и, соответственно, повышает эмиссию метана из почвы.

Экспериментальные исследования метана в Арктике, результатам которых посвящен ряд публикаций [12-16], достаточно трудоемки, материально затратны, осложнены суровым климатом и труднодоступностью региона, как следствие количество стационарных пунктов наблюдения в Арктике невелико. В России таких станций пять: аэрологическая станция «Воейково», гидрометеорологическая станция «Териберка», станция «Новый Порт», главная метеорологическая обсерватория «Тикси» и Северо-Восточная научная станция в пос. Черский. За рубежом также существует ряд подобных станций: «Алерт» (Канада), «Барроу» (США, Аляска), «Паллас» (Финляндия), «Шпицберген» (Норвегия).

Измерения на станциях носят локальный характер, поэтому чтобы получить пространственно-временную картину распределения метана над обширными территориями требуются спутниковые средства наблюдения, обеспечивающие с широким охватом и достаточным временным/пространственным разрешением измерения атмосферного метана [17-19].

Рост содержания метана в атмосфере на высоких широтах в результате деградации вечной мерзлоты и разрушения метангидратов на арктическом шельфе, вызванные глобальным потеплением, ведет к повышению темпов парникового эффекта. Это обстоятельство во многом определяет актуальность исследований парниковых газов в арктической зоне и приполярных территориях.

Целью данной работы является исследование особенностей быстрых вариаций концентрации атмосферного метана на арктическом побережье (ст. Барроу) по данным наземных и спутниковых наблюдений.

Рис. 1. Карта расположения ст. Барроу

Данные и методика

В работе использованы данные станции Барроу (71°36’ с. ш., 156°6’ з. д.), расположенной в 500 км к северу от полярного круга (рис. 1). Данные станции размещены в открытом доступе на интернет-ресурсе (ds.data.jma.go.jp/gmd/wdcgg). Местность вблизи станции характеризуется отсутствием крупных инфраструктурных объектов, а также низкой плотностью населения, что снижает уровень антропогенного влияния на результаты наблюдений.

Измерения метана на ст. Барроу проводятся в непрерывном режиме с 1986 г. и по настоящее время. Для измерения концентрации газовых компонентов используется пламенно-ионизационный спектрограф. Данные имеют среднечасовой формат представления, даты и время указаны в формате UTC.

Среднечасовые данные о направлении и скорости ветра доступны по ссылке https://www.esrl.noaa.gov/gmd/dv/data/index.php?parameter_name=Meteorology&site=BRW.

Помимо наземных измерений, в работе использованы данные бортового радиометра AIRS (Atmospheric Infrared Sounder), представляющие собой карты среднемесячного распределения метана с разрешением 1x1 град. (продукт AIRX3STM), доступные по URL-ссылке https://giovanni.gsfc.nasa.gov.

Для трассировки путей переноса воздушных масс была использована модель HYSPLIT (Hybrid Single-Particle Lagrangian Integrated Trajectory model), которой можно свободно пользоваться через web-интерфейс по URL-адресу https://www.ready.noaa.gov/hypub-in/trajtype.pl?runtype=archive.

Обсуждение

В результате анализа набора наземных данных измерений метана с 1986 по 2018 гг. был выделен период июнь-ноябрь, в течение которого чаще наблюдались резкие скачки (повышение) значений концентрации метана со следующими признаками:

– резкому повышению CH_4 предшествовал спокойный, невозмущенный период в течение не менее трех суток;

– амплитуда скачка CH_4 превышала невозмущенные значения на ~ > 5%;

– длительность отдельных скачков повышений концентрации метана составляла от нескольких десятков часов до нескольких суток;

– после внезапных повышений метана наблюдался спокойный период длительностью не менее трех суток.

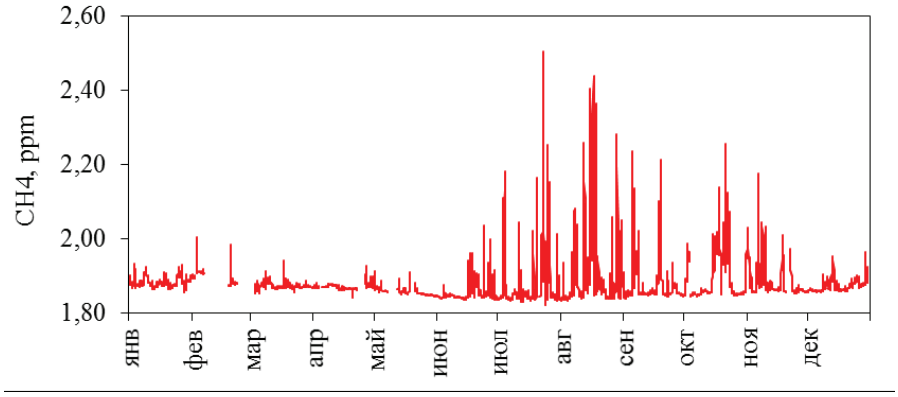


Рис. 2. Пример быстрых вариаций CH_4 в летне-осенний период 2004 г.

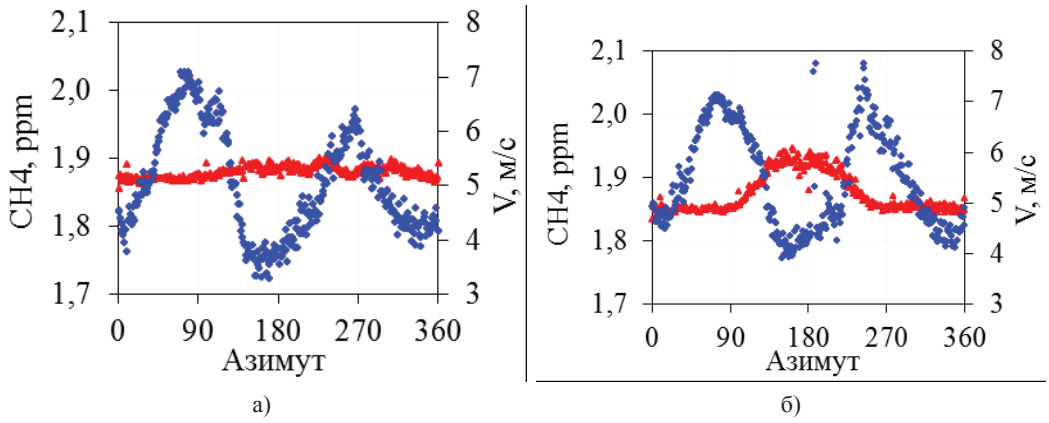


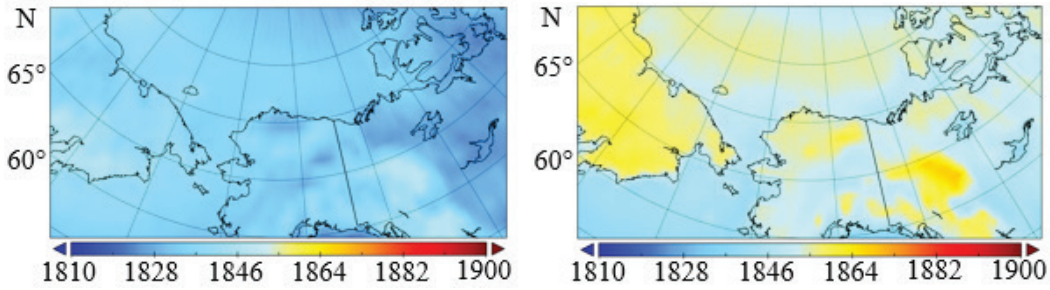
Рис. 3. Зависимость концентрации метана (красная кривая) и скорости ветра (синяя кривая) от азимута: а) декабрь-май, б) июнь-ноябрь 1986-2018 гг.

На рис. 2 представлен яркий пример наблюдаемых в летне-осенний период вариаций метана с высокими амплитудами на фоне общего сезонного хода CH_4 с характерным повышенным содержанием метана зимой и пониженным в летнее время [20].

С наступлением летнего сезона активизируются природные (биогенные) источники метана – анаэробные микроорганизмы, содержащиеся в почве и болотах [21-22]. Активная жизнедеятельность этих микроорганизмов прослеживается вплоть до ноября, когда температура почвы на глубине ~ 5-15 см остается на уровне около 0°С [23].

На рис. 3 представлены зависимости концентрации метана (красные маркеры) и скорости ветра (синие маркеры) от азимута ветра в периоды декабрь-май и июнь-ноябрь, усреднённые за весь период наблюдений (1986-2018 гг.). Направлению ветра, дующего с суши, соответствует азимутальный сектор 80-280 град., остальные направления относятся к ветрам, дующим с акватории северных морей (Бофорта, Чукотского). Можно отметить характерную для арктического побережья ветровую динамику – ветры с северных морей в среднем имеют заметно большую амплитуду по сравнению с южными ветрами.

Как видно из графика (рис. 3а), уровень концентрации метана в декабре-мае не зависит от направления (азимута) ветра. Тогда как рис. 3б показывает, что в июне-ноябре для азимутального сектора суши наблюдаются заметно более высокие значения метана (~ >5%) по сравнению с азимутами ветров, дующих со стороны



а) б)

Рис. 4. Усредненные за 2003-2018 гг. карты распределения концентрации метана на высоте 400 гПа: а) декабрь-май, б) июнь-ноябрь

северных морей. Следовательно, можно предположить, что южные ветры приносят в точку наблюдения воздушные массы с высокой концентрацией метана, а ветры с морей – с низким содержанием метана. Подобное объяснение для данных ст. Тикси приводится в [24-26].

На рис. 4 представлены усредненные за 2003-2018 гг. карты распределения концентрации метана на высоте 400 гПа, построенные по данным радиометра AIRS, установленного на спутнике AQUA. Продукт AIRX3STM дает возможность строить карты на разных барических высотах. Выбор использованной в настоящей работе высоты 400 гПа обусловлен рекомендациями, представленными в работах [27-28], где измерения метана на уровне 400-500 гПа (~ 6-7 км) представляются наиболее достоверными для арктической зоны. Значения распределения концентрации метана на рис. 4 соответствуют цветовой шкале в единицах ppb.

Было произведено усреднение в период с 2003 по 2018 гг. для всего северного полушария. Картина усредненного распределения метана представлена на рис. 4, где а) – распределение в декабре-мае, б) – распределение в июне-ноябре. В зимне-весеннее время, как следует из рис. 4а, заметного различия в содержании метана над сушей и водной поверхностью не наблюдается. Напротив, в период июнь-ноябрь (рис. 4б) содержание метана над сушей заметно превышает его содержание над водной поверхностью; отчётливо наблюдается граница раздела областей с высоким и низким содержанием метана, проходящая по береговой линии. Особенности картины распределения метана объясняются балансом механизмов истока (биогенные источники) и стока (окисление CH_4 свободными радикалами) в означенные времена года.

Пример одного из рассматриваемых событий с резким повышением концентрации метана представлен на рис. 5, из которого следует, что в течение 7-12 августа 2010 г. концентрация метана оставалась на невозмущенном фоновом уровне. С 13 по 17 августа наблюдаются несколько резких скачков концентрации с высокими амплитудами. После 17 августа концентрация метана снижается до невозмущенных значений и сохраняется на данном уровне в течение нескольких суток.

По модели HYSPLIT были проведены расчеты траекторий переноса воздушных масс в течение двух суток, предшествующих отмеченным стрелками (рис. 5) датам. Результаты трассировки представлены на рис. 6. Временной интервал между точками траектории соответствует одному часу. Траектории синего цвета (№1, №2) соответствуют невозмущенным значениям концентрации метана 10 и 12 августа, а красные траектории (№3-6) – резким скачкам значений концентрации 13-15 и 16 августа соответственно.

Как следует из рис. 6, синие траектории (№1 и №2) полностью находятся в акватории моря Бофорта. Траектория красного цвета №3, хотя и берет свое начало в море Бофорта,

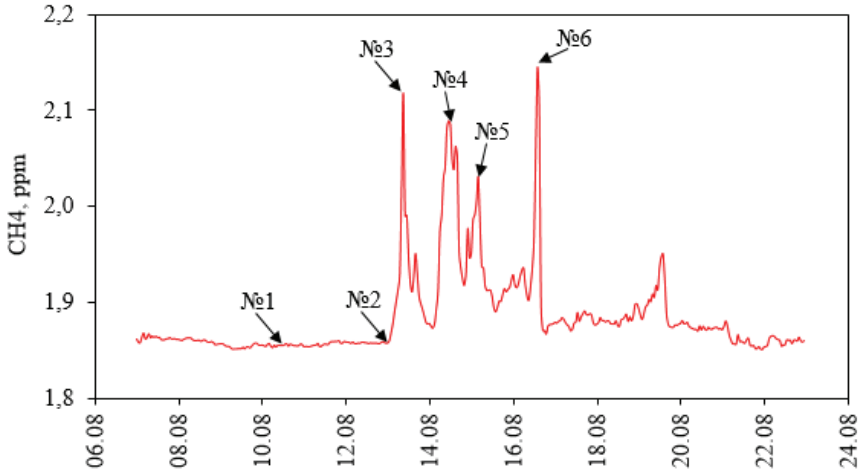


Рис. 5. Вариации концентрации метана на ст. Барроу 7-22 августа 2010 г.

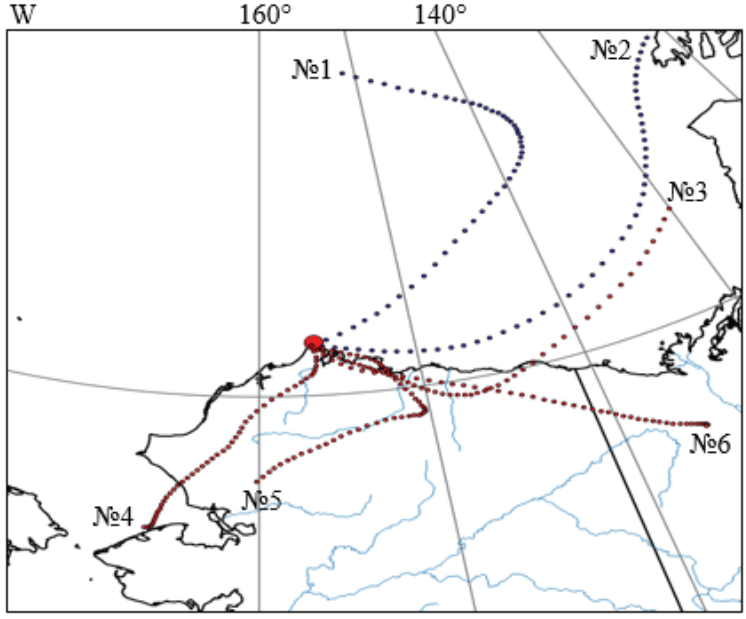


Рис. 6. Рассчитанные по модели HYSPLIT траектории переноса воздушных масс для соответствующих временным меткам датам

но последние 1,5 суток проходит через сушу. Остальные траектории (№4-6) полностью/преимущественно лежат в пределах суши.

Данные дистанционного зондирования показывают, что в целом содержание метана в атмосфере над сушей больше, чем над морской поверхностью в рассматриваемые периоды времени (рис. 4). Таким образом, временной ход концентрации метана (рис. 3, рис. 5) вероятнее всего объясняется характером ветровой динамики. Ветры с суши, где метан интенсивно выделяется болотами и озерами, приносят воздушные массы с высоким содержанием метана и тогда на ст. Барроу регистрируется его резкое повышение, а ветры с севера имеют низкую концентрацию CH_4, и, соответственно, содержание

метана опускается до невозмущенных значений. Подобная картина суточных вариаций метана, объясняемая характером ветровой динамики, наблюдалась также на арктической ст. Тикси [26].

Заключение

В результате анализа особенностей поведения метана на арктическом побережье по данным ст. Барроу (1986-2018 гг.) можно сделать следующие выводы:

– на фоне сезонного хода в летне-осенний период (чаще июнь–ноябрь) нередко наблюдаются резкие повышения концентрации метана, значительно (~ > 5%) превышающие фоновый уровень и длительностью от нескольких/десятков часов до нескольких суток;

– подобные вариации метана в летне-осенний период на станции Барроу, расположенной на арктическом побережье, объясняются ветровым режимом в окрестностях станции наблюдения: южные ветры с суши приносят воздушные массы с повышенным содержанием метана (на станции наблюдения регистрируется резкое повышение концентрации метана), тогда как ветры с акватории северных морей – с пониженным, и уровень метана на станции снижается до невозмущенных значений;

– спутниковые наблюдения хорошо согласуются с результатами, полученными по наземным данным, и подтверждают вывод о ветровом режиме.

Безусловно, для обобщения и масштабирования результатов исследования требуется привлечение данных других арктических станций наблюдения: «Воейково», «Териберка», «Новый Порт», «Тикси», Северо-Восточной научной станции в пос. Черский, «Алерт» (Канада), «Паллас» (Финляндия), «Шпицберген» (Норвегия) и детальных спутниковых измерений.

Литература

1. Анисимов О. А., Анохин Ю. А и др. Оценочный доклад об изменениях климата и их последствиях на территории российской Федерации. Общее резюме. – ГУ НИЦ «Планета» // ГУ НИЦ «Планета», 2008. – 28 с.

2. Пачаури Р. К., Райзингер А. и основная группа авторов (ред.) МГЭИК: Изменение климата: Обобщающий доклад. Вклад рабочих групп I, II, III в Четвертый доклад об оценке Межправительственной группы экспертов по изменению климата // МГЭИК, Женева, Швейцария, 2007 – 104 с.

3. J. T. Kiehl, Kevin E. Trenberth. Earth's Annual Global Mean Energy Budget // Bulletin of the American Meteorological Society. – Vol. 78, № 2, 1997 – P. 197-208.

4. Бажин Н. М. Метан в атмосфере // Соросовский образовательный журнал, Т.6 №3, 2000. – С. 52-57.

5. Saunois M., Bousquet P., Dlugokencky et al. The global methane budget 2000-2012 // Earth System Science Data 8, 2016. – P. 697-751.

6. IPCC, Climate Change: Radiative Forcing of Climate Change and An Evaluation of the IPCC IS92 Emission Scenarios - J.T. Houghton, L.G. Meira Filho, J. Bruce, Hoesung Lee, B.A. Callander, E. Haites, N. Harris and K. Maskell (Eds.) // Cambridge University Press, UK, 1994. – P. 1-339.

7. Обжиров А. И., Телегин Ю. А., Болобан А. В. Потоки метана и газогидраты в Охотском море // Подводные исследования и робототехника, №1 (19), 2015. – С. 56-62.

8. Юрганов Л. Н., Лейфер А., Вадаккепулиямбатта С. Признаки ускорения возрастания концентрации метана в атмосфере после 2014 года: спутниковые данные для Арктики // Современные проблемы дистанционного зондирования Земли из космоса. – Т.14 №5, 2017. – С. 248-258.

9. Yurganov L., Muller-Kager F., Leifer I. Methane increase over the Barents and Kara seas after the autumn pycnocline breakdown: satellite observations // Advances in Polar Science. – Vol. 30 №4, 2019 – P. 382-390.

10. IPCC, Intergovernmental Panel on Climate Change, Second Assessment Report: Climate Change // Cambridge University Press, 1995. – P. 1-572.

11. Shakhova N., Semiletov I., Salyuk A., Kosmach D. Anomalies of methane in the atmosphere over the East Siberian shelf: Is there any sign of methane leakage from shallow shelf hydrates? // Geophysical Research

Abstracts, EGU General Assembly 2008, 10, EGU2008-A-01526.

12. Антонов К. Л., Поддубный В. А. и др. Некоторые итоги мониторинга парниковых газов в арктическом регионе России // Арктика: экология и экономика, № 1 (29), 2018. – С. 56-67.

13. Platt S. M., Eckhardt S., Ferre B., et al. Methane at Svalbard and over the European Arctic ocean // Atmospheric Chemistry and Physics. – Vol. 18(23), 2018 – P. 17207-17224.

14. James, R. H., Bousquet, P., Leifer, I. et al. Effects of climate change on methane emissions from seafloor sediments in the Arctic Ocean: A review // Limnology and Oceanography. – Vol. 61, 2016. – P. 283-299.

15. Miller S., Miller C., Commane R., et al. A multi-year estimate of methane fluxes in Alaska from CARVE atmospheric observations // Global Biogeochemical Cycles. – Vol. 30, 2016. – P. 1441-1453.

16. Thompson, R. L., Sasakawa, M., Machida, T. et al. Methane fluxes in the high northern latitudes for 2005-2013 estimated using a Bayesian atmospheric inversion // Atmospheric Chemistry and Physics. – Vol. 17, 2017. – P. 3553-3572.

17. Clearbaux C. et al. Monitoring of atmospheric composition using the thermal infrared IASI/MetOp sounder // Atmospheric Chemistry and Physics. – Vol. 9, 2009 – P. 6041-6054.

18. Schepers D., Guerlet S., Butz A. et al. Methane retrievals from Greenhouse Gases Observing Satellite (GOSAT) shortwave infrared measurements: Performance comparison of proxy and physics retrieval algorithms // Journal of Geophysical Research D: Atmospheres. – Vol.117, 2012. – P. 1-14.

19. Daniel D. Jacob, Xiong Liu et al. Satellite observations of atmospheric methane and their value for quantifying methane emissions // Atmospheric Chemistry and Physics. – Vol. 16, 2016 – P. 14371-14396.

20. Khalil, M.A.K. and R.A. Rasmussen. Sources, sinks, and seasonal cycles of atmospheric methane // Journal of Geophysical Research. – Vol. 88(C9), 1983. – P. 5131-5144.

21. R. E. Fisher, et al. Arctic methane sources: Isotopic evidence for atmospheric inputs // Geophysical Research Letters. – Vol. 38, 2011. – P. 1-6.

22. Thiband Thonat, Marielle Saunois, Phillipe Bousquet, et al. Detectability of Arctic methane sources at six sites performing continuous atmospheric measurements // Atmospheric Chemistry and Physics, Vol. 17, 2017. – P. 8371-8394.

23. Donatella Zona, Beniamino Giolicet al. Cold season emissions dominate the Arctic tundra methane budget // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. – Vol.113 (1), 2016. – P. 40-45.

24. Репина И. А., Аниферов А. А., Артамонов А. Ю. Метан в атмосфере Арктики по данным дистанционного зондирования, приземных измерений и моделирования // Материалы III Международной научно-практической конференции «Прикладные аспекты геологии, геофизики и геоэкологии с использованием современных информационных технологий», 2015. – С. 191-199.

25. Starodubtsev V. S., Solovyev V. S. Methane measurements at Polar Geocosmophysical Observatory “Tixie” // Proceedings of 2nd International conference «Global warming and the human-nature dimension in Siberia: social adaptation to the changes of the terrestrial ecosystem, with an emphasis on water environments» and 7th Annual International Workshop “C/H2O/Energy balance and climate over boreal and arctic regions with special emphasis on eastern Eurassia”, 2013. – P. 112-114.

26. Стародубцев В. С., Соловьев В. С. Исследование вариаций метана в приземном слое воздуха по наблюдениям на ст. Тикси // Природопользование в Арктике: современное состояние и перспективы развития. Сборник научных трудов I международной научно-практической конференции. – Якутск: Издательство: Северо-Восточный Федеральный университет, 2015. – С. 533-541.

27. Xiaozhen Xiong, Chris Barnet, Eric Maddy, Colm Sweeney, Xingpin Liu, Lihang Zhou and Mitch Goldberg. Characterization and validation of methane products from the Atmospheric Infrared Sounder (AIRS) // Journal of Geophysical Research. – Vol. 113, 2008. – P. 1-14.

28. Юрганов Л. Н., Лейфер А., Лунд Майр К. Сезонная и межгодовая изменчивость атмосферного метана над морями Северного Ледовитого океана по спутниковым данным // Современные проблемы дистанционного зондирования Земли из космоса, Т. 13. № 2, 2016. – С. 107-119.

References

1. Anisimov O. A., Anohin YU. A i dr. Ocenochnyj doklad ob izmeneniyah klimata i ih posledstviyah na territorii rossijskoj Federacii. Obshchee rezyume. – GU NIC «Planeta» // GU NIC «Planeta», 2008. – 28 s.

2. Pachauri R. K., Rajzinger A. i osnovnaya gruppa avtorov (red.) MGEIK: Izmenenie klimata: Obobshchayushchij doklad. Vklad rabochih grupp I, II, III v CHetvertyj doklad ob ocenke Mezhpravitel'stvennoj gruppy ekspertov po izmeneniyu klimata // MGEIK, ZHeneva, SHvejcariya, 2007 – 104 s.

3. J. T. Kiehl, Kevin E. Trenberth. Earth's Annual Global Mean Energy Budget // Bulletin of the American Meteorological Society. – Vol. 78, № 2, 1997 – P. 197-208.

4. Bazhin N. M. Metan v atmosfere // Sorosovskij obrazovatel'nyj zhurnal, T.6 №3, 2000. – S. 52-57.

5. Saunois M., Bousquet P., Dlugokencky et al. The global methane budget 2000-2012 // Earth System Science Data 8, 2016. – P. 697-751.

6. IPCC, Climate Change: Radiative Forcing of Climate Change and An Evaluation of the IPCC IS92 Emission Scenarios - J.T. Houghton, L.G. Meira Filho, J. Bruce, Hoesung Lee, B.A. Callander, E. Haites, N. Harris and K. Maskell (Eds.) // Cambridge University Press, UK, 1994. – P. 1-339.

7. Obzhirov A. I., Telegin YU. A., Boloban A. V. Potoki metana i gazogidraty v Ohotskom more // Podvodnye issledovaniya i robototekhnika, №1 (19), 2015. – S. 56-62.

8. YUrganov L. N., Lejfer A., Vadakkepuliyambatta S. Priznaki uskoreniya vozrastaniya koncentracii metana v atmosfere posle 2014 goda: sputnikovye dannye dlya Arktiki // Sovremennye problemy distancionnogo zondirovaniya Zemli iz kosmosa. – T.14 №5, 2017. – S. 248-258.

9. Yurganov L., Muller-Kager F., Leifer I. Methane increase over the Barents and Kara seas after the autumn pycnocline breakdown: satellite observations // Advances in Polar Science. – Vol. 30 №4, 2019 – P. 382-390.

10. IPCC, Intergovernmental Panel on Climate Change, Second Assessment Report: Climate Change // Cambridge University Press, 1995. – P. 1-572.

11. Shakhova N., Semiletov I., Salyuk A., Kosmach D. Anomalies of methane in the atmosphere over the East Siberian shelf: Is there any sign of methane leakage from shallow shelf hydrates? // Geophysical Research Abstracts, EGU General Assembly 2008, 10, EGU2008-A-01526.

12. Antonov K. L., Poddubnyj V. A. i dr. Nekotorye itogi monitoringa parnikovyh gazov v arkticheskom regione Rossii // Arktika: ekologiya i ekonomika, № 1 (29), 2018. – S. 56-67.

13. Platt S. M., Eckhardt S., Ferre B., et al. Methane at Svalbard and over the European Arctic ocean // Atmospheric Chemistry and Physics. – Vol. 18(23), 2018 – P. 17207-17224.

14. James, R. H., Bousquet, P., Leifer, I. et al. Effects of climate change on methane emissions from seafloor sediments in the Arctic Ocean: A review // Limnology and Oceanography. – Vol. 61, 2016. – P. 283-299.

15. Miller S., Miller C., Commane R., et al. A multi-year estimate of methane fluxes in Alaska from CARVE atmospheric observations // Global Biogeochemical Cycles. – Vol. 30, 2016. – P. 1441-1453.

16. Thompson, R. L., Sasakawa, M., Machida, T. et al. Methane fluxes in the high northern latitudes for 2005-2013 estimated using a Bayesian atmospheric inversion // Atmospheric Chemistry and Physics. – Vol. 17, 2017. – P. 3553-3572.

17. Clearbaux C. et al. Monitoring of atmospheric composition using the thermal infrared IASI/MetOp sounder // Atmospheric Chemistry and Physics. – Vol. 9, 2009 – P. 6041-6054.

18. Schepers D., Guerlet S., Butz A. et al. Methane retrievals from Greenhouse Gases Observing Satellite (GOSAT) shortwave infrared measurements: Performance comparison of proxy and physics retrieval algorithms // Journal of Geophysical Research D: Atmospheres. – Vol.117, 2012. – P. 1-14.

19. Daniel D. Jacob, Xiong Liu et al. Satellite observations of atmospheric methane and their value for quantifying methane emissions // Atmospheric Chemistry and Physics. – Vol. 16, 2016 – P. 14371-14396.

20. Khalil, M.A.K. and R.A. Rasmussen. Sources, sinks, and seasonal cycles of atmospheric methane // Journal of Geophysical Research. – Vol. 88(C9), 1983. – P. 5131-5144.

21. R. E. Fisher, et al. Arctic methane sources: Isotopic evidence for atmospheric inputs // Geophysical Research Letters. – Vol. 38, 2011. – P. 1-6.

22. Thiband Thonat, Marielle Saunois, Phillipe Bousquet, et al. Detectability of Arctic methane sources at

six sites performing continuous atmospheric measurements // Atmospheric Chemistry and Physics. – Vol. 17, 2017. – P. 8371-8394.

23. Donatella Zona, Beniamino Giolicet al. Cold season emissions dominate the Arctic tundra methane budget // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. – Vol.113 (1), 2016. – P. 40-45.

24. Repina I. A., Aniferov A. A., Artamonov A. YU. Metan v atmosfere Arktiki po dannym distancionnogo zondirovaniya, prizemnyh izmerenij i modelirovaniya // Materialy III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Prikladnye aspekty geologii, geofiziki i geoekologii s ispol'zovaniem sovremennyh informacionnyh tekhnologij», 2015. – S. 191-199.

25. Starodubtsev V. S., Solovyev V. S. Methane measurements at Polar Geocosmophysical Observatory "Tixie" // Proceedings of 2nd International conference «Global warming and the human-nature dimension in Siberia: social adaptation to the changes of the terrestrial ecosystem, with an emphasis on water environments» and 7th Annual International Workshop "C/H2O/Energy balance and climate over boreal and arctic regions with special emphasis on eastern Eurassia", 2013. – P. 112-114.

26. Starodubcev V. C., Solov'ev V. S. Issledovanie variacij metana v prizemnom sloe vozduha po nablyudeniyam na st. Tiksi // Prirodopol'zovanie v Arktike: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya. Sbornik nauchnyh trudov I mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. – YAkutsk: Izdatel'stvo: Severo-Vostochnyj Federal'nyj universitet, 2015. – S. 533-541.

27. Xiaozhen Xiong, Chris Barnet, Eric Maddy, Colm Sweeney, Xingpin Liu, Lihang Zhou and Mitch Goldberg. Characterization and validation of methane products from the Atmospheric Infrared Sounder (AIRS) // Journal of Geophysical Research. – Vol. 113, 2008. – P. 1-14.

28. YUrganov L. N., Lejfer A., Lund Majr K. Sezonnaya i mezhgodovaya izmenchivost' atmosfernogo metana nad moryami Severnogo Ledovitogo okeana po sputnikovym dannym // Sovremennye problemy distancionnogo zondirovaniya Zemli iz kosmosa, T. 13. № 2, 2016. – S. 107-119.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 811.511.142

Э. С. Атласова

Классы глаголов в юкагирском языке (на примере языка тундренных юкагиров)

СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. Актуальность исследования заключается в том, что возникла потребность в определении и теоретическом обосновании тех аспектов грамматики юкагирского языка, которые детерминируют его специфику. Особой проблемой грамматики юкагирского языка является спряжение глаголов. Обзор литературы свидетельствует о том, что эта проблема является одной из самых спорных в юкагироведении. Новый материал позволяет уточнить и верифицировать проблемные аспекты спряжения. Структурные особенности юкагирского языка, выведенные из анализа лексики, грамматики и фонологии, позволили целому ряду исследователей отнести юкагирский язык к изолированным [И. А. Николаева, Е. А. Хелимский, 1997]. Некоторые лингвисты считают, что язык юкагиров находится в отдаленном родстве с уральскими языками, хотя и не входит в эту семью. Кроме того, существует классификация, по которой юкагирский язык выступает как палеоазиатский. Классификация основывается на этногеографических, а не на лингвистических критериях. В статье поставлены следующие задачи: определить обоснование существования двух классов глагольных основ, частично распределенных по фонетическому облику конца основы; описать продуктивные случаи противопоставления двух классов глаголов с показателями -сэм и -сум. Цель исследования – показать два класса глагольных основ, которые соответствуют показателям множественного числа -пэ и -пул имен существительных, которые распределяются на два класса именных слов. В статье рассматриваются глагольные основы, в частности именные, которые делятся на два лексических класса, частично распределенных по фонетическому облику конца основы. Также принадлежность к определенному классу предполагает выбор конкретного нефонетического варианта как при словообразовании (в частности, при образовании каузативов), так и при словоизменении (в частности, выбор конкретного показателя лица после форманта -нунӯ-).

АТЛАСОВА Элида Спиридоновна – к. филол. н., доц. каф. северной филологии ИЯКН СВ РФ СВФУ им. М.К. Аммосова.

E-mail: atlas_elli@rambler.ru

ATLASOVA Elida Spiridonovna – Candidate of Philology Sciences, Associate Professor of Northern Institute of Philology of language and culture of the peoples of the M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

Ключевые слова: юкагирский язык, грамматика юкагирского языка, юкагирский глагол, переходные глаголы, непереходные глаголы, классы глаголов, виды действия глагола, множественное число имен существительных, основообразующие суффиксы, суффиксы множественного числа.

DOI 10.25587/SVFU.2020.75.55412

E. S. Atlasova

Classes of Verbs in Yukagir (For Example, Tundra Yukaghir Language)

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. The relevance of the study is that there is a need to identify and theoretical justification of those aspects of grammar Yukagir that determine its specificity. A particular problem grammar Yukaghir language is verb conjugation. Review of the literature suggests that this problem is one of the most controversial. The new material allows us to refine and verify the problematic aspects of conjugation. Structural features of the Yukaghir language derived from the analysis of vocabulary, grammar and phonology, allowed a number of researchers to carry Yukagir to isolated [I. A. Nikolaev, E. A. Helimski, 1997]. Some linguists believe that the Yukaghir language is distantly related to the Uralic languages, although not a member of this family in the true sense of the word. In addition, there is a classification of the Yukaghir language as Paleoasiatic, which is based on ethno-geographical rather than linguistic criteria. The paper has the following objectives: to determine the justification for the existence of class II verb stems partly distributed by the end of the phonetic form a basis to describe the productive cases contrasting the two classes of verbs with indicators and -sem, -sum. The purpose of the study – to show two classes of verb stems, which correspond to something even phonetically indicators plural -pe and -pul nouns which are defined two classes of registered words. The article deals with verb stems, as well as names that are divided into two lexical classes, partly distributed in the case of the verb to the phonetic appearance of the end bases, as well as belonging to a particular class involves the choice of not phonetic variants both in word formation (in particular in the formation of causatives) and at inflection (particularly the choice of index face after formant -nunÿ-).

Keywords: Yukagir language, Yukagir grammar, Yukagir verb, transitive verbs, intransitive verbs, verb classes, types of action verb, plural nouns, stem-suffixes, plural suffix.

Введение

Глагол – важнейшая самостоятельная часть речи, выражающая общекатегориальное значение процессуальности (процессуального, т. е. развивающегося во времени, динамического признака предмета) в таких морфологических категориях, как вид, залог, наклонение, время и т. д. [1, с. 504].

Лингвистическими исследованиями юкагирского языка занимались В. Иохельсон, Е. Крейнович, Г. Н. Курилов, Е. С. Маслова, И. А. Николаева, Е. А. Хелимский. В юкагирском языке глаголы по отношению к объекту (предмету) действия делятся на 2 группы: переходные и непереходные. Переходность и непереходность связаны со значением самого глагола [2, с. 282].

В. Иохельсон писал, что почти все основы имен существительных являются производными от глагольных форм, основы глаголов в большинстве случаев составляют двухсложные или односложные корни, часто состоящие из одной гласной; например,

аа выражает понятие ‘делание’, ии ‘понятие быть рожденным’, оо – ‘тащить’, ‘доставать со дна’. Существительные могут снова становиться глаголами посредством суффикса te (для переходящих глаголов) и de (для непереходящих глаголов). Хотя именительный неопределенный всегда составляет основу имени существительного, основа глаголов не всегда совпадает с одной и той же формой. Первое лицо единственного числа настоящего совершенного неопределенного спряжения является основой переходящих глаголов. Основой непереходящих глаголов является третье лицо единственного числа отрицательной формы настоящего совершенного неопределенного спряжения [3].

В фундаментальном труде «Исследования и материалы по юкагирскому языку» Е. А. Крейнович впервые сделал глубокий анализ грамматики двух диалектов юкагирского языка. Е. А. Крейнович писал, что одной из сложных проблем истории юкагирского языка является проблема глагольности и предикатности. В юкагирском языке отсутствуют вспомогательные глаголы «быть», «стать», «иметь», которые в русском и западноевропейских языках участвуют в образовании именных составных сказуемых. Роль вспомогательных глаголов выполняют суффиксы *-но-*, передающий ‘быть’, *нола-* – ‘стать’, *-н’э* – ‘иметь’, при этом пока нет никаких оснований утверждать, что данные суффиксы по своему происхождению восходят к вспомогательным глаголам. От имен существительных посредством указанных суффиксов образуются новые основы, например: *амано-* ‘быть отцом’, *аманола-* ‘стать отцом’, *аман’э* ‘иметь отца’. Эти основы нельзя отождествлять с предикативными формами имен типа *амал’эн* (*тэн амал’эн* ‘это отец’), лишенными способности спрягаться. Что касается вышеуказанных основ, то они спрягаются и их следует относить к разряду глаголов. Вследствие этого в непереходном глаголе юкагирского языка приходится выделять следующие разряды: собственно непереходный глагол, предметный непереходный глагол, качественный непереходный глагол и количественный непереходный глагол [4].

В русском языке все глаголы, за исключением безличных, обладают в формах изъявительного наклонения непрошедшего времени и повелительного наклонения категорией лица [5].

Материал и методы исследования

Материалом для исследования послужили полевые материалы, собранные в период с 2000 по 2007 гг. в пос. Андрюшкино Нижнеколымского улуса Республики Саха (Якутия), материалы картотеки юкагирско-русского словаря, хранящегося в Институте проблем малочисленных народов Севера ЯНЦ СО РАН, а также опубликованные тексты на юкагирском языке.

В ходе решения поставленных задач применяются методы эмпирического исследования (наблюдение, сравнение); методы теоретического исследования (абстрагирование, грамматический анализ, сравнительно-исторический, морфонологический и элементарно-теоретический).

Перед нами поставлены следующие задачи: определить обоснование существования II классов глагольных основ, частично распределенных по фонетическому облику конца основы; описать продуктивные случаи противопоставления двух классов глаголов с показателями -сэм и -сум, которые соответствуют показателям множественного числа -пэ и -пул имен существительных, которые распределяются на два класса именных слов.

В лингвистике накоплен определенный научный фонд, содержащий предпосылки для комплексного исследования структуры юкагирского языка.

Особенности спряжения юкагирского глагола, связанные с категорией времени, освещались в лингвистических исследованиях В. И. Иохельсона, Е. А. Крейновича, Г. Н. Курилова, Е. С. Масловой и др.

Обзор литературы показывает, что проблема определения количества времен юкагирского глагола в исследуемом аспекте может быть отнесена к числу наименее

освещенных и спорных. Без изучения аналитических конструкций с применением словоизменительных грамматических показателей -ну- и -нун(ў)- и уточнения их функций невозможно раскрыть сложную природу категории времени глагола в юкагирском языке [3, 6].

В юкагирском языке существует два класса имен существительных, множественное число которых образуется путем прибавления суффиксов -пэ и -пул [7, с. 24].

Е. А. Крейнович [8] пишет о двух вариантах основообразующего показателя множественного числа, где множественное число имеет для существительных I класса показатель -пэ, а для существительных II класса -пул, -побуд. Существительные I класса, оканчивающиеся на согласный, присоединяют к себе во множественном числе суффикс -пэ, например: jорпэ ‘крючки’, харпэ ‘шкуры’, онорпэ ‘языки’, пумбурпэ ‘постели’, инэрпэ ‘ямы’, харбаспэ ‘карбасы’, тааспэ ‘тазы’, пулутпэ ‘мужья’, йоноҕотпэ ‘изголовья’, йоҕулпэ ‘носы’, паҕульпэ ‘невода’, лэгулпэ ‘кушания’, анилпэ ‘рыбы’, мархильпэ ‘девушки’, тибалпэ ‘печки’, нонопэ (<нонол) ‘петли’, анмилпэ ‘ездовые олени’, талавпэ ‘дикие олени’, сукунпэ ‘одеяния’, илэпэ ‘олени’, пэлдудиэпэ ‘старики’, тэтчиэпэ ‘богачи’, алайипэ ‘юкагиры рода Алайи’, монойдьиипэ ‘замужние женщины’, апаналаапэ ‘старухи’, савапэ ‘шкуры’.

Существительные I класса с исходом на гласный могут иметь ударение на первом и последнем слоге. К ним относится небольшая группа слов с исходом на -э. Присоединяются к ним суффиксы мн. числа -пэ или -пул, например: нумэпэ и нумэпул ‘жилища’, эйэпэ ‘луки’, огэпэ ‘рыболовные заездки’, мурэпэ ‘торбаза’, мэмэпэ ‘медведи’, чиижалэпэ и чиижалэпул ‘рябчики’ и др.

Во II классе им противостоят существительные с ударением на первом слоге с исходом на а, -э < -а, -э. К ним присоединяется суффикс мн. числа –пул, например:

К аасэпул (<ааса) ‘олени’, йахадаасэпул (<йахадаса) ‘лошади’, тоукэпул (<тоука) ‘собаки’, лошкэпул (<лошка) ‘ложки’, шахалапул ‘лисы’, эмдьэпул (<эмдьэ) младшие братья, младшие сестры, андьэпул (<андьэ) ‘глаза’, чамдьэпул (<чамдьэ) ‘весла’, мидэдьэпул (<мидэдьэ) ‘иглы’, унумэпул (<унумэ) ‘уши’, хоробопул (<хоробо) ‘коровы’, чоҕойопул ‘ножи’, нибойопул ‘лабазы’, ироҕодьэпул ‘варежки’, моноҕопул (<моноҕо) ‘бараны’, ибоҕопул (<ибоҕо) ‘спины’, пондопул (<пондо) ‘деньги’, шоромопул ‘люди’, игэйэпул (<игэйэ) ‘веревки’, ‘ремни’, йооуйэпул (<йооуйэ) ‘сети’, арауйэпул (<арауйэ) ‘линки’, йонсэпул ‘колокольчики’, эмдьэпул ‘младшие братья’, володэпул ‘призы’, иэручэпул ‘охотники’, чупчэпул ‘чукчи’, льэмльэпул ‘начальники’, лукунбурэбэпул ‘земли’, чайлэпул ‘дни’, льуорэйльэпул ‘играющие’ и др.

Е. А. Крейнович указал ряд основообразующих суффиксов, характеризующих распределение двух (типов) классов первичных основ. Он приводит следующую таблицу [9].

Таблица 1

Основообразующие суффиксы распределения двух классов первичных основ

Показатель	Тундр.		Колым.	
	I класс	II класс	I класс	II класс
Множественное число	-пэ	-п- -пул	-пэ	-п-, -пул
Комитатив	-ньэ-й	-ньи-~-н-	-ньэ	-нь-~-н-
Увеличительная форма	-тэгэ-н	-ткэ-н	-тэгэ	-ткэ
Интранзитивность				
Недавнее приобретение предмета	-рэ- ~-дэ	-р-	-дэ-	-дэ~-т-
Транзитивность				
Снабжение кого-либо предметом	-тэ-	-с-	-тэ-	-ш-
Давнее обладание предметом	-ньэ-	-нь-	-ньэ-	-нь-

В данной таблице довольно точно и правильно представлено распределение двух классов первичных основ, которое необходимо для анализа юкагирского языка.

Суффиксы I класса образуют вторичные основы с открытым слогом, а суффиксы II класса – вторичные основы с закрытым слогом. Суффиксы I класса примыкают к первичной основе в качестве самостоятельного слога, а суффиксы II класса могут соединяться с конечным слогом первичной основы в слог, например: му|рэ|-тэ|гэ ‘большие торбаза’, но ака|сьэт|кэ ‘большой домашний олень’; му|рэ|-ньэ|й-э «большие торбаза имею я», но аа|сьэн|-дьэ «большого оленя имею я».

Некоторые производные непереходные глаголы образуются от имен существительных с помощью конверсии: тибоj ‘идет дождь’ (тибо ‘дождь’). Большинство производных непереходных глаголов образуется от основ имен существительных посредством основообразующих суффиксов: от основ имен существительных I класса – при помощи основообразующего суффикса -дэ- (лэпудэj ‘течет кровь’ – лэпул ‘кровь’), а от основ имен существительных II класса – при помощи основообразующих суффиксов -д-, -т- (иргуди, иргутл’эл ‘продырявилось’ – иргу, иругу ‘дыра’) и др. Непереходные глаголы с основами I класса на -дэ- и -н’э- и непереходные глаголы с основами II класса на -д-, -т- и -н’-, -н- имеют разные формы спряжения. Переходные глаголы также делятся на непроизводные и производные. Некоторые производные переходные глаголы имеют общую основу с именами существительными.

Г. Н. Курилов отмечает, что в юкагирском языке исходной формой глагола является его основа, которая вычленяется из отдельных словоформ с большим трудом. Для выделения основы глагола необходимо проделать следующую операцию: сначала глагольное слово ставится в форме повелительного наклонения (его показатель – суффикс -к), затем из этого образования убирается суффикс -к и оставшаяся часть считается основой данного глагола. Например:

1) мэр аавэй ‘спит он’ 2) аавэк ‘спи’ 3) аавэ=

1) мэкэвэч ‘ушел он’ 2) кэвэйк ‘уходи’ 3) кэвэй=

1) мэхудуонь ‘лежит он’ 2) худуолк ‘лежи’ 3) худуол=

Из приведенных примеров мы можем видеть, что глагол аавэй ‘спит’ имеет основу аавэ= ‘спать’, глагол кэвэч ‘ушел’ – основу кэвэй= ‘уходить’, глагол худуонь ‘лежит’ – основу худуол= ‘лежать’ [10].

В русском языке глагол, как правило, имеет две формообразующие основы, от которых образуются все глагольные формы: это основа инфинитива и основа настоящего времени [11].

Два класса глагольных основ с показателями -сэм и -сум

В фундаментальном труде «Исследования и материалы по юкагирскому языку» Е. А. Крейнович впервые сделал глубокий анализ грамматики двух диалектов юкагирского языка. Он писал, что одной из сложных проблем истории юкагирского языка является проблема глагольности и предикатности и что в юкагирском языке отсутствуют вспомогательные глаголы «быть», «стать», «иметь», которые в русском и западноевропейских языках участвуют в образовании именных составных сказуемых. Роль вспомогательных глаголов выполняют суффиксы -*нол*- (Е. А. Крейнович неправильно выделил *но*-, а суффикс спрягается по модели *худуол*- ‘лечь’ см. стр.), передающий «быть», *нола*- – ‘стать’, по-видимому, суффикс начинательного действия (инхоатив), -*н’э*- – ‘иметь’. Е. А. Крейнович считает, что нет никаких оснований утверждать, что данные суффиксы по своему происхождению восходят к вспомогательным глаголам. От имен существительных посредством указанных суффиксов образуются новые основы, например: *амано*- ‘быть отцом’, *аманола*- ‘стать отцом’, *аман’э* ‘иметь отца’. Эти основы нельзя отождествлять с предикативными формами имен типа *амал’эн* (*тэн амал’эн* ‘это отец’), лишенными способности спрягаться.

Что касается вышеуказанных основ, то они спрягаются, и их следует относить к разряду глаголов. Вследствие этого в непереходном глаголе юкагирского языка приходится выделять следующие разряды: собственно непереходный глагол, предметный непереходный глагол, качественный непереходный глагол и количественный непереходный глагол [4].

Е. А. Крейнович отмечает, что в юкагирском языке формы процессива передают процессуальные, качественные и количественные признаки. Процессив имеет грамматические категории непереходности–переходности, способа действия, залога, наклонения, времени, лица и числа. Процессивные формы делятся на предикативные, зависящие от падающего на них логического ударения, деепричастные и определительные. Непереходные глаголы делятся на непроизводные и производные.

В. И. Иохельсон, Е. А. Крейнович и Г. Н. Курилов недостаточно описали употребление показателей -сэм и -сум. Наиболее последовательно его описал Е. А. Крейнович. Он точно так же, аналогично именам существительным рассматривает глагольные основы и вводит два класса глагольных основ. Анализ материалов показал, что глаголы с суффиксами -сэм – аналог I класса (по Е. А. Крейновичу) и -сум – аналог II класса (по Е. А. Крейновичу). Основы на -сэм будем называть «слабой» основой, а -сум назовем «сильной» основой.

Далее мы рассмотрим продуктивные случаи противопоставления двух классов глаголов -сэм и -сум, которые соответствуют показателям множественного числа -пэ и -пул имен существительных, которые распределяются на два класса именных основ (табл. 2).

Глаголы со «слабой» основой на -сэм:

Основы глаголов, требующих образования каузативов при помощи показателя -сэм, будем называть глаголами со «слабой основой». Вторичные каузативные основы с -сэм могут быть образованы, во-первых, от имен существительных, во-вторых, от глагольных основ, и, в-третьих, от сложных глагольных основ с хорошо вычленяемым показателем аспектов однократного, многократного действия (вида), длительности, интенсива и т. д. Далее более детально рассмотрим каждые виды основ на -сэм.

Таблица 2

Противопоставление двух классов глаголов с показателями -сэм и -сум

гласные	-сэм		-сум	
	простые глаголы	сложные глаголы	простые глаголы	сложные глаголы
а	-	-	+	+
э	2 раза	-	+	+
и	+	-	-	+
о	2 раза	-	1 раз	+
у	1 раз	-	2 раза	+
ө	-	-	-	-
аа	+	+	2 раза	-
иэ	+	+	2 раза	3 раза
ии	+	+	-	1 раз
уо	+	-	-	-
уө	1 раз	-	-	1 раз
уу	2 раза	+	-	1 раз

Глаголы, образованные от имен существительных, имеющих показатель -сэм: Саа-сэм ‘класть палочку в котел’ [9]. *Мэдьиэдаҕанэ, мэр атсаасэйтаӈмэтаньмил. – Когда поймаем, привязали бы колодку тому моему ездовому.* Пример показывает, что данный глагол образован от имени существительного *саал* ‘палка, дерево’; папаа-сэм побуд. ‘помочиться’ [9] – может быть отглагольным, т. к. есть папаа- (3 л. мэ папай; папаал), непереходным ‘помочиться’. *Чамадалдьэмархилькивэрэдьуолпурэпапаасэӈудаҕа, лачилпэгипулгэйтэй. – Когда дадут царевне помочиться на стружке, огонь загорится.*

Глаголы на -сэм, образованные от глагольных основ

Простые глагольные основы с показателем -сэм, (не имеющие никаких других показателей, когда сразу после основы глагола следует суффикс -сэм): маа-сэм – ‘ждать’, побуд. ‘заставить кого-что-л. подождать’ [12, с. 230]. *Маархансукунмэмаасэт. – Одну зиму заставлю подождать;* убаа-сэм – побуд. ‘поцеловать’ [9]. *Эльинмэтхайчиэпиэньубаасэн. – Сначала дала себя целовать деду и бабушке [по мужу];* мира-сэм – ‘ходить’, побуд. ‘идти’ [12, с. 242]. *Тудэйлэдэ мэр аньмэй, йоходилэҕа, митханэтанмэмирасэм. – Сидит сам на лошади, а нас заставил идти пешком;* сава-сэм – ‘делить’, ‘разделить’ [12, с. 419]. *Хойниимэалҕансавасэтэм. – Мать-богиня пусть уделит [добро];* сара-сэм – ‘сосватать’ [12]. *Хадьимэсарасэна. – Вот сосватали;* аҕай – сэм – побуд. ‘коснуться’ [12, с. 23]. *Ахунльэи тэт пуойэаҕайсэк, тааткиӈдигирэ. – Ну хотя бы дай прикоснуться к щеке, если так брезгуешь;* идьэй-сэм – побуд. ‘сравнить’, ‘измерить’ [12, с. 85]. *Митугурчэпэидьэйсэҕа, мидьэккинльэчамуолэл. – Давай ноги свои дадим сравнить, у кого больше;* йэдэй-сэм – побуд. ‘появиться’ [12, с. 144]. *Туӈилийэамучэчайлэлэ элйэдэйсэ. – Этот ветер не принес хорошего, ясного дня.*

Глаголы, образованные от сложных основ (с хорошо вычленяемым показателем), которые требуют -сэм: ама-хаа-сэм – ‘стать хорошим’, ‘улучшиться’; ‘вылечивать’. *Көдэн эл амахаасаанунмэк? – Мэр*амахаасаанунун. – Вылечиваешь (больного) человека? – Вылечиваю. Валь-дьа-хаа-сэм – ‘скиснуть’, побуд. ‘заставить скиснуть’. *Йуодаҕанэ, тунхолодильниклэуудэкйоӈдичиртитэамдурвальдьахаасэна. – Кажется, все время открывая этот холодильник, так быстро дали скиснуть;* ньаарчэ-хаа-сэм – ‘быть плохим’, ‘сделать плохим’, ‘ухудшиться’. *Нэмэлэӈэвльэтэл! ньаарчэхаасэдаҕанэнӈнэмэӈдьиивээвльэт! – Все можно ожидать! Ничего удивительного не бывает, если даже ухудшить* (состояние здоровья) [12].

При помощи аффикса -хаа образуются глаголы со значением «обрести какое-либо качество или признак», «перейти из одного состояния в другое».

йоӈо-нь-аа-сэм – ‘обидеться’, ‘сердиться’, ‘вынудить рассердиться’ [12, с. 124]. *Хан ируу*ҕ*аталҕуолдэлэккэлуунундьэмуттинэ, амаайоӈоньаасэллэк, халдэйрэлэк. – Отца доведя до гнева, убегали [вы] и, прятавшись [долго] в невидимом месте, приходили [вы]. В данном примере суффикс -аа- обозначает начинательное действие;* эньиэ-дьи-сэм- ‘просить’, побуд. ‘заставить просить’ [12, с. 603]. *Этуо, кукуттэгэҕанэахунмаархадьэн мэр эньидьиэсэна! - О, черта препротивного хоть один раз заставили умолять (просить)!*

Производные основы с аффиксом -дьии, -рии обозначают, что глаголом действие совершилось несколько раз или многократно: маа-йии-сэм – ‘ждать’, побуд. ‘заставить ждать’. *Хаалаҕа, хуодэнкөдэнтаатиитнэнмаайиисаанунмэк?! – Ужас, как это так долго заставляешь человека ждать тебя?* Йоӈ-нии-сэм – ‘держать открытым’, побуд. ‘заставить держать открытым’. *Сэспээл йоннииисэльэк, ханьҕа! – Не позволяй держать дверь открытой, холодно!* [12].

Производные основы переходных глаголов с аффиксом -ии передают значение действия или процесса, доведенных до степени динамического постоянства на некоторое время, например: амди-чии-сэм – ‘заторопиться’, побуд. ‘заставить заспешить’ [12, с. 41]. *Амутнэнлэвдэллэк, чаайлаврэлэккэвэйтэйчиилэсукиньамдичиисаальэлум. – Людей,*

которые, спокойно поев, попив, вышли бы, попусту заставил спешить[он]. аримэ-счии-сэм – ‘подшивать подошву’, побуд. ‘заставить подшить подошву’ [12]. *Мол мэтэйлэкалҕанньиэдьиччэҥ. Анмин мэр аримэсчиисэт. – Ну ладно, сама поговорю с ним. Все равно заставлю подшить подошву (к унтам).*

Обобщенное значение образований с аффиксом -чии- близко к значению переходных глаголов на -йии, которое можно перевести как ‘дать возможность кому-чему-л. подвергнуться действию, обозначенному производящей основой’, например: иэруу-сэм – ‘охотиться’, побуд. ‘заставить охотиться’. *Иэруусэнудаҕанэ, хуодиитэм, мэр иэруучэтчэҥ. – Если заставят охотиться, что ж поделаю, пойду охотиться;* йөкуу-сэм – ‘удалиться далеко’; ‘удалить’, ‘унести’. *Туҥ тэт амунпэнимэпудилиэтй өкуусэтханэҥ. – Кости эти унесешь подальше от дома;* йэрэг-уу-сэм – ‘смешивать’. *Сабурханонҕаҕанэнуолэкйэрэгуусныннa. – Измельченный листовой табак смешивают с черной массой из мундштука* [12].

Аффикс -дьаа/-дьиэ- восходит к двум аффиксам -дьи- и -аа/иэ-. Его можно определить как показатель формы начинательного вида многократно повторяющегося действия: көчэ-гэй-сэм – ‘бросаться с места вскачь’, побуд. ‘заставить появиться стремительно’ [12, с. 165]. *Таҥункиэйиэ, ин ньориллавйэкөчэгэйсэрэҥ,игирэмулэноҥиэнунул. – Перед этим, как только появится вода равнинных луж, носим игирэмул [весенняя обувь].*

Аффикс -гэй образует основы со значением завершенности действия или процесса. Он состоит из двух отдельных аффиксов -гэ- и -й. Аффикс -й имеет значение моментальности действия и присоединяется к производным основам на -гэ, - га, -рэ, -сэ и т. д.: пил-ээй-сэм – ‘вытереть’, побуд. ‘заставить вытереть’ [12, с. 374]. *Идьиээл пилээйсэт, энгэнэҥ, пугуотэй. – Сейчас она (лампа) не даст вытереть (себя), чересчур будет горячей;* вача-ҕай-сэм – ‘разинуться’, ‘перешагнуть’, побуд. ‘заставить разинуться’, ‘заставить перешагнуть’ [12, с. 69]. *Адуҥуоэл вачаҕайсэльэкадуҥхайльбурэн – ньоҕодаҕильҕаулгэльэбуолаатэй. – Не дав ребенку перешагнуть через камень – в постели начнет испускать (мочу).*

На завершение предельного действия и процесса в момент речи указывает аффикс -ҕай (-ҕой), как и аффикс –гэй: поно-сэй-сэм – ‘отделиться’, побуд. ‘заставить отделиться’. *Тэн Тит мэдьуолуол-моравмааруолҕатаҥОконуорэньиэтитхайчиэҕанэпоносэйсаал ьэлум» – моннунихайчиэЛуохаа. – Дед Луоха говорил: «Мать Оконуора вашего деда заставила отделиться, на ваше счастье (родиться)»;* уму-сэй-сэм – ‘закрыть’, побуд. ‘заставить закрыть’. *Тиэнкөдэтудэпуолэкхэ мэр умусэйсэм. – Вон тот человек велел закрыть перед своего полога* [12].

Глаголы с «сильной» основой на -сум

Ниже будут рассмотрены глаголы, образованные при помощи показателя -сум, которые будут являться «сильными основами» («+»). Подача материала аналогична модели основ глаголов, требующих -сэм.

Глаголы, образованные от имен существительных, имеющие показатель -сум

Йарха-сум – от имени существительного *йарха* – лед, «накрошить лед» [12, с. 117]. *Чайникйархастэлэкмэсэвльэнь (таҥэлдууньэйсааннимэҕа). – Наполнив чайник льдом, вошел (в тот пустой дом); йуора-сум* – от имени существительного *йуора* – игра, побуд. ‘заставить играть’ [12, с. 138]. *Таннимэҕаэньиэгиэл йуораснун, сукунэхуйаатэммонур. – А мать (его) не дает играть, опасаясь, что вещи истопчет, разбросает.*

Продуктивным словообразовательным аффиксом в юкагирском языке является аффикс -льэ, но в данных примерах он является корневой основой, т. к. в юкагирском языке нет слов солҕо, улгэ, хаа, например: альаайэ-сум – от имени существительного альаайэ – печень, «протирать печенью» [12, с. 36]. *Тэт савэ мэр альаайэсмэк? – Шкуру свою протер печенью?* йөмгийэ-сум – от имени существительного йөмгийэ ‘бахрома’, ‘пришить бахрому’ [12, с. 128]. *Мэйөмгийэсум – йөмгийэлэҥпандэмэҥмончэлэн. Пришить бахрому – означает ‘вставить бахрому’.*

Глаголы на -сум, образованные от глагольных основ

Простые глагольные основы: альаа-сум – ‘таять’, ‘растопить (снег)’. Ваавэчэпулсукунэмонӈи «мэр идьирэальаастэм». – Русские об этом годе говорят, что быстро растопит (снег); мараа-сум – ‘одеться’, ‘одеть’. Апаналаамонуолэкньаавэйта мбакаалэкмараасӈа. – Как и сказала старуха, надели новый комбинезон; айаӈа-сум – ‘сдираться’, ‘содрать’. Лавлвальтаӈондаатэрэлэайаӈаснульэлӈудэӈа! – Освежевали бы лучше ондатру вместо питья (водки)!; вачаӈа-сум – ‘разинуться’, ‘раскрыть’, ‘разинуть’ [12]. Хуодиирвачаӈасмэк, ат эл вачаӈасчиийэӈ. – Зачем позволяешь раскрыть (пасть), не позволил бы.

Сюда следует отнести случай со сложной глагольной основой (с трудно вычленяемым словообразовательным аффиксом) пан-аа-сум – ‘завариться (о чае)’, ‘заварить чай’ [12, с. 365].

Глаголы, образованные от сложных основ (с хорошо вычленяемым показателем), которые требуют -сум

Пал-аа-сум – ‘сняться’, ‘развязаться (о привязи)’, ‘снять’, ‘стащить’. Тудэлмэмооймтудэлаамэдуоӈанэ, игийэдаӈанэйуодаӈанпалаастэлэк, мэкөчидьиснум. – Она держала свою собаку, дергающуюся, сняв ошейник через (ее) голову; понь-аа-сум- ‘остаться’, ‘оставить’. Мэтйуодьуолӈолатпоньаасуӈ. – Оставил бы на память; тэтчиэ-ӈол-аа-сум – ‘стать богатым’, ‘обогащать’. Көдэд-эврэлтитханэмэтэтчиэӈолаасэтэм. – Приход гостей (посещение людей) вас делает богатым (поэтому приходу людей к вам всегда радуетесь); эв-дьии-рэ-сум – ‘понять, догадаться о том, что кому-либо осталось жить немного’, побуд. ‘дать понять, что кто-то умрет’ [12]. Даша Черскайинь кэвийиэдаӈа өчиэдиэтудэкэдэлэӈанэДашиэнь мэр эвдиирэсум. – Когда Даша собралась в поселок Черский, дядя дал ей понять, что ему недолго осталось жить.

Производные основы с аффиксом -тэ передают значение завершенности действия или процесса, приводящего к каким-либо физическим, психологическим, пространственным и т. д. изменениям объекта (в широком понимании) действия: аат-тэ-сум – ‘остановить’, ‘останавливать’ [12, с. 21]. Митханэ, кэвэйтэйчииӈанэ, мэхуодиирйавнуоааттэсӈа. – Нас, людей, которые должны были уехать, почему-то всех постанавливали; аӈи-тэ-сум – ‘спрятать’, побуд. ‘заставить спрятать’ [12, с. 28]. Ханьинэгэ, ах пэлдудиэгиванчидаӈааӈ итэсльэлтэм. – Конечно, заставила спрятать, должно быть, оттого, что все время просил ее муж; вальи-тэ-сум – ‘платить’, побуд. ‘заставить платить’. Хандьэлэмит лачилӈанэ тудиньмэвальитэсӈа. – За дрова на зиму ему заставили платить; наӈа-тэ-сум – ‘упасть’, побуд. ‘заставить упасть’. Пөриндэрмэнаӈатэсум. – Лягнув, заставил упасть; өгэ-тэ-сум – ‘поставить’, побуд. ‘заставить поставить’. Тэн чуольэаӈуолуодаӈаөгэтэс льэлӈудаӈамэтэйлэдэӈмэтнимэатвиэӈ. – Я бы и сама поставила (ярангу), если бы позволили поставить на прежнем месте; пахуль-тэ-сум – ‘застегнуть пуговицы’, побуд. ‘заставить застегнуть пуговицы’. Ичуок, сатана, ваайтудэмаӈилӈанээл пахультэсчуонпукирэч! – Смотри, сатана, опять выскочил (он), не дав застегнуть пуговицы пальто; пэт-тэ-сум – ‘ехать’, ‘пустив рысью’. Пэттэсу-ум! – Едет, пустив [коня] рысцой!; эйи-тэ-сум – ‘поймать’, побуд. ‘заставить попасть во что-либо’. Таатльэрэл эйитэсльэл. – Потом (он) не позволил избрать ее (т. е. не позволил попасть в делегаты); йуку-му-сум – ‘уменьшиться’, ‘уменьшить’. Тадаатэльиэ, хадьираа, йукумусхантудэлавйӈанэ. – А потом хватит, пусть уменьшит (сделает редким) употребление зелья; лайа-му-сум – ‘остаться’, ‘сделать так, чтобы осталось от чего-л.’. Мэтваайтитиньмэлайамусут. – Я тоже сделаю так, чтобы для вас оставили (чира в погребе); лугу-му-сум- ‘постареть’, ‘состарить’. Көнмэгөдэӈанэварайнэӈньаав эмулльэлдьэмонильэгилугумуснунул. – Некоторых людей старят быстро поседевшие волосы; пугоча-му-сум – ‘стать легче’, ‘облегчить, сделать легким’. Йугуллаӈандьэ ньуӈурдоӈойгимэпугочамус-моримэк. – Придется тебе сделать легкой правую суму (о сумах, лежащих через седло); пукульу-му-сум – ‘быть мягким’, ‘сделать мягким’

[8, 395]. Чуолэпукульумусулҥиньлачилҕамоойнуннa. – Железо в огне держать для того, чтобы сделать его плавким; пойу-му-сум – ‘увеличиться’, ‘увеличить’. Виэн чии илэмэннуртаатпойумусум-даҕи. – Забрав оленей других стад (здесь: людей), так увеличил, должно быть, (численность своего стада); чэв-ну-сум – ‘чихать’, побуд. ‘заставить чихать’. Пэрэн! Эл чэвнусльэкуоҥ? – Прочь! Не заставляй чихать ребенка; чаврэ-му-сум – ‘быть узким’, ‘делать узким’. Тудэтуурииалбэврэҕанээн гэнэҥчаврэмульэлум. – Слишком узким, тесным сделал, оказывается, низ своих штанов; чаму-му-сум – ‘вырасти’, ‘растить ребенка’. Таҥуолэваайтудэкэдэлҕачаму мусха. – И ребенка пусть у себя растит; чэкчэ-му-сум – «стать искусным, умелым», «сделать изобретательно ловко, искусным, умелым». Аруугичакчэндьэгөдэмаархад-аруутаатчэкчэмуснунмэлэ. – Человек с образным языком, так искусно (умело) видоизменяя, употребляет одно слово; чуорху-му-сум – «стать твердым», «делать твердым» [12]. Тэн мэтчоҕойэчуомэмуньуонь, чуорхумуск. – Железо моего ножа очень мягкое, сделай твердым (твердой закалки).

Показателем многократного вида (или способа действия) является аффикс -йи-, который означает, что обозначенное глаголом действие совершилось несколько раз или многократно: саҕуо-йи-сум – ‘потеряться’, побуд. ‘заставить плутать’ [8, 424]. Амутнэнмитулсаҕуойисмэк, туҥнимэлэ эл курильиийэ чии, нэмэчунурмитэйлэкнуутуок! – Ну, и заставил ты нас плутать (по городу), как это мы сами найдем (твой дом), не умея читать!; ик-чи-сум – ‘привязывать’, побуд. ‘заставить привязать’. Пуньуотэйилэ мэр эйуокэгурчиильэнь, лаамэпэлэтаатльэрикчисна. – Олени для забоя подошли близко (к поселку), собак поэтому заставили привязывать [12].

В рассмотренных примерах не трудно заметить количество примеров с суффиксом -сум, которое преобладает над количеством примеров с суффиксом -сэм. По-видимому, это связано с тем, что часть глаголов, требующих -сэм, перешла к глаголам с показателем -сум.

В случаях глагольных основ встречаются два класса производящих основ, которые характеризуются разными конечными гласными.

Приведенные примеры показывают, что основы на согласный -й- принимают всегда -сэм, на -сум не отмечено. Нет основ -сэм на краткие гласные -а, -ө. Основы на -сэм имеют в основном долгие гласные, из кратких гласных основ для -сэм представлен только -и.

Заключение

Анализ примеров показал, что показатель -сэм принимает позицию после продуктивных суффиксов с долгими гласными в конце: -ии-/-иэ- (показатель начинательного вида действия); -уо- (показатель страдательного залога); -аа- (показатель начинательного вида действия).

Простые глагольные основы с краткими гласными -а-, -э- имеют показатель -сум. Сложные глагольные основы с этими гласными требуют показатель -сум. Простые глагольные основы с кратким гласным -и- требуют -сэм (как будто это ий-сэм), но сложные глагольные основы на -и- имеют закономерно -сум. Сложные глагольные основы на краткие гласные -о-, -у- имеют закономерно -сум, среди простых глагольных основ на -о-, -у- отмечены как -сэм, так и -сум. Простые глагольные основы на долгие гласные имеют -сэм, но встретились два исключения на -сум. Сложные глагольные основы с долгими гласными, как правило, имеют показатель -сэм, случаи с показателем -сум зафиксированы только три раза.

Литература

1. Современный русский литературный язык. Учебник / Под ред. П. А. Леканта. – М.: Высшая школа, 2009. – 766 с.

2. Атласова Э. С. Спряжение непереходных глаголов в юкагирском языке // Сохранение

традиционной культуры коренных малочисленных народов Севера и проблема устойчивого развития. Сборник научных трудов / Отв. Ред. Е. И. Ромбандеева, Т. Г. Харамзин. – М.: Научно-исследовательский институт угроведения при поддержке Ханты-Мансийского автономного округа, 2004. – С. 281-285.

3. Иохельсон В. И. Одульский (юкагирский) язык // Языки и письменность народов Севера. – 1934. – ч. III. – С. 149 -180.

4. Крейнович Е. А. Об изучении юкагирского языка // Вопросы языкознания. – 1957. – № 5. – С. 104-108.

5. Современный русский литературный язык. Учебник / Под ред.В. А. Белошапковой. – М., 2011. – 925 с.

6. Атласова Э. С. Verbalaspectintheyukagirlanguage. // Научные исследования и их практическое применение. Современное состояние и пути развития. – Одесса, 2012. – С. 4-7.

7. Атласова Э. С. Twoclassesofnounsintheyukagirlanguage. // Профессиональное лигнвообразование: материалы шестой международной научно-практической конференции. – Нижний Новгород: НИУ РАНХиГС, 2012. – С. 24-26.

8. Крейнович Е. А. Юкагирский язык. – Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – 287 с.

9. Крейнович Е. А. Исследования и материалы по юкагирскому языку. – Л., 1982. – 304 с.

10. Курилов Г. Н. Юкагирско-русский словарь. – Якутск, 2001. – 606 с.

11. Осипова Л. И. Морфология современного русского языка. – М.: Академия, 2010. – 192 с.

12. Курилов Г. Н. Современный юкагирский язык. – Якутск, 2006. – 278 с.

References

1. Sovremennyj russkij literaturnyj yazyk. Uchebnik / Pod red. P. A. Lekanta. – M.: Vysshaya shkola, 2009. – 766 s.

2. Atlasova E. S. Spryazhenie neperekhodnyh glagolov v yukagirskom yazyke // Sohranenie tradicionnoj kul'tury korennyh malochislennyh narodov Severa i problema ustojchivogo razvitiya. Sbornik nauchnyh trudov / Otv. Red. E. I. Rombandeeva, T. G. Haramzin. – M.: Nauchno-issledovatel'skij institut ugrovedeniya pri podderzhke Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga, 2004. – S. 281-285.

3. Iohel'son V. I. Odul'skij (yukagirskij) yazyk // YAzyki i pis'mennost' narodov Severa. – 1934. – ch. III. – S. 149 -180.

4. Krejnovich E. A. Ob izuchenii yukagirskogo yazyka // Voprosy yazykoznaniya. – 1957. – № 5. – S. 104-108.

5. Sovremennyj russkij literaturnyj yazyk. Uchebnik / Pod red.V. A. Beloshapkovoj. – M., 2011. – 925 s.

6. Atlasova E. S. Verbalaspectintheyukagirlanguage. // Nauchnye issledovaniya i ih prakticheskoe primenenie. Sovremennoe sostoyanie i puti razvitiya. – Odessa, 2012. – S. 4-7.

7. Atlasova E. S. Twoclassesofnounsintheyukagirlanguage. // Professional'noe lignvoobrazovanie: materialy shestoj mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. – Nizhnij Novgorod: NIU RANHiGS, 2012. – S. 24-26.

8. Krejnovich E. A. YUkagirskij yazyk. – L.: Izd-vo AN SSSR, 1958. – 287 s.

9. Krejnovich E. A. Issledovaniya i materialy po yukagirskomu yazyku. – L., 1982. – 304 s.

10. Kurilov G. N. YUkagirsko-russkij slovar'. – YAkutsk, 2001. – 606 s.

11. Osipova L. I. Morfologiya sovremennogo russkogo yazyka. – M.: Akademiya, 2010. – 192 s.

12. Kurilov G. N. Sovremennyj yukagirskij yazyk. – YAkutsk, 2006. – 278 s.

УДК 821.343.06

С. Н. Барашкова, Ф. Ф. Желобцов

Литературно-художественный контент нобелевских лекций писателей России и Китая: А. Солженицына и Гао Синцзяна

СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. Актуальность темы статьи обусловлена художественной, публицистической и личностной ценностью нобелевских лекций русского писателя Александра Солженицына и китайского прозаика Гао Синцзяна. Оценка литературной критикой исследований данного творческого наследия не выходит за рамки констатации исторического факта, когда исследование строится на анализе речи конкретного писателя, например, А. Солженицына. Цель заключается в том, что авторы статьи сопоставляют нобелевские лекции писателей, представляющих литературу и культуру разных стран в соответствии с современными геополитическими взаимоотношениями стран-соседей. Содержательно ставятся следующие задачи: выявить отношение нобелиантов, во-первых, к вопросу об ответственности художника, во-вторых, к роли литературы в духовном воспитании общества, в-третьих, к проблеме автора и героя. Новизна авторского видения проблемы в данной статье подчеркивается использованием метода сопоставления текстов, прочитанных писателями в разное время и отличающихся традициями русской и китайской литератур. Результатом анализа является выявление общего в творческих кредо писателей, в единении и понимании гуманистического характера художественного творчества. Соотнесение личностных позиций русского и китайского прозаиков позволяет сделать выводы также о самобытности и их авторской индивидуальности. Итоги статьи открывают перспективы сравнительного исследования наследия лауреатов нобелевской премии в литературно-художественном плане. В прикладном аспекте функциональны разработки мультимедийных проектов, презентаций, как по истории литературы, так и по страноведению.

Ключевые слова: нобелевская лекция, А. И. Солженицын, Гао Синцзян, гуманизм, творческий манифест, поэтика, герой, композиция, сюжет, сопоставительный анализ.

DOI 10.25587/SVFU.2020.75.55413

БАРАШКОВА Светлана Николаевна – к. филол. н., доцент кафедры восточных языков и страноведения Института зарубежной филологии и регионоведения СВФУ им. М.К. Аммосова.

E-mail: beta-sigma-no@mail.ru

BARASHKOVA Svetlana Nikolaevna – Candidate of Philology, Associate Professor of Department Oriental languages and Regional Studies of Institute Foreign Philology and Regional Studies of M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

ЖЕЛОБЦОВ Федот Федотович – доцент кафедры восточных языков и страноведения Института зарубежной филологии и регионоведения СВФУ им. М.К. Аммосова.

ZHELOBTSOV Fedot Fedotovich – Associate Professor of Department Oriental languages and Regional Studies of Institute Foreign Philology and Regional Studies, of M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

S. N. Barashkova, F. F. Zhelobtsov

The Literary-Artistic Content of the Nobel Lectures by Russian and Chinese Writers: A. Solzhenitsyn and Gao Xingjian3

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. The relevance of the article is due to the artistic, publicistic and personal value of the Nobel lectures by a Russian writer Alexander Solzhenitsyn and a Chinese novelist Gao Xingjian. Given that the analysis of style of Solzhenitsyn's speech patterns has been constrained in literary criticism. It is the purpose of the article to compare the Nobel lectures of the writers representing different literatures and cultures. In accordance with the contemporary geopolitical relationship between neighboring countries, the current research objectives are to identify the attitude of the Nobel laureates towards the issue of the writer's responsibility, towards the significance of literature in the spiritual education of society, towards the issue of the author and the main character. The originality of the issue framed in the article is emphasized by applying the comparative textual analysis of the speeches made by the writers, the representatives of Russian and Chinese literature, at different times. The results of the analysis are the identification of common features in the writers' artistic creed, revealing their unity and comprehension of the humanistic nature of artistic creativity. The correlation between the personal positions of the Russian and Chinese novelists enables to conclude about the writers' originality and individuality. The article offers new challenges to conduct comparative research of creative writing legacy of the Nobel laureates from historical and theoretical points of view. In the applied aspect, multimedia project development in teaching literature and national studies is of considerable practical importance.

Keywords: Nobel lecture, A. I. Solzhenitsyn, Gao Xingjian, humanism, creative appeal, poetics, hero, plot, composition, comparative analysis.

Введение

Художественные стратегии литературоведения рубежа XX-XXI вв. актуализируют сравнение публицистического материала и художественных произведений писателей-нобелиантов. Расширение трансграничного культурного пространства России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона определяют новые задачи литературоведения. Актуальность сопоставительного анализа прозы классика русской литературы 20 века Александра Исаевича Солженицына и китайского прозаика Гао Синцзяна обосновывается востребованностью их произведений литературной критикой и читателем XXI века. В междисциплинарном контенте особенно функциональна гуманистическая тема, позволяющая выявить в художественно-эстетических поисках обоих авторов, роль писателя в обществе. Предметом анализа стали «Нобелевская лекция» А. И. Солженицына (1970) и нобелевская лекция Гао Синцзяна «У человечества есть не одна только история, ему также дарована литература» (2000). Уточним, формулировка Нобелевского комитета выявляет природу традиции русской литературы, заключающуюся в реалистическую изображении жизни, что также присутствует в творчестве китайского прозаика. Творчеству А. И. Солженицына была дана высокая оценка «За нравственную силу, почерпнутую в традиции великой русской литературы», а Гао Синьцзянь – «За произведения, отмеченные универсальным отображением действительности и лингвистическим мастерством».

Обзор исследований на избранную тему выявил отсутствие сравнительного анализа лекций лауреатов нобелевской премии по литературе. Новый исследовательский ракурс

данной статьи заключается в выборе имен и лекций нобелиантов. Имеющиеся работы носят биобиблиографический характер [1, 2] или представляют локальное исследование речи конкретного писателя, например, А. Солженицына [3, 4].

Метод и материал

Особенности авторской обработки материала определяются сопоставлением нобелевских лекций, прочитанных писателями в разное время. Классик русской литературы XX в. А. И. Солженицын стал лауреатом Нобелевской премии в 1970 г., а Гао Синцзян – в 2000 г. Исследование ведется с учетом принципиальных изменений, произошедших в мире, что не могло не отразиться на читательском восприятии и оценке творчества писателей, их публицистики литературной критикой. Морально-этическим посылом исследования стали сходные этапы автобиографий, совпавшие с драматическими периодами в истории СССР и КНР. Убедительной мотивацией проблемного аспекта стали также новые отношения между странами-соседями, Россией и Китаем сегодня.

Метод сопоставительного анализа имеет свои преимущества в репрезентации материала, позволяя глубже проникнуть в творческий мир художника, показать его индивидуальность. Завещание Альфреда Нобеля о присуждении премии писателю за «наиболее значительное литературное произведение идеалистической направленности» [5] стало для нас критерием выбора имен писателей-гуманистов.

В статье предпринята попытка ответить на следующие вопросы:

1) определить проблемную цель и тему нобелевских лекций;

2) проследить трансформацию жизненного опыта писателей в формировании суждений о свободе творчества;

3) обобщить художнические декларации о живой энергии традиций национальных литератур, философских истоках духовных ценностей героя-праведника.

Сопоставительный анализ текста нобелевских лекций

Соотнесение материала лекций писателей, хронологически прочитанных с разницей в 30 лет, художественно разноуровневых, личностно не похожих, обосновывается не только автобиографической драмой жизни писателей-эмигрантов, в основе которой лежит их лагерный опыт. Мировоззренчески значимым также является понимание роли художника в обществе. Путь в эмиграцию оказался для них не только выходом из тупиковой для творческого самовыражения ситуации, но и периодом напряженных поисков ответов на социальные, политические и эстетические вопросы искусства. Примечательно, что в своей лекции Гао Синцзян в ряд великих писателей, вынужденно покинувших свою родину, вписывает имя классика русской литературы XX в.: «Оглядываясь на историю как Востока, так и Запада, мы можем увидеть, что так было всегда. Примеров тому много: древний китайский поэт Цюй Юань, Данте, Джойс, Томас Манн, Солженицын и многие китайские интеллектуалы, отправившиеся в изгнание после бойни на площади Тянаньмынь в 1989 г. Такая судьба неизбежно постигает поэта или писателя, желающего отстоять свой собственный голос» [5, с. 101]. Литературоведчески перспективно сопоставление текстов нобелевских лекций А. Солженицына и Гао Синьцзяна, в которых отражается творческий манифест писателей. Поэтому целесообразно обращение к некоторым произведениям, иллюстрирующим основные положения лекций. В исследовании рассматриваются главные позиции писателей-лауреатов, раскрывающие их взгляд на миссию литературы, ее гуманистические идеалы в формировании духовной культуры человека.

Концептуальна перекличка, выявленная в разновременном диалоге художников о тесной связи культурного вектора Восток-Запад. Сопоставление публицистических текстов открывает художническую проницательность А. И. Солженицына: «И спасение человечества только в том, чтобы всем было дело до всего: людям Востока (России, прим. авторов) было бы сплошь небезразлично, что думают на Западе; людям Запада -- сплошь небезразлично, что совершается на Востоке. И художественная литература – из тончайших, отзывчивейших инструментов человеческого существа – одна из первых уже переняла, усвоила, подхватила это чувство

растущего единства человечества» [5, с. 38]. Авторы статьи учитывают культурную востребованность расширения диалога литературы России и стран АТР в рубежной ситуации XXI в.

Трансформация жизненного опыта в художественные образы является каноническим компонентом воплощения авторского замысла в литературный текст. Проза А. Солженицына и Гао Синцзяна пронизана биографическими фактами, историческими событиями, пропущенными через субъективное восприятие, и воспоминаниями о духовных исканиях своего поколения. Одним из важных фрагментов нобелевской лекции А. Солженицына являются рассуждения о значимости в мировоззрении человека собственного жизненного опыта, креативно поддержанные русской пословицей «Не верь брату родному, верь своему глазу кривому». В рассказах, повестях и романах писателя отражаются все этапы жизни от ставропольского детства в крестьянской семье, учебы на физмате Ростовского университета, судьбы лейтенанта войны, награжденного орденом Красной звезды до заключенного ГУЛАГА. Герой повести «Один день Ивана Денисовича» – обычный крестьянин, солдат Великой Отечественной войны, типологизирует человека с судьбой репрессированного поколения. В художественном мире Гао Синцзяна нашли отражения природа Ганьчжоу, горы Лушань, знаменитое Девятиречье – Цзюцзян, мемориал великого поэта древности Тао Юань-мина, а также годы «перевоспитания» в период культурной революции. Гао попал в деревню, где, несмотря на унизительные условия жизни, тайно написал рассказ «Надо непременно выжить». Позднее этот период был описан в повестях «Звезды в холодной ночи» и «Голубок по имени Красный Клюв». Так, роман «Раковый корпус», написанный А. И. Солженицыным в онкологической клинике Ташкента, отсылает к истории создания нобелевского романа «Чудотворные горы» тяжелобольным Гао Синцзяном.

Стремление близко соприкоснуться с природной энергией горного Китая, почерпнуть в древней культуре новые впечатления для своего творчества стало одной из причин путешествия китайского прозаика. Сильной мотивацией была борьба с раком легких и нежелание писателя подчиняться тоталитарной власти. Таким образом, странствие по горам Лушань становится осознанным уходом в добровольное отшельничество, традиционную форму бегства в природу со времен древнего Китая. Эскапизм становится своеобразным жизненным кредо, которое он не раз формулировал в своих эссе, интервью и в нобелевской лекции.

Следует отметить, что писатели не раз будут возвращаться к трагическому опыту жизни. Художественными кульминациями творческого исследования психологии человека в ситуации несвободы, авторского протеста против тоталитаризма стали романы «Архипелаг ГУЛАГ» и «Гора духов». Следовательно принцип автобиографизма, оптимизирующий реальные сюжеты, структурирует также содержание и авторскую композицию публичного выступления лауреатов Нобелевской премии.

Утверждение русского писателя «Не будем попирать права художника выражать исключительно собственные переживания и самонаблюдения, пренебрегая всем, что делается в остальном мире» [5, с. 33], находит своеобразное продолжение в речи Гао Синцзяна: «Если писатель не становится рупором народа и не выступает как олицетворение справедливости, то голос его, разумеется, слаб. Однако именно голос отдельного человека более всего приближается к истине. Именно это я и хотел бы здесь сказать: литература — всего лишь голос отдельного человека, и так было всегда» [5, с. 100]. Авторские формулировки о «голосе отдельного человека» и «право выражать исключительно собственные переживания», по мнению авторов статьи, аналогичны в плане выражения свободы личности.

О роли художника в обществе

Нобелианты в своих выступлениях много внимания уделяют роли художника в обществе, значению его произведений в процессе формирования духовных ценностей человека и морально-этических принципов личности. Так, А. Солженицын сказал прямо и просто: «Одно слово правды весь мир перетянет» [5, с. 40]. Через много лет китайский писатель, говоря о проблеме значимости художнического слова, определил, что: «Для писателя отношения истины и литературы являются этическим проявлением, литературной этикой высочайшего достоинства» [5, с. 111]. «Правда» русского писателя и «Истина» китайского художника равнозначны для читателя и времени. При

этом следует отметить некую однозначность оценки русского писателя, который, протестуя против тоталитаризма, четко определяет место художника-борца. «Кто создаст человечеству единую систему отсчета – для злодеяний и благодеяний, для нетерпимого и терпимого, как они разграничиваются сегодня? Кто прояснит человечеству, что действительно тяжко и невыносимо, а что только поблизости натирает нам кожу, – и направит гнев к тому, что страшней, а не к тому, что ближе? Кто сумел бы перенести такое понимание через рубеж собственного человеческого опыта? Кто сумел бы косному упрямому человеческому существу внушить чужие дальние горе и радость, понимание масштабов и заблуждений, никогда не пережитых им самим? Бессильны тут и пропаганда, и принуждение, и научные доказательства. Но, к счастью, средство такое в мире есть! Это – искусство. Это – литература» [5, с. 31]. Иную позицию в рамках заданной темы занимает Гао Синцзян, который акцентирует особую связь автора и читателя. «Литература не имеет ничего общего с политикой и является исключительно делом писателя как личности. … Писатель не выступает трибуном своего народа, он не заслуживает поклонения. Он и не преступник, и не враг народа. … Однако такая деятельность человека, как литературное творчество, ставит одно неизбежное требование: писатель и читатель должны встречаться по доброй воле. Поэтому у литературы нет никаких обязательств по отношению к массам» [5, с. 106]. Следует выделить, что познавательным является наше наблюдение за логикой размышлений о литературе. Если в нобелевской речи Гао Синцзян упоминал имя А. Солженицына в ряду писателей-изгнанников, то в более позднем интервью он дал свою оценку привязанности русского писателя к локальному историческому времени, критике тоталитаризма, ангажированного страданиями сталинской эпохи, называя себя другим: «Но я не такой. Для меня писатель – творец собственной вселенной. Творю и делюсь с другими» [6].

Природу дискуссионности высказываний о роли литературы, главным образом, следует видеть в национальной ментальности каждого из лауреатов. В протестной позиции А. Солженицына жива вековая традиция русской литературы, обозначенная Л. Н. Толстым как «мысль народная», соединяющая героя и массы воедино. А Гао Синцзян избирает «исход» несогласного с властями китайского художника в отшельничество.

Противоречивыми являются также суждения писателей о философской основе творчества. Интересно интерпретирует Гао Синцзян конфуцианство, считающееся в мире основой китайской культуры. Для него, южанина, ближе «натур-философская школа» даосизма: «Я также считаю, что бурное развитие культуры при династии Хань (III в. до н. э. — III в. н. э.) в значительной степени объяснялось влиянием чуской культуры и даосской мысли. Впоследствии конфуцианское учение стало причиной удушения творческих сил китайской нации» [6]. Содержательность философской выкладки китайского прозаика во многом сформирована под влиянием европейских философов, в числе которых Ницше и Фрейд, а также французских писателей-экзистенциалистов Сартр и Камю. Будучи студентом французского отделения Пекинского института иностранных языков, он был хорошо знаком и с европейской литературой. Потому ответы на сложные вопросы о Бытии он искал в «Фаусте» И. В. Гёте и романах Ф. М. Достоевского после чего приходит к собственному резюме: «Холодно-объективная литература – это литература, которая уходит в изгнание, чтобы выжить, которая не позволяет обществу задушить себя и стремится уцелеть духовно» [5, с. 107]. Опыт сопоставления выявляет при этом близость мысли Гао Синцзяна к философской идее В. Соловьева (Но и в цепях должны свершить мы сами, тот круг, что боги очертили нам [5, с. 28]), которую цитирует А. Солженицын в Стокгольме. Размышляя о роли искусства в духовном воспитании человека, он отсылает к словам Ф. Достоевского «Мир спасет красота», раскрывает для себя суть красоты как создание убедительного в художественном смысле произведения. Примечательно, что гуманистическая мысль классика русской литературы XIX в. близка и понятна китайскому писателю. Ведь Гао Синцзян относился к своим бедам стоически и философски подобно Ф. Достоевскому: «Я не жалею о том, что со мной произошло. Все это принесло пользу, было закалкой для моего будущего творчества. Теперь я не нуждаюсь в том, чтобы кто-то мне говорил, что такое жизнь» [6]. И вспоминал судьбу русского романиста, который продолжал писать в сибирской ссылке. Подытоживая наблюдения, отметим, что находясь

в эмиграции, оба художника не изменили своему творческому предназначению, издали знаковые романы «Архипелаг ГУЛАГ» и «Гора духов», получившие мировое признание.

Особенности поэтики художественных произведений писателей-нобелиантов

Соотносимы истории публикаций первых произведений писателей. Сюжет рассказа «Матренин двор» воспроизводит жизненную историю самого А. Солженицына, работавшего учителем в деревенской школе. Экспозиция произведения знакомит читателя с Матреной Захаровой, квартирантом которой становится герой-рассказчик. Авторское название произведения, опубликованного в «оттепельном» журнале «Новый мир» – «Не стоит село без праведника» концентрирует философскую мысль писателя о национальном русском характере, жизни простой крестьянки, в которой отразилась драматическая судьба страны. Двор Матрены со старым домом, мышами, тараканами, геранью на окне становится символом всей большой России. Матрена – праведница, простая, добрая, совестливая, честна, трудолюбивая и терпеливая как весь народ, перенесший все тяготы русской истории. В поэтике текста открылся талант бытописателя, знатока народного языка, национальных традиций. Автор соединяет художественную преемственность русской литературы с современной прозой. Так, героиня шьет обнову-пальто из старой шинели, репрезентирующую читателю гоголевского Акакия Акакиевича и позволившей критике назвать молодого прозаика «Гоголем XX века». Символично, что именно ему было суждено стать звеном непрерывного движения великой русской литературы от классического «маленького человека» Н. Гоголя, «обыкновенного» А. Твардовского до «простого» у будущего лауреата Нобелевской премии. Доброта, трудолюбие, милосердие и терпение Матрены воплощают в себе ментальные черты национального русского характера, а ее маленький двор становится символом большой России, художественно подтверждая тезис писателя о предназначении литературы сберегать национальную душу: «Так она становится живою памятью нации. Так она теплит в себе и хранит ее утраченную историю – в виде, не поддающемся искажению и оболганию…». [5, с. 32]. Писатель категорически против нивелировки нации как современной тенденции мирового сообщества: «Нации – это богатство человечества, это обобщенные личности его; самая малая из них несет свои особые краски, таит в себе особую грань Божьего замысла» [5, с. 32].

Смысл названия рассказа Гао Синцзяня «На том берегу реки» раскрывает тип героя, характерный для традиционной китайской литературы, когда разочарованный реальностью человек уходит в природу. Его герой Фан, репрессированный бывший партийный работник, находит в добровольном отшельничестве свободу. Пространством «другого берега» становятся древние горы, хранящие знаковые надписи на стенах разрушенного храма («…совершенствуй себя, уразумей учение чань…», «…обретешь высшую радость, забудешь о горестях и печалях»). Фан – канонический символ победы даосизма над конфуцианством. Достаточно обратиться к интервью писателя, в котором он подчеркнул, что «… многие, говоря о китайской культуре, нередко называют конфуцианство истинным, ортодоксальным (чжэнтунды) содержанием китайской культуры. Но такая ортодоксальность, с точки зрения человека искусства, не имеет никакого смысла. Я вижу в китайской культуре иной дух и облик» [6]. Далее Гао Синцзян пишет: «Когда писатель, строго относящийся к творчеству, берется за перо, даже его литературная фантазия исходит из того, что он должен передать истинную картину человеческой жизни. Именно это дало многим произведениям мировой литературы жизненную силу. Именно поэтому греческие трагедии и Шекспир никогда не устареют» [5, с. 111]. Своеобразной предтечей можно считать высказывание А. Солженицына о мировой литературе «… как единого большого сердца, колотящегося о заботах и бедах нашего мира, хотя по-своему представленных и видимых во всяком его углу» [5, с. 37]. Несопоставимые друг с другом, на первый взгляд, герои русского и китайского писателей находятся в одном ряду «праведников», проповедующих ценность простой жизни, силу искренних чувств, гуманистические идеалы.

Авторские наблюдения над текстами лекций выявляют разность позиций писателей к задачам нобелевской лекции. В отличие от А. И. Солженицына-трибуна, Гао Синьцзян выступает как теоретик литературы. Примечательны его литературоведческие выкладки о жанровом своеобразии романа «Чудотворные горы» («Гора духов»), а также о силе языка.

Заключение

Анализ лекций А. Солженицына и Гао Синцзяна выявляет в них манифест писателей, нацеленный на раскрытие многосторонних взаимоотношений художника с обществом. В суждениях писателей о творческой свободе выражена общая мысль о доминанте личного опыта и его субъективного переосмысления. Подытоживая наблюдения над поэтикой художественных произведений, отметим, что нобелевские лекции раскрывают в образной системе, движении сюжета, автобиографическом материале гуманистический пафос литературы. Главным аргументом творчества нобелианты считают свободу художника выражать свою позицию. В их наследии прослеживаются не только литературные традиции русской и китайской духовной культуры, а также национальный менталитет и творческая индивидуальность.

Определены истоки открытой публицистической позиции А. Солженицына в соответствии с традициями русской литературы, а также природа эскапизма Гао Синцзяна, ориентирующегося на национальные принципы китайской культуры. Таким образом, праведничество как морально-нравственная константа – кредо обоих писателей – формирует их героев.

Материал статьи носит не только литературоведческий, но и страноведческий характер, что является востребованным в процессе культурного диалога России и стран АТР. Работа может быть использована в качестве медиаплатформы для междисциплинарных проектов, онлайн-лекций в дистанционном обучении.

Литература

1. Лауреаты Нобелевской премии по литературе : 1901–2010 : инф.-справ. изд. Мировое наследие нобелевских лауреатов по литературе: биобиблиогр. указ. / авт. и сост. В. М. Романец; сост.: Н. В. Мусиенко, Т. М. Шершун; науч. ред. Л. Н. Голубенко; отв. ред. М. А. Подрезова; библиограф. ред.: Е. С. Мурашко, В. П. Пружина; Одес. нац. ун-т им. И. И. Мечникова. – Одесса: Астропринт, 2010.

2. Понырко Н. Россия в изгнании. Текст и традиция. – № 6. – 2018. https://solzhenitsyn.ru/o_tvorchestve (дата обращения 10.04.2019)

3. «Нобелевская лекция» А. И. Солженицына (История создания, проблемно-тематические и жанрово-стилистические особенности) Ю.Г. Гущин, А. Ю. Мусихина. – М., 2010.

4. Сараскина Л. И. Хаос невидимый, предвиденный и зримый. Текст и традиция. – 2018. – № 6. https://solzhenitsyn.ru/o_tvorchestve (дата обращения 10.04.2019)

5. Барашкова С. Н., Желобцов Ф. Ф. Нобелевские лекции писателей России и стран АТР. – Якутск: Издательский дом СВФУ, 2019.

6. Гао Синцзян. «Я творю и делюсь с другими». Интервью («Радио Свобода», 04.08. 2010)

References

1. Laureaty Nobelevskoj premii po literature: 1901-2010: inf.-sprav. izd. Mirovoe nasledie nobelevskih laureatov po literature: biobibliogr. ukaz. / avt. i sost. V. M. Romanec; sost.: N. V. Musienko, T. M. SHershun; nauch. red. L. N. Golubenko; otv. red. M. A. Podrezova; bibliograf. red.: E. S. Murashko, V. P. Pruzhina; Odes. nac. un-t im. I. I. Mechnikova. – Odessa: Astroprint, 2010.

2. Ponyrko N. Rossiya v izgnanii. Tekst i tradiciya. – № 6. – 2018. https://solzhenitsyn.ru/o_tvorchestve (data obrashcheniya 10.04.2019)

3. «Nobelevskaya lekciya» A. I. Solzhenicyna (Istoriya sozdaniya, problemno-tematicheskie i zhanrovo-stilisticheskie osobennosti) YU.G. Gushchin, A. YU. Musihina. – M., 2010.

4. Saraskina L. I. Haos nevidimyĭ, predvidennyĭ i zrimyĭ. Tekst i tradiciya. – 2018. – № 6. https://solzhenitsyn.ru/o_tvorchestve (data obrashcheniya 10.04.2019)

5. Barashkova S. N., ZHelobcov F. F. Nobelevskie lekcii pisatelej Rossii i stran ATR. – YAkutsk: Izdatel'skij dom SVFU, 2019.

6. Gao Sinczyan. «YA tvoryu i delyus' s drugimi». Interv'yu («Radio Svoboda», 04.08. 2010)

УДК 811.512.157

Л. М. Готовцева

Критерии разграничения значений многозначных фразеологизмов якутского языка

ИГИиПМНС СО РАН, г. Якутск, Россия

Аннотация. Актуальность темы данной статьи определяется недостаточной изученностью полисемии фразеологических единиц в тюркологии и якутском языке. Цель настоящего исследования заключается в описании явления полисемии фразеологических единиц в русле одного из ключевых вопросов изучения семантической структуры многозначных фразеологизмов – критериев разграничения значений многозначных фразеологизмов якутского языка. Материалом исследования послужили многозначные фразеологические единицы (ФЕ), извлечённые методом сплошной выборки из «Якутско-русского фразеологического словаря» (2 тома). Уточнение значений проведено на базе опубликованных томов «Большого толкового словаря якутского языка» (15 томов), «Фразеологического словаря якутского языка». Отмечается, что в якутском языке полисемия ФЕ менее развита, чем лексическая полисемия, что объясняется сложностью семантической структуры фразеологизмов как знаков вторичного образования. При выявлении критериев разграничения в семантической структуре ФЕ отдельных её значений опирались на теоретические положения ученых. На основе собранного методом идентификации фактического материала, анализа словарных дефиниций, компонентного и контекстного анализов, сопоставления выделены три группы критериев разграничения многозначных фразеологизмов – понятийные (концептуальные), синтагматические и парадигматические. Одним из факторов, определяющих отдельность значений многозначных ФЕ, является понятийная отнесенность. Отмечается сложность экспликации данного критерия дифференциации значений в семантической структуре фразеологизма. К синтагматическим относятся различие сочетаемости фразеологизма; различие синтаксических функций. В составе парадигматических критериев выделены морфологические (разное управление ФЕ синтаксически зависимыми от неё словами; употребление одного из значений ФЕ только в отрицательной форме, соотнесенность с разными частями речи); лексико-семантические (ограниченная синонимия, т. е. синонимия, распространяющаяся не на все значения фразеологизма, а только на одно из них); стилистические критерии, т. е. разная стилистическая окрашенность ФЕ в каждом из значений, активность/пассивность употребления одного из значений фразеологизма. В перспективе предстоит сопоставление и описание взаимосвязи полисемии слов и многозначных ФЕ якутского языка.

Ключевые слова: якутский язык, фразеология, фразеологическая единица, полисемия (многозначность), семантическая структура фразеологизма, разграничение значений, понятийные (концептуальные), синтагматические и парадигматические, стилистические критерии.

DOI 10.25587/SVFU.2020.75.55414

ГОТОВЦЕВА Лина Митрофановна – канд. филол. наук, с. н. с. отдела якутского языка ИГИиПМНС СО РАН.

E-mail: Lingot@rambler.ru

GOTOVTSEVA Lina Mitrofanovna – Ph.D. in Philology, Senior Researcher Lexicology of Yakut Language Department. Russian Acad Sci, Siberian Branch, Inst Humanities Res&Indigenous Studies North.

L. M. Gotovtseva

The Criteria for Distinguishing the Meanings of Polysemic Phraseological Units of the Yakut Language

SB RAS Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North (IHRISN),
Yakutsk, Russia

Abstract. The relevance of the topic of this article is determined by the lack of study of polysemy of phraseological units in Turkology and the Yakut language. The purpose of this study is to describe the phenomenon of polysemy of phraseological units in line with one of the key issues in the study of the semantic structure of polysemic phraseological units – the criteria for distinguishing the meanings of polysemic phraseological units of the Yakut language. The research material used in this study was polysemous phraseological units extracted by the method of continuous sampling from the "Yakut-Russian phraseological dictionary" (2 volumes). Clarification of values is carried out on the basis of the published volumes of the "Big Explanatory dictionary of the Yakut language" (15 volumes), "Phraseological dictionary of the Yakut language". It is noted that in the Yakut language polysemy of phraseological units is less developed than lexical polysemy, which is explained by the complexity of the semantic structure of phraseological units as signs of secondary development. The criteria of differentiation in the semantic structure of phraseological units of its individual values was identified using the theoretical positions of phraseologists-Russian. The method of identification of the actual material, the analysis of dictionary definitions, comparison, component and contextual analysis allowed to determine three groups of criteria of differentiation of polysemantic phraseological units – conceptual, syntagmatic and paradigmatic. One of the factors determining the separateness of the values of multivalued phraseological units is the conceptual relatedness. The complexity of the explication of this criterion is noted. To apply the distinction of syntagmatic compatibility of the idiom; the distinction of the syntactic functions. As part of the paradigmatic criteria morphological (different management phraseological units syntactically dependent on her words; the use of one of the values of phraseological units only in negative form, correlated with different parts of speech); lexic-semantic (limited synonymy, that is synonymy, extending not to all values of phraseology, but only one of them); stylistic criteria, i. e. different stylistic coloring of phraseological units in each of the meanings, activity/passivity of the use of one of the meanings of phraseology. In the future, we will compare and describe the link of polysemy of words and polysemics of the Yakut language.

Keywords: Yakut language, phraseology, phraseological unit, polysemy, semantic structure of a phraseological unit, delimitation of meanings, conceptual, syntagmatic and paradigmatic, stylistic criteria.

Введение

Описание полисемии единиц лексикона представляет собой одну из наиболее сложных задач. Многозначность в русской фразеологии начинает становиться предметом отдельных исследований с недавних пор [1-5]. Между тем изучение различных аспектов структуры многозначных фразеологических единиц (ФЕ) – одна из важнейших задач как семантического описания фразеологии, так и семантики в целом [4].

Ознакомление с теоретической литературой по полисемии ФЕ показывает, что многие аспекты данного вопроса остаются дискуссионными. К недостаточно изученным проблемам относится и проблема определения факторов, способствующих выделению в семантической структуре фразеологизмов отдельных их значений.

Свои наблюдения и замечания, касающиеся проблемы дифференциации значений многозначных ФЕ высказывали А. И. Молотков [6], В. П. Жуков [7], В. Н. Гришанова [8],

М. М. Вознесенская [3, 4]. Среди них хочется особо отметить работу М. М. Вознесенской, посвященной выделению, систематизации и описанию критериев разграничения значений у многозначных идиом в русском языке. В ней описываются три большие группы критериев – концептуальные, синтагматические и парадигматические. Внутри каждой группы выделяются более мелкие подгруппы: различие фреймов актуального значения и внутренней формы идиомы (концептуальные критерии); различие сочетаемости и синтаксической функции (синтагматические критерии); различие интонационных, деривационных, морфологических, синтаксических, лексических и стилистических вариантов, а также лексико-семантического окружения идиомы (парадигматические критерии) [4].

Решение вопроса о том, сколько значений имеет та или иная ФЕ, насколько правомерно выделение того или иного значения, является далеко не простым. Этому вопросу было посвящено одно из наших исследований [9]. Тот факт, что значения многих фразеологизмов в разных словарях выделены по-разному, объясняется отчасти отсутствием общепринятых принципов описания семантической структуры единицы.

Мы попытаемся рассмотреть факторы, способствующие выделению в семантической структуре ФЕ якутского языка отдельных её значений, взяв за основу теоретические положения в исследованиях М. И. Сидоренко [10], М. М. Вознесенской [3, 4], дополнив их своими наблюдениями. Прежде чем приступить к анализу, следует отметить, что в якутском языке полисемия ФЕ менее развита, чем лексическая полисемия, что объясняется сложностью семантической структуры фразеологизмов как знаков вторичного образования.

Критерии разграничении значений многозначных ФЕ якутского языка

Понятийная отнесенность (концептуальные критерии)

Одним из экстралингвистических факторов, определяющих отдельность значений многозначных ФЕ, является понятийная отнесенность. Некоторые ученые называют их концептуальными. «< >… они (концептуальные критерии – Л.Г.) являются первичными – разные значения полисемантичной языковой единицы потому и являются разными, что имеют разные означаемые – референты, денотаты, понятия. Вместе с этим, концептуальные критерии достаточно трудно формализовать» [4, с. 106]. Разные значения многозначной идиомы соотносятся с разными «денотативными областями (или сферами)» [11, с. 18].

Различия понятийной соотнесенности (концептуальные различия) между значениями многозначных ФЕ можно увидеть на примере следующей единицы. В процессуальном фразеологизме **илиигин хааннаа** первое значение ‘добыть первого зверя, первую птицу на охоте’ (*букв.* окровавить руки) соотнесено с социальной деятельностью – охотой. *Уолум миигин кытта сылдьыһан быйыл аан бастаан* ***илиитин хааннаата*** (ЯРФС). Сын, охотясь со мною, в этом году впервые добыл зверя. Второе значение ‘драться до крови’ (*убивать кого-л.*) развилось путем расширения семантики и соотносится с физическим воздействием на объект – кровавой дракой. *Ити хара кырыктаах (киһи) уон биэс-алта сыл буолан баран эргийэн кэлэн, иккистээн* ***илиитин хааннаары*** *сорумму*тун *көрүҥ* (ЯРФС). Посмотрите, как этот изверг, возвратившись спустя пятнадцать, шестнадцать лет, вновь пытается драться до крови. Оба значения ФЕ употребляются с субъектом – именем существительным, обозначающим лицо.

Рассмотрим ФЕ **икки хараҕын үүтэ көстүбэт буолла**. Два разных значения 1) ‘обливаться слезами’; 2) ‘злиться, волноваться, обижаться до слез; совершенно выходить из себя, приходить в бешенство’ соотносятся с разными ситуациями, отражающими эмоциональное состояние субъекта: первое значение связано с внешним проявлением отношения *к чему-л.* – ‘плачем’, второе – с ‘пребыванием *в каком-л.* эмоциональном состоянии’. ***Икки хараҕым үүтэ көстүбэт*** *буолан кэллим эбээт. Бастакы ынаҕын ыы олорон охтубут* (Н. Босиков). Я пришла, обливаясь слезами. Ей стало плохо, когда доила

первую корову; *Ааныс ... киҥэ холунна…* ***Икки хараҕын үүтэ көстүбэт буолла*** (Күндэ). Анна, сильно разгневалась, пришла в бешенство.

Разные признаки эмоционального состояния человека – радость и страх – привели к разным актуальным значениям ФЕ **атаҕа сири билбэт** (*букв.* ноги его землю не чуют) 1) сильно обрадоваться *чему-л.,* быть на седьмом небе; не чуять ног под собой. *Уол үөрүүтүттэн* ***атаҕа сири билбэт буолла*** (Болот Боотур). Парень от радости не чует ног под собой. 2) находиться в сильном страхе. *Тохтоо! – диэн кэнниттэн ким эрэ саҥата хаһыытаан баран, ытан хаалбыта. Дабыыт сүүрбүтүн кубулуппатаҕа, кэннин да хайыһан көрбөтөҕө. Кини* ***атаҕа сири билбэт*** (Д. Таас). – Стой! – послышался чей-то голос сзади, а вслед за ним раздался выстрел. Давид продолжал бежать, и даже не оглядывался. У него душа ушла в пятки.

Синтагматические критерии

Различие сочетаемости

К синтагматическим критериям относятся сочетаемостные возможности ФЕ, т. е. речь идет о валентностях, понимаемых в широком смысле как «способность слова вступать в синтаксические связи с другими элементами» [12, с. 79]. Об изменении в значении идиомы может свидетельствовать наличие/отсутствие валентности (облигаторность/факультативность/запрет), заполнение разных валентностных позиций в каждом из значений; различная (грамматическая, лексическая, семантическая, тематическая) характеристика слов, реализующих валентности [4]. Рассмотрим основные типы валентностных различий, характерных для многозначных ФЕ.

В «Якутско-русском фразеологическом словаре» регистрируется два значения ФЕ **саба сүүр**: 1) обежать (*много мест*); успевать везде, 2) быстро, моментально распространяться (*обычно о болезни, эпидемии*) (*букв.* наскочить *на кого, что-л.*). В первом значении фразеологизм сочетается с субъектом-лицом: [*Үлэҕэ*] *Омун-төлөн оҕолор* ***саба сүүрэн*** *көрдүннэр* (К. Уурастыырап). Пусть темпераментные ребята успевают везде [в работе]. *Оскуола оҕолоро дэриэбинэ ветераннарын биир киэһэ саба сүүрэн кэбистилэр* (ЯРФС). Школьники за один вечер обходили очень быстро всех ветеранов посёлка. Во втором значении фразеологизм сочетается с отвлеченным понятием. [*Уоспа*] *биир күн иһигэр куораты бүтүннүүтүн* ***саба сүүрэн*** *кэбиспит, турары-турбаты сылбах курдук охторбут* (П. Филиппов). Оспа за один день быстро распространилась по всему городу, свалила всех наповал. С нашей точки зрения, разная лексико-семантическая сочетаемость свидетельствует о том, что данная единица двузначна [9].

Также к синтагматическим критериям относятся различные ограничения на семантическую сочетаемость, когда о реализации того или другого значения идиомы свидетельствует заполнение валентностей словами разных лексико-семантических классов/групп [4].

Имеется ряд адвербиальных фразеологизмов, когда в каждом значении ФЕ сочетается с разными лексико-семантическими классами глаголов. Так, адвербиальный фразеологизм **көнө сүнньүнэн** в первом значении ‘не пререкаясь, покорно, послушно’ употребляется с глаголами действия (*делать что-л.*). *Биирдэ эмэтэ хараххын уһулу оҕустахха* ***көнө сүнньүгүнэн*** *үлэлиир буолуоҥ* (М. Доҕордуурап). Когда получишь в глаз, будешь работать, не пререкаясь. Во втором значении ‘порядочно, честно, по совести, не нарушая норм этики, морали’ сочетается с глаголами бытия-существования (*держаться, жить и т. п.*). *Кимиэхэ хайҕатаары* ***көнө сүнньүнэн*** *сылдьыай диэх курдук саныыра.* (Д. Таас). Кто похвалит, если он будет вести себя порядочно, – думал он.

Рассмотрим ФЕ **таҥараҕа тиксэр курдук (кэриэтэ)**: 1) изредка, от случая к случаю (*бывать у кого-л., вспоминать о ком-л.*). *Аймахтарыгар биирдэ эмэ,* ***таҥараҕа тиксэр курдук*** *сылдьан, ону-маны кэпсэтэн ааһааччы* (ЯРФС). Он бывает у родственников редко. *Билигин мин дьол туһунан* ***таҥараҕа тиксэр кэриэтэ*** *санаан ааһабын* (М. Доҕордуурап).

Сейчас я думаю о счастье изредка; 2) очень бережно, экономно, изредка (*употреблять оставшийся запас пищи, продуктов*). *Эппит бүтэрэ чугаһаата,* ***таҥараҕа тиксэр кудук*** *тутуннахпытына табыллыыһы.* Запас нашего мяса скоро закончится. Придется нам экономить (*букв.* экономно потреблять). В первом значении фразеологизм имеет более широкую сочетаемость, употребляется с глаголами движения ‘сырыт’, интеллектуальной деятельности ‘санаа’. Для второго значения характерна узкая сочетаемость. ФЕ сочетается с глаголом лексико-семантической группы использования ‘тутун’.

Разная лексико-семантическая сочетаемость свидетельствует о разных значениях ФЕ. К наиболее распространенным типам в идиоматике, как и в лексике, относится смена таксономического класса актантов, т. е. заполнение позиций субъекта, объекта, адресата и т.п. одушевленными или неодушевленными существительными, категориями конкретности / абстрактности, пространства / времени [4].

Отнесенностью к лицу/ не-лицу характеризуется значение ФЕ **уҥуоҕун тут**: 1) хоронить *кого-л.,* 2) *разг.* ломать, разбивать *что-л.* Первое значение выступает в сочетании с существительными, обозначающими живое существо. *Уулаах бырааттын Кыра Хабырыыһы* ***уҥуох тутаары*** *олордоҕуна, Доодороптор уруулара Чаабый Дьаакып көтөн түһэр* (Хотугу Сулус). В день, когда Уулаах собирался похоронить брата – Гаврила младшего, в [балаган] влетел Яков Чаабый, родственник Додоровых. Во втором значении фразеологизм сочетается с существительными, обозначающими неодушевленный предмет. *Бастакы УАЗ массыынаны инженер-мэхээнньик Бурцев уонна Сивцев* ***уҥуоҕун туппуттара*** (Хотугу Сулус). Первую машину УАЗ разбили инженер-механик Бурцев и Сивцев.

Семантика имен в позиции субъекта может быть признаком различия следующего ряда единиц. ФЕ **илиитэн илиигэ** (*сырыт*), сочетаясь с наименованием конкретного предмета, выступает в значении ‘переходить от одного к другому (*соотв.* ходить по рукам)’. *Бу кинигэ устудьуоннарга улахан бочуокка сылдьар. Мэлдьи* ***илиитэн илиигэ****, хостон хоско эргийэр* (Н. Лугинов). Эта книга пользуется у студентов большой популярностью. Она ходит по рукам. Во втором значении ‘быть приглашаемым, почетным гостем, которому всегда окажут сердечный прием’ сочетается с субъектом – именем лица. *Дойдутугар кэлэн* ***илиитэн илиигэ*** *сылдьар* (ЯРФС). Приехав на родину, [он] стал почетным гостем.

Между значениями ФЕ могут быть различия по абстрактности/конкретности и по степени абстрактности содержания.

Глагольный фразеологизм **санааҕын уур** в соединении с отвлеченным понятием в роли дополнения употребляется в значении ‘прилагать старания *к чему-л.*, вкладывать душу *во что-л*’. *Иитэр үлэҕэ учууталлар* ***санааларын ууруохтарын*** *наада* (Кыым). Учителя должны вкладывать душу в воспитательную работу. В значении ‘иметь расположение *к кому-л.*, питать симпатию *к кому-л.*’ сочетается с именем (лицом) в качестве дополнения. *Бибилэтиэкэр Даша кыыска* ***санаабын уурарым*** (Н. Габышев). Я питала симпатию к библиотекарше Даше.

При формировании полисемии наблюдается тенденция перехода категории конкретного лица в категорию обобщенного лица. Например, ФЕ **сүһүөххэр тур** в первом значении ‘повзрослеть, стать независимым *от кого-л.*, полностью обеспечивать себя, встать на ноги’ употребляется при субъекте со значением лица. Например, *Баһылайга* ***сүһүөҕэр турарыгар*** *дьоно бары да бэркэ көмөлөспүттэрэ* (Кыым). Василию помогали встать на ноги все родственники. Во втором значении ‘крепнуть, укрепляться, развиваться (*о чем-л.*)’ сочетается с субъектом со значением обобщенного лица. *Хотон тутан, дьиэ-уот тэринэн холкуос* ***сүһүөҕэр туран*** *барбыта* (Хотугу Сулус). Построив коровники, обзаведясь хозяйством, колхоз стал крепнуть.

ФЕ **өрө сүк** в двух своих значениях требует дополнения в винительном падеже (*что-л.*). Разграничителем значений в данном случае выступают субъекты действия. В первом значении ‘разбрасывать, раскидывать *что-л.*; разрушать *что-л.*, собравшись толпой’ субъектом действия является обобщенное лицо: *Ити сурахтан соһуйан сулбурута ойон турбут дьон чуут тордоҕу* ***өрө сүгэн*** *кэбиһэ сыстылар* (С. Курилов (тылб.). Услышав новость, люди всколчили от удивления, чуть не разнесся чум. Во втором значении ‘наполнить *что-л.* своим шумом, слухами о себе’ в качестве субъекта действия выступает отвлеченное понятие: *Сүгэ тыаһа лабыргыыра, аар харыйа барчаланан түһэрэ иһийэн турбут ойууру* ***өрө сүгэр*** (С. Федотов). Стук топоров, шум и треск от падения огромной ели наполнили тихий лес.

Семантика объектных наименований также способствует разграничению единиц. ФЕ **сүнньүн көннөр** ‘проучить, наказать *кого-л.*, чтобы сделать его более податливым, послушным’ (*букв.* спинной мозг его выпрямить) реализует данное значение в сочетании с именем-лицом: *Бэйи, Кэтириис, алыс тиэтэйимэ, быһаарсар кэм баар буолуо. Биһиги хайаан да кинини* ***сүнньүн көннөрүөхпүт*** (С. Новиков). Екатерина, ты сильно не спеши, придет время – выясним. Мы накажем его обязательно. *Соня бырааттын мөҕөн* ***сүнньүн көннөрдө*** *– утары эппэт оҥордо* (Хотугу Сулус). Соня проучила своего брата – теперь он не перечит ей. Если в позиции прямого дополнения **сүнньүн көннөр** стоит название животного, значение будет иным ‘сделать более кротким, ручным, заставить повиноваться, укротить, усмирить (*обычно необъезженного, строптивого коня*)’. *Кирилэ сиргэмсэх оҥорбут соноҕоһун,* ***сүнньүн*** *нэһиччэ* ***көннөрөн****, суолга киллэрэн испитэ* (Н. Заболоцкай). Кирилл еле усмирил испугавшуюся лошадь, повернул ее в сторону дороги. ФЕ **сүнньүн булла**, сочетаясь с субъектом, выраженным лицом, означает ‘остепениться, образумиться’. *Үйбаанчык быйыл* ***сүнньүн булбут,*** *чыҥха атын киһи буолбут* (БТСЯЯ). *Үйбаанчык* нынче стал совсем другим, образумился. Во втором значении, сочетаясь с субъектно-абстрактным именем, имеет значение ‘войти в колею, вернуться в привычное русло’. *Билигин да олох дьиҥнээх* ***сүнньүн була*** *илик, киин сирдэргэ тахсар долгуйуулар ордук күүрдүллэн да иһиллиэхтэрин сөп* (Амма Аччыгыйа). Жизнь и сейчас не вошла в привычное русло, о волнениях в центре могут рассказывать в слегка преувеличенном виде.

Анализ материала убеждает нас в том, что учет лексико-семантической сочетаемости ФЕ помогает разграничить отдельные значения многозначного фразеологизма.

Различие синтаксических функций

К одним из критериев, различающих разные значения одной ФЕ, относится синтаксическая функция (роль) фразеологизма в предложении. Изменение синтаксической функции ФЕ может свидетельствовать об изменении ее значения. Так, одно значение фразеологизма **лоп курдук** ‘ясный, чёткий (*напр. о речи*)’ соотносится с прилагательным и выступает в предложении в роли определения: ***Лоп курдук*** *тыллаах-өстөөх* (ЯРФС). У него речь четкая. Второе значение ‘ровно, точно’ связано с наречием и выполняет обстоятельственные функции. ***Лоп курдук*** *икки чаас үлэлээтибит* (ЯРФС). Мы работали ровно два часа.

Значение ‘очень много, разнообразно; изобильно’ реализуется в предложении: *Бэйи эмээхсин* ***хараҕа халтарыйар*** *гына табаарда тардан олоруохха* (С. Омоллоон). Давайте, разложим товар разнообразно, чтобы поразить старуху. В данном случае фразеологизм **хараҕа халтарыйар** соотносится с наречием и выступает в роли обстоятельства образа действия. Второе значение ‘очень красивый, красочный, необычный’ соотносится с прилагательным и является в предложении определением: *Онно, төрүөхпүттэн аан маҥнай муораны көрбүтүм –* ***харах халтарыйар*** *кэрэтэ этэ* (Хотугу Сулус). Там впервые увидел море – была необычная красота. ФЕ **тэп курдук** в значении *разг.* ‘достаточно бодрый’ соотносится с прилагательным и выступает в предложении в роли определения: *Оҕонньор билигин да* ***тэп курдук****.* Старик и сейчас достаточно бодр (ЯРФС). Во втором значении наречие ‘с лёгкостью, проворно’ выполняет в предложении

обстоятельственную функцию: *Фёдор илдьит хоту* ***тэп курдук*** *ыстанар* (Ойуку). Фёдор с лёгкостью отправляется на задание.

ФЕ **сүрэҕинэн сылдьар** означает ‘старательный, добросовестный’. В первом значении соотносится с прилагательным и выступает в предложении в роли определения: *Өлөксөй уол –* ***сүрэҕинэн сылдьар****, бэрт үлэһит киһи.* Алексей – старательный, очень работящий человек (Хотугу Сулус). Во втором значении ‘делать *что-л.* через силу, несмотря на плохое состояние здоровья’ является в предложении сказуемым: *Ылдьаа кэлин наһаа ыалдьар буолла, үлэтигэр* ***сүрэҕинэн сылдьар*** (Хотугу Сулус). В последнее время Илья побаливает, работает через силу.

Разные части речи: причастие и глагол выступают в семантической структуре ФЕ **уоһуттан түһэрбэт** 1) не сходящий с уст (*напр. о песне*). *Эллэй хоһоонноро бар дьон* ***уоһуттан түһэрбэт*** *ырыалара буолан дуораһыйбыттара* (Софр. Данилов). В этом примере ***уоһуттан түһэрбэт*** выступает в роли определения**.** Песни на стихи Элляя не сходили с уст (*букв.* не сходящие с уст песни Элляя). Во втором значении ‘постоянно упоминать *кого-что-л.*’ является сказуемым: *Биһиги тойоммут ити дьахтары* ***уоһуттан түһэрбэт*** *буолла* (Э. Соколов). Наш начальник постоянно упоминает эту женщину.

Парадигматические критерии

Морфологические критерии

К одним из показателей отдельности значений фразеологизмов относятся грамматические признаки, например, разное управление ФЕ синтаксически зависимыми от неё словами. Например, ФЕ **илиитин көтөхпүт** употребляется в двух значениях. В первом значении *охсубут, кырбаабыт* ‘поднимать руку *на кого-л.* (пытаться ударить, побить *кого-л.*)’ фразеологизм управляет существительным в дательном падеже: *Суох, бу дьикти, ыар-нүһэр оҕонньорго кини хайдах да кыайан илиитин көтөҕүө суох* (Хотугу Сулус). Нет, он не поднимет руку на этого старика. ФЕ во втором значении *сэптэнэн-сэбиргэллэнэн өрө турбут, утарыласпыт, мөккүспүт* ‘вступать в борьбу *с кем-чем-л.*, осуждать, порицать *кого-что-л.*’ требует употребления имени существительного, выступающего в качестве дополнения, в винительном падеже. *Ыраахтааҕыны утары* ***илиитин көтөҕөөрү*** *гына сылдьыбыта* (Н. Якутскай). Он пытался поднять руку на царя.

ФЕ **быаргын (быарын) тарбаа (тыыт)** в значении ‘смеяться долго, весело, умирать со смеху’ – предполагается наличие субъекта в основном падеже. *Артур бүлүмүөт курдук бокуойа суох кут да кут, ол аайы Алешенька* ***быарын тыытта****, иэрийэ-иэрийэ күлэр* (Хотугу Сулус). Артур тараторит без остановки, словно пулеметная очередь, Алешенька умирает со смеху’; в значении ‘подшучивать, насмехаться, издеваться над *кем-л.*’ управляет именем в орудном падеже (кем?). *Кинилэр бэйэлээхтэр [баайдар] дьаданы оҕонон* ***быардарын тарбаан*** *саатыыллар* (Амма Аччыгыйа). Они-то, богачи, забавляются, издеваясь над бедным ребенком.

Рассмотрим двузначную глагольную ФЕ **уһаты-туора тутун** ‘вести себя неприлично’. В первом значении обычно употребляется в отрицательной форме: *Кини хаһан да тоттугурҕаан,* ***уһаты-туора туттубатаҕа****, биирдэ да сүөргү, куһаҕан тылы эппэтэҕэ* (С. Никифоров). Он никогда не был дерзок, не вел себя неприлично, не говорил плохого слова. Во втором значении ‘вести себя как вздумается, как захочется, своевольничать’ употребляется в обычной форме в разговорном стиле. *Тойонум эппиэттээх эбээһинэстэри сүктэрэр буолан эрэр, онон үбү-аһы ыраах сылдьан бэйэм билэрбинэн көҥүл ылар-биэрэр быраапталыам,* ***уһаты-туора туттар*** *кыахтаныам* (Болот Боотур). Мой начальник стал доверять мне ответственные поручения, так что мне представится возможность распоряжаться финансами издалека, как захочется.

Лексико-семантические критерии

Одним из показателей многозначности фразеологизмов является явление ограниченной синонимии, т. е. синонимии, распространяющейся не на все значения

фразеологизма, а только на одно из них. Неодинаковая способность разных значений к синонимизации обнаруживается в ФЕ **таҥнары баттаа (миин)** 1) угнетать, притеснять, эксплуатировать *кого-л. Хамначчыт дьахталлары бэйэлэрин баай хотуттара* ***таҥнары баттаан*** *олороллор.* (Хотугу Сулус). Женщин-батрачек эксплуатируют свои же госпожи-богачки; 2) мучить, отягощать сознание, душу. *Түүн аанньа утуйбакка эрэйдэнним. Санаа бөҕө* ***таҥнары миинэр*** (Н. Лугинов). Ночью плохо спал, мучился. Темные мысли отягощают душу. Первое значение вступает в синонимические отношения с фразеологизмом **умса миин** ‘нещадно эксплуатировать *кого-л.*’.

ФЕ ***хараҕа иирэр*** двузначна: 1) в глазах рябит *у кого-л. Сүрэҕэ өлөхсүйбүтэ, тамаҕа хаппыта, төбөтө ыалдьыбыта сүрдээх. Субу-субу өй-мэй буолар,* ***хараҕа иирэр*** (Хотугу Сулус). Его тошнит, мучает жажда, у него раскалывается голова. Он забывается, у него рябит в глазах; 2) казаться, представляться; мерещиться. *Хайдай хайдаҕый, хараҕым иирэр дуу? Икки киһи иһэргэ дылы этэ* (Хотугу Сулус). Что это такое, или мерещится что-то? Мне казалось, что идут двое. Первое значение имеет синоним ***хараҕа ирим-дьирим буолла*** ‘в глазах рябит’, а второе значение – синоним ***хараҕа бааллар*** ‘казаться, представляться; чудиться, мерещиться’.

Каждое из значений ФЕ **сир-буор сирэйдээ** имеет отдельные синонимы. Первое значение ‘осрамить, опозорить *кого-л.*’ синонимично ФЕ **саакка киллэр** ‘осрамить *кого-л.*’. *Ааты-суолу алдьаттыҥ,* ***сир-буор сирэйдээтиҥ***. (А. Федоров). Второе значение ‘всячески унижать *кого-л.*’ соотносится с ФЕ **сиргэ-буорга тэбис** ‘втаптывать в грязь *кого-, что-л.*: всячески унижать *кого-л.*’. *Дьиэтигэр кэлээт киһибитин дэлби мөҥөн* ***сир-буор сирэйдээбитэ*** (Хотугу Сулус). Придя домой, он сильно ругал его, всячески унижал.

Таким образом, по нашему мнению, способность значений к синонимизации с другими фразеологизмами также может служить фактором, влияющим на развитие полисемии.

Стилистические критерии

О разных значениях свидетельствует и разная стилистическая окрашенность ФЕ в каждом из значений. Так, разные значения фразеологизма могут характеризоваться разной временной отнесенностью, принадлежать разным стилистическим регистрам, употребляться в разных типах дискурса [4, с. 216].

По степени активности/пассивности употребления различаются значения ФЕ: **толук тутун** в значении ‘возмещать, восполнять *что-л. чем-л.*’ является ФЕ активного употребления. *Сөдүөччүйэ эрэйдээх, кинээс дуу, Балааҕыйа эмээхсин дуу таарыйдахтарына,* ***толук туттуом*** *диэн булунаахтаабыт биир иһит арыгытын таба көрбүт* (Амма Аччыгыйа). Феодосия положила глаз на одну бутылку вина, которую она с трудом добыла, с целью угостить князя или Пелагею. Второе значение ‘приносить в жертву верхним или нижним злым духам скот для умилостивления их гнева, жертвовать’ (*о шаманах*) связано с ушедшим в прошлое обрядом и имеет помету *устар.* [*Өбүгэлэрбит*] *табаны* ***толук тутта*** *сылдьыбыттарын көрдөрүөхтэрин сөптөөх аҕыйах чахчылардаахпыт* (Багдарыын Сүлбэ). У нас есть немного фактов того, что наши предки приносили в жертву верхним или нижним злым духам оленя. *Былыр ойууннар чоккуруос харахтаах маҥаас сылгыны эбэтэр күөх эбириэн ынах сылгыны* ***толук тутталлара*** *үһү* (БТСЯЯ). Говорят, в старину шаманы приносили в жертву лошадь с белой отметиной на морде и со светлым глазом или пеструю корову.

По оппозиции активность/пассивность употребления различаются также значения ФЕ **сүрэ көппүт**: 1) у него сломлены все жизненные силы и энергия (*о больном человеке*). *Оҕонньор букатын* ***сүрэ көппүт***. У старика сломлены все жизненные силы и энергия; 2) *устар.* утрачивать вкус, становиться непитательным, невкусным (*связана с суеверием о существовании абаасы* (*злого духа*). *Аҥаардас саҥараргыттан арыы* (*эбэтэр ас*) ***сүрэ көтөн*** *хаалар.* (ПЭК СЯЯ). От твоей чрезмерной болтовни, теряется вкус масла (или еды). Первое значение фразеологизма является активным, второе – устаревшим.

Встречается много полисемичных фразеологизмов, где их значения разграничиваются по оппозиции нейтральный стиль / разговорный стиль: **халлаан суруксута** 1) *разг.,* безграмотный, неграмотный. *Сахаар, бу туох* ***халлаан суруксутун*** *миэхэ сирдээн аҕаллыҥ?* (И. Гоголев). Захар, какого безграмотного ты привел ко мне? Употребляется в речи с оттенком шутливости. Второе значение ‘научившийся читать и писать самоучкой’: *Кини оҕо эрдэҕинэ оскуолаҕа үөрэнэн көрбөтөх эбит. Онон кинини, кини тэгил дьоннорун барыларын ааттыылларын курдук,* ***халлаан суруксута*** *диэн ааттыыллар* (А. Бэрияк). Оказывается, он в детстве не учился. Поэтому его называют, как обычно людей его возраста, самоучкой.

По линии стилистической окраски различаются значения ФЕ **сүрэҕин ырбаахыта чараас** *разг.* 1) жалостливый, сердобольный, сострадательный. *Биригэдьиир мөлтөх охсооччуларга* ***сүрэҕин ырбаахыта чараас*** *– олох сэмэлээбэт* (Хотугу Сулус). Бригадир жалостлив к слабым косарям, совсем не делает им замечаний; 2) трусливый, боязливый. ***Сүрэҕин ырбаахыта чараас*** *эбит, хараҥаҕа киһи уҥуоҕар тахса сылдьыах буолан мөккүһэн баран, барбата* (Хотугу Сулус). Оказывается, он труслив, поспорил, что сходит в темноте на кладбище, и не пошел. *Маайа кыыс ойуурга киирдэҕинэ* ***сүрэҕин ырбаахыта чараас*** *– олус куттанар* (Хотугу Сулус). Майя в лесу чувствует себя не в своей тарелке, боится (*букв.* когда заходит в лес – труслива).

Первое значение ФЕ **илии тутуурдаах <өттүк харалаах>** ‘с гостинцем, с подарком (*приходить*)’ стилистически нейтрален: [*Чоочо*:] *Эн обургу* ***илии тутуурдаах, өттүк харалаах*** *өҥөйдүҥ ини...* (А. Софронов). [*Чоочо*:] Ты зашел, наверное, с гостинцем. Второе значение стилистически маркирован, имеет в словаре помету *эвф.* ‘с добычей (*возвращаться, приходить с охоты*)’. *Тыаҕа таҕыстарбын эрэ үксүгэр* ***илии тутуурдаах, өттүк харалаах*** *киирэбин* (Ф. Софронов). Я возвращаюсь из лесу обычно с добычей.

Заключение

Таким образом, исследование явления полисемии в аспекте определения критериев разграничения значений многозначных ФЕ в якутском языке приводит к следующим выводам: разграничению значений многозначных ФЕ в якутском языке способствуют такие критерии, как понятийная соотнесённость, синтагматические критерии (учет лексико-семантической сочетаемости, различие синтаксических функций), парадигматические отношения (учет грамматических условий реализации значений, как различие в управлении, употребление одного из значений ФЕ только в отрицательной форме, соотнесенность с разными частями речи, наличие синонимов), различие в стилевой принадлежности и экспрессивно-стилистической окраске разных значений, активности/пассивности употребления одного из значений фразеологизма. В перспективе следует описать взаимосвязь полисемии слов и многозначных ФЕ якутского языка.

Литература

1. Федосова Е. Ю. Полисемия русских фразеологизмов в когнитивном аспекте: на материале фразеосочетаний глагольного типа: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2007. – 22 с.

2. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Аспекты теории фразеологии. – М.: Знак, – 2008. – С. 454-472.

3. Вознесенская М. М. Топологический аспект многозначности идиом // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». – М.: Изд-во РГГУ, 2010. – Вып. 9 (16). – С. 71-75.

4. Вознесенская М. М. Критерии разграничения значений многозначных идиом русского языка // Cuadernos de Rusística Española, 2012. – №8. – С. 103-130.

5. Исаева Г. Р. Проблема многозначности фразеологических единиц в тюркских языках // Вопросы духовной культуры. – Филологические науки. – 2013. – С. 181-183.

6. Молотков А. И. Основы фразеологии русского языка. – Л., 1977. – 114 с.

7. Жуков В. П. Русская фразеология. – М.: Высшая школа, 1986. – 310 с.

8. Гришанова В. Н. Критерии разграничения значений полисемичных фразеологических единиц: автореф. дисс. … канд. филол. наук. – М., 1981.

9. Готовцева Л. М. О разграничении значений многозначных фразеологических единиц в якутском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – №4 (46). – Ч. 2. – С. 74-75.

10. Сидоренко М. И. Парадигматические отношения фразеологических единиц в современном русском языке: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Л., 1986. – 32 с.

11. Толстая С. М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М: Индрик, 2008. – 528 с.

12. Гак В. Г. Валентность // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990.

References

1. Fedosova E. YU. Polisemiya russkih frazeologizmov v kognitivnom aspekte: na materiale frazeosochetanij glagol'nogo tipa: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo gos. un-ta, 2007. – 22 s.

2. Baranov A. N., Dobrovol'skij D. O. Aspekty teorii frazeologii. – M.: Znak, – 2008. – S. 454-472.

3. Voznesenskaya M. M. Topologicheskij aspekt mnogoznachnosti idiom // Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoj Mezhdunarodnoj konferencii «Dialog». – M.: Izd-vo RGGU, 2010. – Vyp. 9 (16). – S. 71-75.

4. Voznesenskaya M. M. Kriterii razgranicheniya znachenij mnogoznachnyh idiom russkogo yazyka // Cuadernos de Rusística Española, 2012. – №8. – S. 103-130.

5. Isaeva G. R. Problema mnogoznachnosti frazeologicheskih edinic v tyurkskih yazykah // Voprosy duhovnoj kul'tury. – Filologicheskie nauki. – 2013. – S. 181-183.

6. Molotkov A. I. Osnovy frazeologii russkogo yazyka. – L., 1977. – 114 s.

7. ZHukov V. P. Russkaya frazeologiya. – M.: Vysshaya shkola, 1986. – 310 s.

8. Grishanova V. N. Kriterii razgranicheniya znachenij polisemichnyh frazeologicheskih edinic: avtorefer. diss. … kand. filol. nauk. – M., 1981.

9. Gotovceva L. M. O razgranichenii znachenij mnogoznachnyh frazeologicheskih edinic v yakutskom yazyke // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – Tambov: Gramota, 2015. – №4 (46). – CH. 2. – S. 74-75.

10. Sidorenko M. I. Paradigmaticheskie otnosheniya frazeologicheskih edinic v sovremennom russkom yazyke: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk. – L., 1986. – 32 s.

11. Tolstaya S. M. Prostranstvo slova. Leksicheskaya semantika v obshcheslavyanskoj perspektive. M: Indrik, 2008. – 528 s.

12. Gak V. G. Valentnost' // Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar'. – M.: Sovetskaya enciklopediya, 1990.

Список использованных источников

Большой толковый словарь якутского языка / под общей ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2004-2018. – Т. I–XV.

Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. – Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – Т.1. – 1279 стлб.

Фразеологический словарь якутского языка / сост. Григорьев Н. С. Якутск: Кн. изд-во, 1974. – 127 с.

Якутско-русский фразеологический словарь / сост. А. Г. Нелунов. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2002. – Т.1. – 287 с.

Якутско-русский фразеологический словарь / сост. А. Г. Нелунов. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2002. – Т.2. – 420 с.

Список принятых сокращений

БТСЯЯ – Большой толковый словарь якутского языка / под общей ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2013. – Т. X. – 575 с.

ПЭК СЯЯ – Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. – Л.: Изд-во АН СССР, – 1959. – Т.1.

ЯРФС – Якутско-русский фразеологический словарь / сост. А. Г. Нелунов. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2002. – Т.1. – 287 с.

УДК: 81-26

С. Ц. Гуань, А. А. Зенина

Контекст как ключ к эквивалентному переводу модальных частиц с русского на китайский язык

Институт русского языка Хэйлунцзянского университета, г. Харбин, Китай

Аннотация. Контекст – это ключ к пониманию и адекватному переводу модальных частиц с одного языка на другой. Русские и китайские модальные частицы существенно отличаются, зачастую являясь уникальными в своей языковой среде, в результате этого перевод модальных частиц с русского языка на китайский требует особого подхода, который позволит полноценно передать значение модальной частицы и интонацию оригинального текста в полном объеме. Такой перевод обуславливается контекстом. В различных контекстах прагматическое значение одной и той же модальной частицы тоже будет разным. Смысл модальных частиц зачастую с трудом поддается интерпретации. Только в рамках определенного контекста модальные частицы могут проявить свое прагматическое значение и полностью раскрыть свою коммуникативную функцию. Задачей переводчика является правильно оценить контекст высказывания, на основании контекста определить, какое прагматическое значение придает фразе модальная частица, а затем адекватно воссоздать этот контекст на китайском языке с помощью эквивалентных модальных частиц, а также других частей речи, словосочетаний или предложений, используя при этом различные методы перевода. Трудности перевода модальных частиц преодолеваются за счет понимания лингвистического, ситуативного и культурного контекстов, эти три вида контекста обуславливают рамки перевода русских модальных частиц на китайский язык, а также оказывают влияние на выбор способа перевода. Под влиянием контекста имплицитное прагматическое значение модальной частицы оригинала при переводе может стать эксплицитным или же остаться имплицитным.

Ключевые слова: контекст, модальные частицы, перевод на китайский язык, прагматическое значение, коммуникативная функция, лингвистический контекст, ситуативный контекст, культурный контекст, оригинал, перевод.

DOI 10.25587/SVFU.2020.75.55415

Данная статья входит в состав Фонда общественных наук КНР «Исследование механизмов адаптации к контексту при переводе на китайский язык в период антияпонской войны и их ценностей»; Фонда гуманитарных и социальных наук Министерства Образования КНР «Исследование механизмов адаптации к контексту при переводе русской советской литературы времен антияпонской войны на китайский язык и их ценностей для современников» (серийный номер: 17YJA740013); Фонда педагогических наук Хэйлунцзянской провинции «Исследование

ГУАНЬ Сю Цзюань – д. филол. н., профессор Института русского языка Хэйлунцзянского университета, г. Харбин, Китай.

E-mail: guanshan4500@sina.com

GUAN Xiu Juan – Doctor of Philology, Professor of the Institute of Russian Language, Heilongjiang University, Harbin, China.

ЗЕНИНА Алёна Александровна – магистр Института русского языка Хэйлунцзянского университета по специальности «Русско-китайский перевод», г. Харбин, Китай.

E-mail: joan5@mail.ru

ZENINA Alena Aleksandrovna – Master of Russian-Chinese translate, Heilongjiang University, Harbin, China.

модели обучения переводчиков с русского языка ОВЕ» (серийный номер: GJB1319111); Фонда исследования социально-экономического развития в провинции Хэйлунцзян (специальный проект по изучению иностранных языков) «Изучение механизма воздействия контекста на перевод литературы с русского на китайский язык» (серийный номер: WY2017025-A).

X. J. Guan, A. A. Zenina

Context – A Key to Chinese Translation of Russian Modal Particles

School of Russian Studies, Heilongjiang University, Harbin, China

Abstract. Context is the key to understanding the modal particles of source text and expressing the mood of target text. Due to the fact, that Russian and Chinese modal particles differ significantly, and they are often unique in their language environment, the translation of Russian modal particles into Chinese requires a special approach, which will fully convey the meaning of modal particles and the intonation of the original text. Such translation is restricted and selected by contexts. In different contexts, the pragmatic meaning of the same modal particle will also be different. The meanings of modal particle are often difficult to interpret. Only in different contexts, the pragmatic meanings and communicative functions of the modal particles are expressed. The translator must correctly identify the context of source text, then based on the context, decide what pragmatic meaning is assigned to the modal particle, and then adequately reconstruct the context in Chinese, using various translation methods, to convey the equivalent modal particles and parts of speech, phrases or sentences. Linguistic, situational and cultural context can resolve modal particle translation difficulties in different aspects. These three types of context determine the scope of translation of Russian modal particles into Chinese and influence the choice of translation methods. Hidden pragmatic meaning of the modal particles in source text, selected according to different contexts, will be revealed or hidden as before in target text.

Keywords: context, particles, Chinese translation, pragmatic meaning, communicative function, linguistic context, situational context, cultural context, source text, target text.

The given research is part of People's Republic of China Public Sciences Foundation "Study of the mechanisms of adapting to context when translating to Chinese language during war with Japan, and their values"; Humanities and Social studies of the PRC Ministry of Education Foundation "Study of the mechanisms of adapting to context when translating Japanese war period Soviet Russian literary works to Chinese, and their values for the contemporaries" (serial number 17YJA740013); Heilongjiang province Pedagogical Sciences Foundation "Study of the model of training translators from Russian (serial number GJB1319111); Heilongjiang province Foundation of Social and Economic development studies (special foreign languages study project) "Study of the mechanisms of context influence on literary translation from Russian into Chinese" (serial number WY2017025-A).

Введение

Контекст определяет значение модальных частиц, поэтому перевод модальных частиц должен опираться на него. В каких же конкретных случаях контекст влияет на перевод модальных частиц, каким образом проявляется его эффект и каким получается результат? Все эти вопросы изучены недостаточно.

Смысл модальных частиц зачастую неуловим, его с трудом можно понять, и это представляет определенные трудности при переводе. Различия между русскими и

китайскими модальными частицами весьма существенные, что делает перевод русских модальных частиц на китайский язык еще более сложным. Количество модальных частиц в русском языке весьма обширно – 138 единиц [1]. В русском языке модальные частицы располагаются в предложении произвольно, могут ставиться в начале, в середине и в конце предложения. Используются модальные частицы тоже довольно гибко: могут употребляться обособленно и выражать законченную мысль. Количество модальных частиц в китайском языке по сравнению с русским очень ограничено – всего 16 единиц, из них регулярно используемых всего 6 [2]. Их расположение в предложении определено достаточно строго: в основном модальные частицы в китайском языке находятся в конце предложения, изредка они встречаются в середине фразы. Самостоятельно же не используются почти никогда. Все эти различия создают определенные трудности при переводе. Но трудности вовсе не означают невозможность перевода. Модальные частицы – это способ выражения интонации, при определенном контексте они передают прагматическое значение высказывания. Поэтому, исходя из контекста, можно с помощью выявления прагматического значения модальных частиц в предложении исследовать проблемы их перевода.

Контекст и модальные частицы в русском и китайском языках

Как русские, так и китайские модальные частицы являются служебными словами. В отличие от знаменательных слов, которые имеют самостоятельные конкретные значения, служебные слова являются вспомогательным средством для передачи смысла знаменательных слов, важным способом передачи интонации фразы. В определенном контексте модальные частицы могут выражать отношение говорящего к сообщаемой им информации, проявляя тем самым прагматическое значение высказывания.

В «Грамматике русского языка» 1980 г. отмечено, что модальные частицы участвуют в образовании и выражении таких различных морфологических форм слова и форм предложения, как побуждение, предположение, предложение, пожелание. Модальные частицы выполняют комментирующую функцию по отношению к коммуникативному содержимому, они содержат в себе информацию об отношении говорящего к сообщаемому [3]. Отношение говорящего к содержимому высказывания является прагматическим значением, а прагматическое значение должно выражаться, опираясь на контекст. Модальные частицы в китайском языке являются важным элементом для выражения интонации высказывания. «Модальные частицы рассчитаны не только на то, чтобы отражать интонацию высказывания, они также могут усиливать степень выраженности интонации» [4, с. 242]. Модальные частицы в китайском языке в равной мере содержат в себе отношение говорящего к предмету высказывания и усиливают степень выраженности интонации высказывания, в этом заключается суть прагматического значения модальных частиц. Существует четыре вида интонаций, выражаемых с помощью модальных частиц: повествовательная, вопросительная, побудительная и восклицательная [2]. Некоторые модальные частицы в зависимости от контекста могут выражать разные интонации, проявляя различные прагматические значения фразы.

Таким образом, русские и китайские модальные частицы – это не бессмысленные слова, произвольно вставляемые в речь. Благодаря контексту они придают фразам прагматическое значение, передают особый смысл, вкладываемый говорящим в свои высказывания. При переводе модальных частиц должна сохраняться правильная интонация, а именно – прагматическое значение, при этом способ передачи интонации может варьироваться. При переводе русских модальных частиц на китайский язык прагматическое значение должно браться за основу, весь процесс перевода должен происходить в рамках конкретного контекста.

Контекстная обусловленность перевода модальных частиц с русского на китайский язык

Модальные частицы русского языка отличаются от китайских. В различных контекстах прагматическое значение одной и той же модальной частицы будет разное. При переводе на китайский язык необходимо использовать различные методы: нулевой перевод (оставление без перевода), пословный перевод (при переводе на китайский язык использовать аналогичную модальную частицу), описательный перевод (перевод модальной частицы на китайский язык с помощью других частей речи, словосочетаний или предложений). Какой конкретно метод будет использоваться – зависит от контекста. Перевод модальных частиц непременно должен опираться на контекст. С одной стороны, контекст может помочь переводчику понять переводимый текст, определить прагматическое значение модальной частицы. С другой стороны, контекст может помочь переводчику дать точную формулировку на языке перевода, в точности воспроизвести прагматическое значение модальной частицы.

Лингвистический, ситуативный и культурный – эти три вида контекста обуславливают рамки перевода русских модальных частиц на китайский язык. Лингвистический контекст весьма непосредственно обуславливает перевод модальных частиц на китайский язык, т. к. прагматическое значение модальных частиц напрямую зависит от содержания разговора. Ситуативный контекст очень сильно влияет на китайский перевод, поскольку модальные частицы часто используются в диалогах, а диалоги всегда ведутся в рамках той или иной ситуации. Культурный контекст обычно обуславливает процесс перевода на более высоком уровне, потому что он затрагивает культурные корни и человеческое мышление. Влияние контекста на процесс перевода модальных частиц на китайский язык является абсолютным, рамки этого перевода определяются различными ситуациями. Три вида контекста совместно воздействуют на процесс перевода. Наиболее значимая роль отводится первым двум. Для того чтобы было удобнее анализировать, поясним разницу между тремя видами контекста.

Лингвистический контекст

Лингвистический контекст по величине может быть очень разным: как словосочетанием и речевым оборотом, так и фразой, абзацем, статьей и даже целой книгой. Основным предметом исследования в данной статье является диалог, поэтому обсуждаемый нами лингвистический контекст в основном означает контекст фразы или обращения. Лингвистический контекст предопределяет прагматическое значение модальной частицы в переводимом тексте, указывает на ее коммуникативную функцию, он основа понимания переводимого текста. В то же время при формулировании высказывания на языке перевода из-за влияния контекста переводчик порой вынужден оставлять без перевода модальные частицы или переводить их другими словами. Рассмотрим следующие примеры:

1) Вот видишь ли, – сказал Степан Аркадьич, – ты очень цельный человек.

“你要知道，”奥勃朗斯基说，“你是个一丝不苟的人。”(Пер. Цаоин).

2) Нет, ты точно думаешь, что это возможно? Нет, ты скажи все, что ты думаешь! Ну, а если, если меня ждет отказ? И я даже уверен...

“不！你认真想想，这可能吗？不，你把你所想的一切都说出来！可是，如果，如果等着我的是拒绝呢？……而且我甚至相信.....” (Пер. Кэбин).

3) Люди как люди...

Нет, это люди особые.

“不过是些普普通通的人。”

“不，这是些特殊的人。” (Пер. Юань Цзяньпин).

В первом примере фраза «ты очень цельный человек» представляет собой оценку, которую дает говорящий своему собеседнику, в переводе на китайский язык «你是个一丝不苟的人». Обусловленная контекстом модальная частица «вот видишь ли» должна переводиться фразой, выражающей когнитивное значение «你要知道», а не «你快看» или

«你看到了吗» и т. п. Во втором примере коммуникативной функцией модальной частицы «ну» является связь реплик между собой при изменении хода мысли говорящего. Перевод фразы «а если, если» — «可是, 如果, 如果» перекрывает коммуникативную функцию частицы «ну», поэтому «ну» здесь не переводится. В третьем примере перевод фразы «это люди особые» — «这是些特殊的人» определяет перевод фразы «люди как люди», в которой перевод слова «как» должен передать оценочное значение «普普通通的», являющееся антонимом слову «特殊的».

Кроме ситуаций, когда следующий текст определяет перевод предыдущего, предыдущий текст также может определять перевод следующего. В четвертом примере «вот что» несет в себе обобщающее значение, подводит итог предшествующей фразе «Молод, слабосилен я», и переводится самостоятельным придаточным предложением «的确, 如此!», которое показывает отношение говорящего к своему высказыванию.

4) Молод, слабосилен я, – вот что! Не поверили мне, не пошли за моей правдой, – значит – не умел я сказать ее!

接着他忽然自言自语地说:

"我太年轻,势单力薄,的确如此!我说的话他们不信,我讲的真理无人响应,看来我还没有把真理说明白!....." (Пер. Чжэн Хайлин).

Ситуативный контекст

В русской разговорной речи модальные частицы используются постоянно, при этом они тесно связаны с ситуацией. На основании ситуации, переводчик должен понимать, какое прагматическое значение придает фразе модальная частица, после чего найти подходящий способ выражения соответствующей интонации на китайском языке. Из-за того, что в этих двух языках количество модальных частиц очень сильно разнится, при переводе на китайский язык зачастую невозможно найти аналогичную переводимой модальную частицу, а можно только передать ее значение другими словами при условии сохранения прагматического значения. Ситуативный контекст, влияющий на перевод модальных частиц на китайский язык, включает в себя тему разговора, отношения между беседующими людьми, способ коммуникации и т. д. Рассмотрим на примерах:

5) Я и то еду послезавтра, Агафья Михайловна. Надо дело кончить.

Ну, какое ваше дело! Мало вы разве и так мужиков наградили!

"我后天就走, 阿加菲亚•米哈伊洛夫娜, 得把事办完。"

"咳, 您那是什么事!难道您赏给农夫们的还少吗!" (Пер. Кэбин).

6) Вчера он опять звонил.

Ну?

Четвёртый раз на этой неделе.

Ну?

Мне всё это кажется странным.

"他昨天又打电话过来了。"

"怎么了?"

"这已经是这个星期第四次打过来了。"

"那又怎样?"

"我觉得这一切很反常。" (Пер. Чжоу Шуцзюань).

В ситуативном контексте отношение собеседников к теме разговора влияет на выбор приема перевода модальных частиц. В пятом примере модальная частица «ну» – своего рода реакция говорящего на поднятую собеседником тему, выражающая некоторое недоумение и слегка негативное отношение. При переводе на китайский язык эта частица передается междометием «咳», воспроизводящим позицию говорящего и выполняющим необходимую коммуникативную функцию. В шестом примере обе частицы «ну» выражают встречный вопрос говорящего собеседнику, вторая частица «ну» к тому же выражает несогласие говорящего с сомнениями собеседника. В китайском языке нет соответствующей модальной частицы, поэтому остается только тем или иным способом

выразить содержащуюся в переводимой модальной частице информацию. Ее можно выразить с помощью коротких фраз «怎么了？» и «那又怎样？». Эти фразы точно передают отношение говорящего к сказанному собеседником и воспроизводят коммуникативную функцию оригинального диалога.

7) Спасибо, мать! Я поужинал. Так вот, Павел, ты, значит, думаешь, что жизнь идет незаконно?

Перевод 1: “谢谢你，大妈，我吃过饭了。巴维尔，你是否觉得这样生活下去不大合理呢?” (Пер. Чжэн Хайлин).

Перевод 2: “谢谢你，老婶子！我已经吃过晚饭了。看来，巴维尔，你认为现在过的是不合理的生活喽？” (Пер. Мэн Циншу).

Авторский перевод : “谢谢你，大妈！我吃过饭了。那么，巴维尔，看来，你认为现在过的是不合理的生活喽？”

8) Уж пора забыть это.

Нет, вот не забываю.

“该忘掉这个了。”

“不，就是忘不了。” (Пер. Фу Ди).

В данном ситуативном контексте позиция говорящего по отношению к собеседнику также влияет на выбор способа перевода модальных частиц. В седьмом примере модальные частицы «так вот» и «значит» демонстрируют равный коммуникативный статус говорящих, речь говорящего очень свободна, он говорит то, что думает. В этой фразе присутствуют сразу две модальные частицы, в авторском переводе они переведены с помощью вводных слов «那么» и «看来», точно воспроизводящих коммуникативную ситуацию. В восьмом примере модальная частица «уж» усиливает побудительную интонацию фразы, выделяет стремление говорящего успокоить своего собеседника. При переводе на китайский язык она передается модальной частицей «了», которая выражает эмоциональное значение переводимой фразы и особенности интонации.

9) А теперь скажи мне, что это ты все время употребляешь слова «добрые люди»? Ты всех, что ли, так называешь?

Перевод 1:“现在你告诉我，你为什么总说‘善人’呢？莫非你把所有的人都称为善人？” (Пер. Цянь Чэн).

Перевод 2:“那么现在告诉我，你一直使用‘善良的人’这个词，是什么意思？难道你对谁都这么称呼吗?” (Пер. Янь Юнсин).

Авторский перевод: “现在你告诉我，你怎么总说‘善人’呢？莫非你把所有的人都称为善人不成?”

В данном ситуативном контексте коммуникативная модальность говорящего также может оказывать влияние на выбор способа перевода модальных частиц. Модальные частицы часто используются при устном общении, интонация в разговорной речи – это один из важнейших контекстов. В девятом примере приведена цитата из «Мастера и Маргариты». Фраза хоть и принадлежит прокуратору, но в ней используется разговорная модальная частица «что ли», это требует от переводчика воспроизведения идентичной коммуникативной ситуации. Чтобы подчеркнуть разговорную особенность фразы, в качестве перевода следует использовать «莫非.....不成».

Культурный контекст

Влияние культурного контекста на перевод русских модальных частиц на китайский язык заключается в основном в различиях культурных корней и образа мышления носителей разных языков. Культура влияет на способ выражения прагматической информации, заключенной в модальных частицах, поэтому зачастую невозможно сохранить изначальный смысл при дословном переводе и приходится давать дополнительные пояснения. Что касается образа мышления, «разные нации имеют разный образ мышления, поэтому неодинаковы и способы его выражения» [5, с. 168]. Русские модальные частицы могут использоваться как самостоятельное предложение и

выражать законченную мысль. Смысл, содержащийся в них, понятен русским людям без слов. При переводе на китайский язык необходимо изменить форму выражения, потому что китайские модальные частицы не могут самостоятельно выражать законченную мысль.

10) А у приказчиков клади сахара в стакан хоть по пять кусков.

管事先生那里可往杯子里随便放糖，哪怕一下放五块！(Пер. Хуа Шао).

11) А я получила из Москвы письмо. Мне пишут, что Кити Щербацкая очень больна.

Неужели? – нахмурившись, сказал Вронский.

“我收到莫斯科来的一封信，信中说，吉蒂•谢尔巴茨卡亚病得很重。”

“是吗?”沃隆斯基皱起眉头说。 (Пер. Кэбин).

В десятом примере в основном отражено влияние культуры на перевод. В русской культуре в чай или кофе всегда кладут сахар (обычно рафинад), количество кусков сахара зависит от личных предпочтений, но обычно это 1-2 куска. Жизненные обстоятельства в этом примере – период дефицита, у простого народа, в отличие от чиновников, нечасто была возможность есть сахар. В переводимом тексте модальная частица «хоть» означает «можно класть больше, чем обычно, сколько заблагорассудится». Из-за различий в культуре китайский читатель, вероятно, с трудом сможет понять истинный смысл этой ситуации. В перевод добавляется разъясняющая фраза «随便放糖», которая позволяет полностью раскрыть смысл переводимого текста для читателей, принадлежащих к другой культуре. В одиннадцатом примере модальная частица «неужели» является самостоятельным законченным предложением, которое означает «не должно быть так» или «никак не ожидал, что будет так, но так и есть». В китайском языке нет аналогичной модальной частицы, поэтому остается только перевести смысл, содержащийся в русском тексте, таким образом в полной мере раскрыв коммуникативную цель оригинала. Точно так же, как и в шестом примере, модальная частица «ну» являлась самостоятельным законченным предложением и представляла собой ответ на слова собеседника, при этом в полной мере отражала как смысл, так и отношение говорящего. В китайском языке однако не существует соответствующего слова, и можно лишь, используя несколько слов, описать прагматическую информацию переводимого текста.

Влияние контекста на перевод модальных частиц с русского на китайский язык.

При переводе русских модальных частиц на китайский язык изменение способа выражения интонации должно происходить при условии сохранения равнозначности прагматических значений оригинала и перевода. Перевод модальных частиц на китайский язык производится на основе контекста, прагматическое значение частиц в результате перевода может стать эксплицитным, но может и остаться имплицитным.

Имплицитное прагматическое значение

Имплицитное прагматическое значение подразумевает, что переводной текст стремится как можно больше походить по стилю на переводимый текст. В рамках контекста необходимо по мере возможности избегать передачи прагматического значения оригинала посредством описания смысла, чтобы при чтении не возникало ощущения излишней прямолинейности. Необходимо оставлять читателю пространство для воображения. В вышеприведенном примере 8 прагматическое значение, выражаемое модальной частицей «уж», – «не стоит продолжать переживать по этому поводу». Эта частица переводится на китайский посредством модальной частицы «了», которая выражает аналогичную побудительную интонацию, при этом прагматическое значение остается имплицитным.

12) Послали его учиться, он и учись.

派他去学习，他就得学习。(Пер. Хуа Шао).

13) Это значит, ты даром отдал лес, – мрачно сказал Левин.

То есть почему же даром? – с добродушною улыбкой сказал Степан Аркадьич, зная, что теперь все будет нехорошо для Левина.

“这就是说，你把森林当礼送了。”**列文阴郁地**说。

“**怎么是送了礼?**”**斯捷潘•阿**尔卡基奇和蔼地微笑着说，他知道，此刻对列文来说，什么都不顺眼。(Пер. Кэбин).

В двеннадцатом примере модальная частица «и» означает «должен», то есть «не должен заниматься несвязанными с учебой делами», при переводе на китайский передается наречием «就得», которое передает прагматическое значение слова «должен», но в то же время делает это не прямолинейно. В тринадцатом примере модальная частица переводится посредством вопросительного местоимения, прагматическое значение которого «вовсе не даром» проявляется имплицитно, но при этом сохраняет интенсивность интонации риторического вопроса источника.

Эксплицитное прагматическое значение

Эксплицитное прагматическое значение подразумевает, что перевод стремится к максимальной эквивалентности передаваемой информации. Под действием контекста имплицитное прагматическое значение оригинала переводится с помощью описания, что позволяет облегчить понимание смысла читателем. Рассмотрим следующие примеры:

14) А счастье не в богачестве, зачем оно, сынок? Нам бы хлебушка кусок, да водицы глоток, да изба с потолком, да старуха под боком.

财富并非幸福，儿子，何必要身外之物？我们只要面包一块，清水一口，小屋有房盖，身边有老伴。这些能有，也就足够。(Пер. Хуа Шао).

15) Впрочем, наше дело маленькое. Наше дело прокукарекать, а там хоть и не рассветай.

顺便说，咱们的工作微不足道，咱们就象报晓的公鸡只管叫，**哪怕天不亮也管不着**。(Пер. Хуа Шао).

16) Довольно! Я воюю с девятьсот четырнадцатого года. За что? За отечество? А это отечество, когда бросили меня на позор?! … И я опять иди к этим светлостям? Ну нет.

够了！我从1914**年起就打仗**。为了什么？为祖国，当我被人遗弃饱受凌辱时，这个祖国在哪里呢？！.....**我**现在又得去找这些大人先生们？**得了吧**, **不去**。(Пер. Хуа Шао).

В четырнадцатом примере в соответствии с контекстом очевидно, что модальная частица «бы» означает «если иметь …, то будешь доволен». В китайском языке нет аналогичного слова, поэтому эта частица переводится целым предложением «这些能有，也就足够». Имплицитное прагматическое значение становится эксплицитным, и это делает перевод более понятным для читателя. В пятнадцатом примере модальная частица «хоть» в этом контексте заключает в себе следующий имплицитный смысл: «даже если …, ничего страшного», и переводится посредством слова «哪怕», которое передает интонацию допущения говорящим любого исхода, а при добавлении словосочетания «**也管不着**» раскрывается имплицитный смысл переводимой модальной частицы. В шестнадцатом примере благодаря контексту можно понять, что модальная частица «ну» выражает негативную, неприязненную интонацию. На китайский язык она переведена посредством словосочетания «**得了吧**», которое ярко проявляет изначальный смысл, но форма выражения при этом переходит из имплицитной в эксплицитную.

Заключение

При переводе модальных частиц главное – сохранять их интонацию, а способы выражения интонации могут варьироваться. Из-за различия русских и китайских модальных частиц от переводчика требуется решать трудности их перевода, основываясь на контексте. Процесс перевода китайских модальных частиц и выражение их прагматического значения ограничиваются рамками контекста. Контекст – это ключ к пониманию смысла модальных частиц переводимого текста и к выражению этого смысла на языке перевода. Лингвистический, ситуативный и культурный контексты оказывают совместное влияние на процесс перевода модальных частиц с русского на китайский язык, в том числе – на выбор способа перевода. Под влиянием контекста модальная частица переводимого текста, имеющая имплицитное прагматическое значение, при переводе

может выразиться как имплицитно, так и эксплицитно. Имплицитность передает изящество языка оригинала, эксплицитность же помогает лучше понять смысл.

Литература

1. Ван Ю. Исследование имплицитного смысла модальных частиц русского языка. – Харбин: Народное издательство провинции Хэйлунцзян, 2008.

2. Хуан Б., Ляо С. Современный китайский язык. – Пекин: Издательство «Высшее образование», 1997.

3. Синь Д. Грамматика русского языка. – Пекин: Издательство «Преподавание и изучение иностранных языков», 1990.

4. Син Ф. Грамматика китайского языка. – Чанша: Издательство Северо-Восточного педагогического университета, 2000.

5. Хэ Ц., Жань Ю. Введение в прагматику. – Чанша: Издательство просвещения Хунани, 2002.

References

1. Van Yu. Issledovanie implicitnogo smysla modal'nyh chastic russkogo yazyka. – Harbin: Narodnoe izdatel'stvo provincii Hejlunczyan, 2008.

2. Huan B., Lyao S. Sovremennyj kitajskij yazyk. – Pekin: Izdatel'stvo «Vysshee obrazovanie», 1997.

3. Sin' D. Grammatika russkogo yazyka. – Pekin: Izdatel'stvo «Prepodavanie i izuchenie inostrannyh yazykov», 1990.

4. Sin F. Grammatika kitajskogo yazyka. – CHansha: Izdatel'stvo Severo-Vostochnogo pedagogicheskogo universiteta, 2000.

5. He C., ZHan' YU. Vvedenie v pragmatiku. – CHansha: Izdatel'stvo prosveshcheniya Hunani, 2002.

УДК 811.161.1

С. И. Маджаева, Э. М. Байдашева

К вопросу об изучении термина с компонентом цветообозначения в языке медицины

Астраханский государственный медицинский университет, г. Астрахань, Россия

Аннотация. В данной статье рассматриваются термины с компонентом цветообозначения в языке медицины. Выявлено, что повышается интерес к исследованию цвета в самых различных аспектах. Актуальность исследования определяется интересом к проблематике, связанной с теоретическим и практическим изучением терминов с компонентом цветообозначения, а также к вопросу их использования в языке медицины. Целью представленного исследования является изучение феномена цвета в медицинской терминологии. Доказано, что возникновение цветовой лексики, наличие развитой системы цветообозначений в большинстве языковых систем, сложность их семантической структуры являются подтверждением значимости цветообозначения в когнитивной деятельности человека. Рассмотрено, что существует наука колористика, изучающая и объясняющая явление цвета: происхождение цвета тел и всех наблюдаемых объектов, изменения цвета при различном освещении и на различных расстояниях, смешение, взаимодействие цветов и основы их гармонизации. Учеными исследовано, что развитие медицинской терминологии идет параллельно с развитием медицины. Выявлено, что не существует унифицированного лингвистического термина для терминов с компонентом цветообозначения. Выделено несколько тенденций в обозначении подобных лексем: цветообозначение, имя цвета, термин цвета, хроматоним, колороним, а также более описательные выражения типа наименование/название цвета, выражение с цветовым компонентом и т.д. Каждое новое медицинское понятие зафиксировано термином. Рассмотрено, что термины являются ядром языков профессиональной коммуникации и принадлежат определенной терминосистеме. Представлена семантика медицинских терминов с элементами цветообозначения, выявлено, что некоторые термины меняют свою семантику в современном мире в языке медицины. Рассмотрены свойства медицинских терминов с компонетом цветообозначения: оттенок, интенсивность, глубина, светлота, насыщенность, яркость, контрастность. Наивысшая частотность колористической номинации зафиксирована в тематической группе «кожные болезни», так как дерматология является такой клинической дисциплиной, в которой преобладают визуальные методы обследования больного. Выявлено, что цветовые лексемы входят в состав медицинской терминологии как символы номинации заболеваний, цвета кожи, названий кровяных клеток, внешнего вида больного, особенностей организма. Популярность цветообозначений как предмета исследования объясняется

МАДЖАЕВА Санья Ибрагимовна – д. филол. н., доцент, зав. кафедрой латинского и иностранных языков Астраханского государственного медицинского университета.

E-mail: sanya-madzaeva@yandex.ru

MADZAEVA Sanya Ibragimovna – Doctor of Philology sciences, associate Professor of the Chair of the Latin and foreign languages of Astrakhan state medical University.

БАЙДАШЕВА Эльвира Максутовна – к. психол. н., старший преподаватель кафедры латинского и иностранных языков Астраханского государственного медицинского университета.

E-mail: bem27@mail.ru

BAYDASHEVA Elvira Maksutovna-candidate of psychological Sciences, senior lecturer of the Chair of the Latin and foreign languages of Astrakhan state medical University.

тем, что они оказываются частью более глобальной проблемы соотношения содержания и формы языкового знака в определенном языке, что делает изучение вопроса особенностей семантики цветообозначений актуальным как в теоретическом, так и в практическом плане.

Ключевые слова: цветообозначение, колористика, цветовая лексема, термин, оттенок, интенсивность, глубина, светлота, насыщенность, яркость, контрастность, хроматоним, медицинская терминология, терминосистема.

DOI 10.25587/SVFU.2020.75.55416

S. I. Madzhaeva, E. M. Baydasheva

On the Question of Studying the Term with a Component of Color Designation in the Language of Medicine

Astrakhan state medical University, Astrakhan, Russia

Abstract. This article discusses the terms with the component of color designation in the language of medicine. It is revealed that there is an increasing interest in the study of color in various aspects. The relevance of research is determined by the interest in issues related to theoretical and practical study of the term with component color terms, and to their use in the language of medicine. The aim of this study is to study the phenomenon of color in medical terminology. It is proved that the emergence of color vocabulary, the presence of a developed system of color meanings in most language systems, the complexity of their semantic structure are confirmation of the importance of color meanings in human cognitive activity. It is considered that there is a science of coloristics that studies and explains the phenomena of color: the origin of the color of bodies and all observed objects, color changes under different lighting and at different distances, mixing, interaction of colors and the basis of their harmonization. The scientists have studied that the development of medical terminology is parallel with the development of medicine. It is revealed that there is no unified linguistic term for terms with color component. Several trends in the designation of such lexemes are highlighted: color designation, color name, color term, chromatonym, coloronym, as well as more descriptive expressions such as name / color name, expression with a color component, etc. Each new medical concept is fixed by an exact word-term. It is considered that the terms are the core of professional communication languages and belong to a certain term system. The semantics of medical terms with elements of color designation is presented, it is revealed that some terms change their semantics in the modern world in the language of medicine. The properties of medical terms with the component of color designation are considered: hue, intensity, depth, lightness, saturation, brightness, contrast. The highest frequency of coloristic nomination is recorded in the thematic group "skin diseases", since dermatology is a clinical discipline in which visual methods of examination of the patient prevail. It was revealed that color tokens are a part of medical terminology as symbols of nomination of diseases, skin color, names of blood cells, appearance of the patient, features of an organism. The popularity of color meanings as a subject of research is explained by the fact that they are part of a more global problem of the relationship between the content and form of a language sign in a particular language, which makes the study of the features of the semantics of color meanings relevant both in theoretical and practical terms.

Keywords: color designation, coloristics, color token, term, hue, intensity, depth, lightness, saturation, brightness, contrast, chromatonym, medical terminology, term system.

Введение

Феномен цвета является предметом изучения различных областей знания: физики, психологии, лингвистики, медицины, этнологии, культурологии, философии, эстетики и др. Это свидетельствует о сложности и многомерности понятия «цвет». Для каждой из названных наук данное понятие специфично. Вопросы, решаемые специалистами разных профессий, во многом остаются открытыми, несмотря на существование огромного количества публикаций по проблеме цвета. В этих условиях закономерным является повышенный интерес к исследованию цвета в самых различных аспектах.

Актуальность данного исследования определяется интересом к проблематике, связанной с теоретическим и практическим изучением терминов с компонентом цветообозначения, а также к вопросу их использования в языке медицины.

Целью нашего исследования является изучение феномена цвета в медицинской терминологии.

Каждая историческая эпоха, отрасль науки или практической деятельности углубляет и обогащает представления о роли *цвета* в окружающем мире и жизни человека.

В научной литературе рассматривались такие вопросы, как состав цветообозначений, их семантическая структура и классифакция (Брагина (1970), Wenning W. (1985), Morgan G., Дюпина, Шакирова, Чуманова (2003), Маджаева, Байдашева (2019) и др.); этимология и история цветовой лексики (Бахилина (1975), Krieg (1979), Колесов (2002, 2005), Василевич (2007) и др.); цветообозначения в аспекте перевода (Василевич (1988), Фененко (2001)); метафоры цвета (Маджаева, Байдашева (2019), Jakobs W., Jakobs V. (1958) и др.); символика цвета (Goethe. I.-W. (1995), Тэрнер (1983)); уровень развития цветовых представлений в культурах народов мира на разных исторических этапах (Berlin B. & Kay P. (1969), Гладкова (2016) и др.); цветообозначения в составе устойчивых сочетаний (Павлюченкова (1984), Кайбияйнен (1995)); цветообозначения в составе фразеологизмов (Бедоидзе (1997), Розен (2000)); словообразование лексики со значением цвета (Иваровская (1998); Краснянский (2001), Байдашева (2019) и др.). Многие работы посвящены анализу отдельных цветообозначений (Брагина (1970), Василевич (2005) и др.). Значительные результаты достигнуты в изучении лексики со значением цвета в области психолингвистики (Фрумкина (2001), Василевич (2003) и др.). Создан «Каталог названий цвета в русском языке» и описаны современные тенденции развития слов-цветонаименований в русском языке (Василевич, Кузнецова (2005)). Выражения «термин цвета», «цветовой термин» возникли в связи с распространением идей Б. Берлина и П. Кея. Прежде чем говорить о цветовом термине, вспомним о дефиниции термина, который необходим для определения понятия «цветовой термин».

Важными, на наш взгляд, для понимания специфики термина являются работы А. А. Реформатского. Его работы по общей теории термина выходят на рубеже 1950-1960-х гг., знаменуя резкое повышение интереса лингвистов к этому кругу вопросов. Основная работа А. А. Реформатского по терминоведению «Что такое термин и терминология» (1959) не утратила своей значимости, на нее продолжают ссылаться и сегодня. Термины, по мнению А. А. Реформатского, – «это слова, ограниченные своим особым назначением; слова, стремящиеся быть однозначными как точное выражение понятий и называние вещей» [1, с. 110-111]. А. А. Реформатский писал, что терминология как совокупность слов – это «слуга двух хозяев»: системы лексики и системы научных понятий» [2, с. 122]. Анализ лингвистической литературы свидетельствует о том, что в понимании проблемы «цветового термина» у исследователей нет единого мнения: «наиболее слабым звеном в терминоведении до сих пор остается выяснение природы термина, так как термин представляет собой не только многоаспектный, но и внутренне противоречивый объект исследования» [3, с. 10]. В работах В. П. Даниленко приводится около двадцати определений термина, причем автор подчеркивает, что этот перечень может быть продолжен, и это подтверждено современными работами (В. М. Лейчик, 2001;

С. Л. Мишланова, 2002; С. И. Маджаева и др.). По мнению многих ученых (В. Ф. Новодрановой, 2004; В. М. Лейчик, 2010; С. И. Маджаевой, 2012 и др.), это новая система взглядов на термин, терминосистему, терминосодержащие тексты разного характера. Термины являются ядром языков профессиональной коммуникации и принадлежат определенной терминосистеме. Исследуя разные взгляды ученых на понятие «термин», мы пришли к выводу, что очевидна связь термина с определенной областью знаний или специальностью (например, существуют научные термины, технические термины, медицинские термины и т. д.). По мнению С. И. Маджаевой, «термин отражает уровень познания в определенной области, закрепляет полученные человеком знания и становится инструментом этого знания, поскольку дает возможность углублять, обогащать их и передавать другим» [4, с. 130]. В этом случае возникает вопрос, существует ли некая «терминосистема цвета», в которую входят «термины цвета», т. е. существует ли специальный язык, язык профессиональной коммуникации, где «термины цвета» использовались бы как основа для устного и письменного общения. Этот вопрос остается открытым для дальнейшего исследования в различных областях науки. Дифференциация патологии и нормы, эмоционального состояния человека, степени поражения органа осуществлялась посредством терминов цвета ещё в период зарождения научной медицины.

Цветообозначение в медицинской терминологии

Существует наука колористика, изучающая и объясняющая явления цвета: происхождение цвета тел и всех наблюдаемых объектов, изменения цвета при различном освещении и на различных расстояниях, смешение, взаимодействие цветов и основы их гармонизации. Основными терминами данной науки являются «цвет», «цветовой тон», «насыщенность», «контраст», «колорит», «смешение цветов» и т. д. В колористике не существует конкретного «термина цвета», а понятие «название цвета» является лишь определением цветового оттенка (красный цвет, синий цвет, сине-зеленый цвет и т. д.). При этом названия цветов применяются не только в колористике, но и в других областях науки и производства (в составе терминов, номенклатурных названий, профессионализмов в экономике, архитектуре и строительстве, дизайне, машиностроении, косметологии, медицине и др.), т. е. так называемые «термины цвета» не являются принадлежностью некой «терминосистемы цвета». Таким образом, выражение «термин цвета» – еще один способ описания лексем с цветовым значением, поэтому, на наш взгляд, оно неприменимо. Перейдем к попыткам языковедов использовать более конкретный лингвистический термин для обозначения лексических единиц с цветовым значением. Термин С. А. Цыгановой «хроматоним» (от греч. chroma «цвет» + onym «имя») [5, с. 36], с нашей точки зрения, может быть применен не ко всем названиям цветов. Безусловно, в отношении названий ахроматических цветов (бесцветных) – белого, черного и серого – данный термин не может быть использован. В этом случае возникают сложности с окказиональными и номенклатурными названиями цветовых оттенков белого, черного и серого: например, угольно-черный, белый жемчуг, черный уголь / charcoal black, iceberg white, black head.

Недавно вошедший в употребление термин «колороним» (лат. color «цвет» + греч. onym «имя») является, на наш взгляд, более удачным, поскольку он может быть применен для обозначения названий любых цветовых оттенков (в том числе и ахроматических). Вполне возможно, что данный термин получит довольно широкое употребление, поскольку он образован на основе распространенной модели, по которой были образованы такие термины, как гидроним, зооним, фитоним и др. Наряду с данным термином, в научных работах используются выражения «название цвета», прилагательное/существительное/глагол/наречие со значением цвета/с цветовым компонентом в качестве синонимичных.

Анализ многочисленных работ, посвященных исследованию слов и выражений, обозначающих цветовые оттенки, позволил выявить, что не существует

унифицированного лингвистического термина для терминов с компонентом цветообозначения. Выделяется несколько тенденций в обозначении подобных лексем: цветообозначение, имя цвета, термин цвета, хроматоним, колороним, а также более описательные выражения типа наименование/название цвета, выражение с цветовым компонентом и т. д. Мы считаем, что понятие «цветообозначение» следует понимать как общий процесс обозначения цветовых оттенков в языке; понятие «имя цвета» может быть использовано в ономасиологическом аспекте, причем только при изучении названий основных цветов. Термин «хроматоним» является неудачной попыткой унификации, поскольку исключает обозначения ахроматических цветов; наиболее удачным мы считаем термин «колороним», благодаря часто воспроизводимой модели образования и «прозрачности» самого термина; «остальные описательные выражения могут быть использованы как синонимичные во избежание тавтологии» [5, с. 36].

Таким образом, вслед за Д. Н. Борисовой мы употребляем термины «цветообозначения», «колороним» как наиболее удачные для исследования нашей проблемы.

Медицинская терминология включает в себя клиническую, анатомическую, фармацевтическую терминологию. Для медицинской терминологии характерно функционирование как слов русского, греческого и латинского происхождения, так и слов, заимствованных из западноевропейских языков. Нельзя не согласиться с мнением ученых, что медицинская терминология является макросистемой, в которой каждый медицинский термин соответствует своей микротерминосистеме (анатомической, гистологической, эмбриологической, гинекологической, дерматологической, физиотерапевтической и т. д.).

Исследование медицинской терминологии показало, что «термин определяется как сложная и противоречивая единица языка, создающаяся в процессе научного творчества. Термины рассматриваются как быстро развивающийся пласт лексики, образующийся и изменяющийся в соответствии с развитием знаний» [6, с. 83]. Среди них присутствуют и лексические понятия с обозначением понятия «цвет».

Для анализа были отобраны 453 медицинских термина на русском языке и их аналоги в английском, имеющие в своем составе компоненты цветообозначения. На основании анализа медицинских словарей нами были проанализированы термины с цветообозначениями белый, красный, желтый, черный, зеленый, синий, розовый, коричневый. Белый составляет 37,7% от количества исследованных терминов с колоронимом; красный – 23,5%; желтый – 10,3%; черный – 9,7%; зеленый – 9,3 %; синий – 8,6%; розовый – 4,6%; коричневый – 2,1%. Мы пришли к выводу, что медицинские термины с компонентом цветообозначения имеют следующие свойства: оттенок, интенсивность, глубина, светлота, насыщенность, яркость, контрастность.

Рассмотрим свойства медицинских терминов с цветообозначением в языке медицины:

1. Оттенок является разновидностью цвета, отличающей от основного по силе тона. Например, в термине «кожа с желтушным оттенком», который имеет два эквивалента в английском языке: 1) bile-tinged skin, 2) icteric [ictericting] of skin, акцентируется болезнь. Например, bile с английского языка на русский язык переводится желчь (биологическая жидкость желтого цвета, вырабатываемая печенью), tinge – глагол в переводе на русский язык означает окрашиваться, получать оттенок. Из этого следует, что восприятие обоих терминов в русском и английском языке совпадает, желтушный – связанный, соотносящийся по значению с существительным желтуха. Большинство терминов с цветовыми оттенками в современных медицинских англо-русских словарях в переводе на русский язык содержат в своем составе медицинские термины, заимствованные из латинского языка, обозначающие какой-либо цвет с оттенком: billuria/билиурия. Выше было исследовано, что bile с английского языка на русский язык переводится желчь, т. е. биологическая жидкость желтого цвета, вырабатываемая печенью, +uria – клинический термин греческого происхождения, т. е. конечный терминоэлемент, обозначающий функцию организма, в переводе на русский язык имеет другое значение – мочевыделение.

В фармацевтической терминологии частотный отрезок –ur имеет терапевтический характер и переводится как «мочегонный», а в русском языке означает «цветной оттенок»; билиурия, т. е. присутствие желчи или солей желчных кислот в моче с бледно-желтым оттенком.

2. Интенсивность (насыщенность) – уровень концентрации цвета (преобладание того или другого тона). Например, термин «интенсивная пигментация» / «intensive pigmentation» указывает на то, что пигмент – это вещество, придающее коже определенную окраску. Причиной пигментации является переизбыток в коже меланинового фермента. На основании анализа англо-русских медицинских словарей нами были проанализированы термины с интенсивностью цвета: бледно-желтый составляет 7% от количества исследованных терминов с компонентом цветообозначения со свойством интенсивности, темно-красный – 5%; темно-зеленый – 3%; темно-синий – 6%; ярко-розовый – 4%; темно-коричневый – 2%. Из вышеуказанного следует, что медицинские термины с компонентом цветообозначения имеют свойства интенсивности, насыщенности и яркости. Например, в английском языке поливербальный термин, заимствованный из латинского языка cutis marmorata – мраморная кожа, приобретает насыщенность цвета во время протекания болезни больного, т. е. возникшая при охлаждении синевато-фиолетовая пятнистость кожи встречается и при истощающих заболеваниях и приобретает насыщенный сине-фиолетовый цвет. По мнению Бекишевой, «цвет играет большую роль в категоризации научных концептов, показывая, что новое познаётся специалистом-медиком прежде всего с помощью визуальных средств, напр., болезнь голубая (син. лихорадка пятнистая), краснуха, болезнь бронзовая и т. п.» [7].

Колористические термины закрепляются за научным концептом обычно на первых этапах изучения какого-либо патологического явления, когда этиология и патогенез заболевания ещё неизвестны. По мере углубления и расширения знаний о природе и течении болезни нередко появляется новый термин для её обозначения, напр., болезнь мраморная – остеопетроз врождённый; бледная немочь, хлороз ранний.

Анализируя мнение ученых, можно сделать вывод, что медицинские термины в английском языке xanthism/ксантизм (пигментная аномалия брюнетов, проявляющаяся насыщенным красным или желто-красным цветом волос, медно-красной кожей и часто бледным, насыщенным пигментом радужки) и cyanophil (клетка/элемент, избирательно окрашивающаяся в насыщенный голубой цвет, показывает интенсивность и насыщенность цвета) – греческого происхождения.

Следовательно, при передаче интенсивности нет необходимости указания на определенный цвет, поскольку насыщенность сама по себе передает яркость и светлость цвета, а именно отличность цвета разных участков кожи. В результате анализа концептуального содержания колористических наименований нами были выделены следующие тематические группы, дифференцируемые на основе сфер функционирования термина: 1) наименования проявлений болезни: желтуха, цианоз (от греч. kyanos – темно-синий); 2) названия кожных заболеваний: гранулёз носа красный; 3) названия врождённых заболеваний: альбинизм (от лат. albus – белый); 4) психиатрические термины: кретинизм (от лат. creta – мел; название дано по цвету кожи больного); 5) наименования внутренних заболеваний: цирроз печени (от греч. kirros – лимонно-жёлтый); 6) онкологические термины: меланома (от греч. melanos – чёрный).

3. Яркость и контрастность, как и светлота с глубиной, передают в большей степени восприятие какого-либо цвета. Например, термин с использованием прилагательного «белый». Термин «белая опухоль» имеет два варианта перевода: white swellin и tumor albus. Латинское прилагательное albus (белый) используется наравне с английским прилагательным white. Проанализируем медицинские термины «серый инфаркт» – «anamic [pale. white] infarct». Использование прилагательного, обозначающего цвет, в данном случае необходимо для описания признака инфаркта, а именно цвета кожи в момент заболевания.

Из данного примера следует, что в русском языке при описании кожи используется прилагательное серый, в английском – белый.

Выражение понятия красный в английском языке можно встретить как в словосочетаниях, так и в моновербальных терминах. В одних словосочетаниях красный выражается в качестве прилагательного red blood cell/red blood corpuscle – красное кровяное тельце, red marrow – красный костный мозг, в других играет роль существительного redness – краснота. Данный пример демонстрирует моновербальный медицинский термин, состоящий из прилагательного красный и суффикса, обозначающего состояние, качество – ness.

Из этого следует, что цветовой компонент красный обозначает симптом, признак болезни, цвет кожи, обусловленный термином. Любая микротерминосистема базируется на классификациях таких научных понятий, как болезни, симптомы, методы лечения, инструменты и приспособления, оборудование, медицинские профессии, лекарства (медицинские средства) [8, 9].

Кроме выделения ядерных семантических единиц, лингвоконцептуальный анализ предполагает реконструкцию периферийных семантических компонентов, входящих в структуру концепта.

Так, концептуальный анализ некоторых видов кожных заболеваний, репрезентируемых колористическими терминами «розовые угри», «чёрные угри», «белые угри», позволил выявить периферийную сему «содержание пробки угря». Пробка чёрного угря состоит из жира, роговых чешуек и пыли; белые угри возникают вследствие закупорки роговыми массами; угри розовые характеризуются пустулёзными высыпаниями. Выявленные семантические компоненты отождествляются с концептуальными признаками, а колористическая номинация служит в данном случае для дифференциации клинических признаков, а не только для визуального различения объектов.

Интерпретация колористических терминов зависит от смысла, реализуемого в результате сочетаемости в атрибутивных конструкциях, выявления скрытых компонентов значения и от фоновых знаний реципиента термина.

Цветообозначение в языке медицины передаётся не только путём прямого называния цвета объекта, но и посредством метафорического переноса, например: гусиная печень – печень однородно жёлтого цвета, как у гуся после специального откорма, характерна для крайней степени жировой дистрофии. На примере данного термина мы можем наблюдать многоступенчатый когнитивный процесс в научном познании. На ментальном уровне происходит поэтапное развёртывание переносного значения термина от обобщённого лексического значения к его конкретному научному смыслу [7].

Таким образом, медицинские термины с компонентом цветообозначения имеют следующие свойства: интенсивность, глубину, светлоту, насыщенность, яркость, контрастность. Медицинские термины с компонентом цветообозначения употребляются в языке медицины с помощью существительных, глаголов, демонстрируют моновербальный медицинский термин, состоящий из прилагательного, и обозначают симптом, признак болезни, цвет кожи, обусловленные термином.

Наивысшая частотность колористической номинации зафиксирована в тематической группе «кожные болезни», так как дерматология является такой клинической дисциплиной, в которой преобладают визуальные методы обследования больного, а значит и отражение в терминах зрительного восприятия клинициста.

Заключение

Подводя итог, отметим, что цветовые лексемы входят в состав медицинской терминологии как символы номинации заболеваний, цвета кожи, названий кровяных клеток, внешнего вида больного, особенностей организма. Цвет может оттенять признак, показать интенсивность заболевания, указать на контрастность, использоваться при лечении, определении особенностей цвета и его обозначения, играет важную роль в медицинской терминологии и в медицине в целом.

Цветообозначения представляют собой одну из наиболее интересных для исследования тематических групп слов в разных языках. Популярность цветообозначений как предмета исследования объясняется тем, что они оказываются частью более глобальной проблемы соотношения содержания и формы языкового знака в определенном языке, что делает изучение вопроса особенностей семантики цветообозначений актуальным как в теоретическом, так и в практическом плане.

Литература

1. Розен Е. В. Цветообозначение в составе лексики и фразеологии // Как появляются слова. – М., 2000. – С. 107-121.

2. Реформатский А. А. Термин как член лексической системы языка // Проблемы структурной лингвистики. – М.: Наука, 1867.

3. Алексеева Л. М. Проблемы термина и терминообразования: уч. пособие по спецкурсу. – Пермь, 1998. – 120 с.

4. Маджаева С. И. Фреймовый подход к систематизации терминологических знаний // Ученые записки. Эл. науч. журнал Курского гос. ун-та. – №2 (22). – 2012. – С. 130-137.

5. Борисова Д. Н. К проблеме выбора термина для названия форм цветообозначения в языке // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – Вып. 23. – № 21 (122). – 2008. – С. 32-37.

6. Павлюченкова Т. А. Прилагательные со значением цвета в языке русских былин: автореф. ... канд. филол. наук. – М., 1984. – 15 с.

7. Бекишева Е. В. Формы языковой репрезентации гносеологических категорий в клинической терминологии: дис. ... д-ра филол. – М., 2007. – 401 с.

8. Байдашева Э. М. Лексико–семантическое поле «цвет» в языке медицины // Гуманитарные исследования. – 2019. – №2 (70). – С. 21-22.

9. Мишланова С. Л. Когнитивный аспект мед. коммуникации // Теории коммуникации и прикладная коммуникация: сб. науч. тр. / под общей ред. И. Н. Родиной. – Ростов-н/Д., 2002. – С. 91-98.

10. Бахилина Н. Б. История цветообозначений в русском языке / Отв. ред. В. П. Филин. – М., 1975. – 288 с.

11. Берлин Б., Кей П. Основные цвета. Их универсальность и видоизменения. – М.: Знание. – 1969. – 169 с.

12. Бедоидзе Л. Г. Фразеологические единицы с компонентом цвета в немецком, русском и осетинском языках: автореф. ... канд. филол. наук. – М., 1997. – 20 с.

13. Брагина А. А. «Цветовые» определения и формирование новых значений слов и словосочетаний // Лексикология и лексикография / Сборник статей под ред. С. Г. Бархударова и др. – М., 1972. – С. 73-104.

14. Василевич А. П. Исследования лексики в психолингвистическом аспекте на материале цветообозначений в языках разных систем / Отв. ред. В. Н. Телия. – М.: Наука, 1987. – 243 с.

15. Гладкова Е. С. Лингвокультурный аспект цветообозначений // Молодой ученый. – 2016. – №19. – С. 553-556. – URL https://moluch.ru/archive/123/33212/ (дата обращения: 13.11.2019)

16. Дюпина Ю. В., Шакирова Т. В., Чуманова Н. А. Классификации цветообозначений в лингвистической литературе // Молодой ученый. – 2013. – №1. – С. 220-221. – URL https://moluch.ru/archive/48/6090/ (дата обращения: 13.11.2019)

17. Иваровская В. И. Лексическое значение цветовых прилагательных в синтагматико-парадигматичесоком и словообразовательном аспектах // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История, языкознание, литературоведение. – 1998. – Вып. 2. – С. 104-109.

18. Кайбияйнен А. А. Устойчивые атрибутивно-субстанстивные сочетания с прилагательными цвета в современном русском языке: автореф. ... канд. филол. наук. – Казань, 1995. – 19 с.

19. Колесов В. В. История русского языка в рассказах / 3-е изд., перераб.– СПб.: «Авалон», «Азбука – классика», 2005. – 224 с.

20. Краснянский В. В. Сложные цветообозначения русской речи // Традиционное и новое в русской грамматике: сб. ст. памяти Веры Арсеньевны Белошапковой. – М., 2001. – С. 119-130.

21. Кузнецова О. JL, Харченкова Л. И. Цветовая символика в русской и финской культурах // Русский язык как иностранный: Теория. Исследования. Практика. Межвуз. сб. – Вып. 3 – СПб., 2000. – С. 1.

22. Лейчик В. М. Динамика термина (три возраста) // Nonmultum, sedmulta: немного о многом. У когнитивных истоков современной терминологии: сб. науч. тр. в честь В. Ф. Новодрановой / редкол. Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков. – М.: Авторская академия, 2010. – С. 351-359.

23. Маджаева С. И. Актуальные проблемы современного терминоведения / Вестник Калмыцкого университета. – 2017. – С. 83-91.

24. Маджаева С. И., Байдашева Э. М. Термины с компонентом цветообозначения в языке медицины // Научные ведомости БелГУ. Белгород: Серия: Гуманитарные науки. – 2019. – Том 38. – №2 – С. 219-226.

25. Новодранова В. Ф. Редукция как способ материализации концептов (на материале медицинской терминологии) // Язык медицины. Межвузовск. сб. научных труд. – Самара, 2004. – С. 8-14.

26. Фененко Н. А. Национальные цвета реалий // Язык реалий и реалии языка. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 25-32.

27. Фрумкина Р. М. Психолингвистические аспекты изучения цвета. – М.: Наука, 1984. – С. 232.

28. Jakobs W., Jakobs V. The color Blue: its use as metaphor and symbol // American Speech. – 1958. – Vol. 33. – № 1. – Pp. 29-46.

29. Krieg M. F. The influence of French color vocabulary on Middle English // Michigan Academician,1979. – Vol. 11. – № 4.

30. Morgan G., Cobett G. Russian colour term salience // Russian linguistics. 27. Wenning W. Farbworter und Sehhen // Nach–Chomskysche Linguistik. B; N.Y., 1985. – Pp. 444-456.

31. Англо-русский медицинский энциклопедический словарь (дополненный перевод 26-го издания Стедмана). – М.: ГЭОТАР-Медицина. – 2003.

32. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 4-е, стереотипное. – М.: КомКнига, 2007.

33. Мультановский М. П., Иванова А. Англо-русский медицинский словарь. – М., 1958. – 635 с.

34. Новый большой англо-русский словарь. В 3-х т. / Под общим рук. Ю. Д. Апресяна. 5-е изд. стереотип. – М.: Рус.яз., 2000.

35. Русско-английский словарь / Под. ред. Р. С. Даглиша. 8-е изд. стереотип. – М.: Рус.яз., 1991. – 624 с.

References

1. Rozen E. V. Cvetooboznachenie v sostave leksiki i frazeologii // Kak poyavlyayutsya slova. – M., 2000. – S. 107-121.

2. Reformatskij A. A. Termin kak chlen leksicheskoj sistemy yazyka // Problemy strukturnoj lingvistiki. – M.: Nauka, 1867.

3. Alekseeva L. M. Problemy termina i terminoobrazovaniya: uch. posobie po speckursu. – Perm’, 1998. – 120 s.

4. Madzhaeva S. I. Frejmovyj podhod k sistematizacii terminologicheskih znanij // Uchenye zapiski. El. nauch. zhurnal Kurskogo gos. un-ta. – №2 (22). – 2012. – S. 130-137.

5. Borisova D. N. K probleme vybora termina dlya nazvaniya form cvetooboznacheniya v yazyke // Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie. – Vyp. 23. – № 21 (122). – 2008. – S. 32-37.

6. Pavlyuchenkova T. A. Prilagatel’nye so znacheniem cveta v yazyke russkih bylin: avtoref. ... kand. filol. nauk. – M., 1984. – 15 s.

7. Bekisheva E. V. Formy yazykovoj reprezentacii gnoseologicheskih kategorij v klinicheskoj terminologii: dis. ... d-ra filol. – M., 2007. – 401 s.

8. Bajdasheva E. M. Leksiko–semanticheskoe pole «cvet» v yazyke mediciny // Gumanitarnye issledovaniya. – 2019. – №2 (70). – S. 21-22.

9. Mishlanova S. L. Kognitivnyj aspekt med. kommunikacii // Teorii kommunikacii i prikladnaya kommunikaciya: sb. nauch. tr. / pod obshchej red. I. N. Rodinoj. – Rostov-n/D., 2002. – S. 91-98.

10. Bahilina N. B. Istoriya cvetooboznachenij v russkom yazyke / Otv. red. V. P. Filin. – M., 1975. – 288 s.

11. Berlin B., Kej P. Osnovnye cveta. Ih universal'nost' i vidoizmeneniya. – M.: Znanie. – 1969. – 169 s.

12. Bedoidze L. G. Frazeologicheskie edinicy s komponentom cveta v nemeckom, russkom i osetinskom yazykah: avtoref. ... kand. filol. nauk. – M., 1997. – 20 s.

13. Bragina A. A. «Cvetovye» opredeleniya i formirovanie novyh znachenij slov i slovosochetanij // Leksikologiya i leksikografiya / Sbornik statej pod red. S. G. Barhudarova i dr. – M., 1972. – S. 73-104.

14. Vasilevich A. P. Issledovaniya leksiki v psiholingvisticheskom aspekte na materiale cvetooboznachenij v yazykah raznyh sistem / Otv. red. V. N. Teliya. – M.: Nauka, 1987. – 243 s.

15. Gladkova E. S. Lingvokul'turnyj aspekt cvetooboznachenij // Molodoj uchenyj. – 2016. – №19. – S. 553-556. – URL https://moluch.ru/archive/123/33212/ (data obrashcheniya: 13.11.2019)

16. Dyupina YU. V., SHakirova T. V., CHumanova N. A. Klassifikacii cvetooboznachenij v lingvisticheskoj literature // Molodoj uchenyj. – 2013. – №1. – S. 220-221. – URL https://moluch.ru/archive/48/6090/ (data obrashcheniya: 13.11.2019)

17. Ivarovskaya V. I. Leksicheskoe znachenie cvetovyh prilagatel'nyh v sintagmatiko-paradigmaticheso-kom i slovoobrazovatel'nom aspektah // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 2. Istoriya, yazykoznanie, literaturovedenie. – 1998. – Vyp. 2. – S. 104-109.

18. Kajbiyajnen A. A. Ustojchivye atributivno-substanstivnye sochetaniya s prilagatel'nymi cveta v sovremennom russkom yazyke: avtoref. ... kand. filol. nauk. – Kazan', 1995. – 19 s.

19. Kolesov V. V. Istoriya russkogo yazyka v rasskazah / 3-e izd., pererab.– SPb.: «Avalon», «Azbuka – klassika», 2005. – 224 s.

20. Krasnyanskij V. V. Slozhnye cvetooboznacheniya russkoj rechi // Tradicionnoe i novoe v russkoj grammatike: sb. st. pamyati Very Arsen'evny Beloshapkovoj. – M., 2001. – S. 119-130.

21. Kuznecova O. JL, Harchenkova L. I. Cvetovaya simvolika v russkoj i finskoj kul'turah // Russkij yazyk kak inostrannyj: Teoriya. Issledovaniya. Praktika. Mezhvuz. sb. – Vyp. 3 – SPb., 2000. – S. 1.

22. Lejchik V. M. Dinamika termina (tri vozrasta) // Nonmultum, sedmulta: nemnogo o mnogom.

U kognitivnyh istokov sovremennoj terminologii: sb. nauch. tr. v chest' V. F. Novodranovoj / redkol. E. S. Kubryakova, V. Z. Dem'yankov. – M.: Avtorskaya akademiya, 2010. – S. 351-359.

23. Madzhaeva S. I. Aktual'nye problemy sovremennogo terminovedeniya / Vestnik Kalmyckogo universiteta. – 2017. – S. 83-91.

24. Madzhaeva S. I., Bajdasheva E. M. Terminy s komponentom cvetooboznacheniya v yazyke

mediciny // Nauchnye vedomosti BelGU. Belgorod: Seriya: Gumanitarnye nauki. – 2019. – Tom 38. – №2 – S. 219-226.

25. Novodranova V. F. Redukciya kak sposob materializacii konceptov (na materiale medicinskoj terminologii) // YAzyk mediciny. Mezhvuzovsk. sb. nauchnyh trud. – Samara, 2004. – S. 8-14.

26. Fenenko H. A. Nacional'nye cveta realij // YAzyk realij i realii yazyka. – Voronezh: VGU, 2001. – S. 25-32.

27. Frumkina R. M. Psiholingvisticheskie aspekty izucheniya cveta. – M.: Nauka, 1984. – S. 232.

28. Jakobs W., Jakobs V. The color Blue: its use as metaphor and symbol // American Speech. – 1958. – Vol. 33. – № 1. – Pp. 29-46.

29. Krieg M. F. The influence of French color vocabulary on Middle English // Michigan Academician,1979. – vol. 11. – № 4.

30. Morgan G., Cobett G. Russian colour term salience // Russian linguistics. 27. Wenning W. Farbworter und Sehhen // Nach–Chomskysche Linguistik. B; N.Y., 1985. – pp. 444-456.

31. Anglo-russkij medicinskij enciklopedicheskij slovar' (dopolnennyj perevod 26-go izdaniya Stedmana). – M.: GEOTAR-Medicina. – 2003.

32. Ahmanova O. S. Slovar' lingvisticheskih terminov. Izd. 4-e, stereotipnoe. – M.: KomKniga, 2007.

33. Mul'tanovskij M. P., Ivanova A. Anglo-russkij medicinskij slovar'. – M., 1958. – 635 s.

34. Novyj bol'shoj anglo-russkij slovar'. V 3-h t. / Pod obshchim ruk. YU. D. Apresyana. 5-e izd. stereotip. – M.: Rus.yaz., 2000.

35. Russko-anglijskij slovar' / Pod. red. R. S. Daglisha. 8-e izd. stereotip. – M.: Rus.yaz., 1991. – 624 s.

УДК 811.11-112: 83'374.4

С. В. Мухин

Романизация компонентного состава евангельской фразеологии английского языка

МГИМО (У) МИД России, Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматривается в диахронии процесс романизации лексического состава евангельских словосочетаний, ставших основой фразеологизмов современного английского языка. Предложено новое значение термина «романизация», который понимается как замена исконно германских лексических компонентов романскими в английской «прафразеологии». Для достижения целей исследования произведена репрезентативная словарная выборка 110 разноструктурных фразеологических единиц евангельского присхождения в современном английском языке и выявлены тождественные гетерохронные контексты, на основе которых образованы выбранные фразеологизмы. С помощью методов контекстуального и компонентного анализа сравнивается лексический компонентный состав 110 отобранных контекстов в трех версиях Евангелий: Уэссекских Евангелиях, Евангелиях в Библии Уиклифа и Евангелиях в Библии Тиндейла, относящихся соответственно к древне-, средне- и новоанглийскому периоду. Общий хронологический отрезок исследования составляет 530 лет. Отмечается, что замене германских лексических компонентов романскими подверглось большинство (59%) исследованных единиц, причем наиболее интенсивно процесс романизации проходил в среднеанглийский период. За рассматриваемый период 94 лексемы романского, преимущественно французского, происхождения заменили исконные германские лексические компоненты в анализируемых словосочетаниях. В статье приводится полный инвентарь данных лексем. В основном лексемы романского происхождения представляют собой глагольные и субстантивные единицы. В плане этимологии выделяются два источника романизации: латинский и старофранцузский языки. Лексемы латинского происхождения единичны и обнаруживаются почти исключительно в древнеанглийских версиях рассматриваемых контекстов. Подавляющее большинство романских лексем происходит из старофранцузского языка и обнаруживается в евангельских контекстах средне- и ранненовоанглийских версиях Евангелий. Приводятся данные по доле романизированных евангельских словосочетаний в каждом из трех периодов истории английского языка. Отмечается значительная динамика романизации к концу среднеанглийского периода, выраженная в резком росте числа словосочетаний с романскими лексическими компонентами, и почти полное отсутствие динамики в ранненовоанглийский период и далее вплоть до нашего времени.

Ключевые слова: романизация, фразеология, диахрония, этимология, Евангелие, лексический компонент, древнеанглийский язык, среднеанглийский язык, новоанглийский язык, латинский язык, старофранцузский язык.

DOI 10.25587/SVFU.2020.75.55417

МУХИН Сергей Владимирович – к. филол. н., доц. каф. английского языка № 1 МГИМО (У) МИД России.

E-mail: s.muhin@inno.mgimo.ru

MUKHIN Sergey Vladimirovich – Ph.D. of Philology, Associate Professor of the English Language Department № 1, Moscow State Institute of International Relations of the Foreign Ministry of Russia.

S. V. Mukhin

Romanization of Lexical Composition of English Gospel Idioms

Moscow State Institute of International Relations of the Foreign Ministry of Russia, Moscow, Russia

Abstract. The article is focused on the diachronic study of romanization occurring to the lexical composition of Gospel phrases which have evolved into idioms existing in Modern English. A new meaning of the term romanization is introduced. The latter is understood as replacement of original Germanic lexical components by Romance ones in the "proto-phraseology" of English. To address the tasks of the present study there has been compiled a representative inventory of 110 structurally varied Gospel idioms in Modern English. There have also been analyzed identical heterochronic contexts which became a basis for the modern Gospel idioms under study. With recurrence to the methods of contextual and component analysis, the lexical composition of the 110 chosen contexts is compared in the three versions of Gospels: the Wessex Gospels, the Gospels in Wycliff's Bible and the Gospels in the Tyndale Bible, all of which cover a chronological period of 530 years. It is noted that the replacement of Germanic lexical components by the Romance ones took place in most (59%) word-combinations in question, with the romanization process hitting its peak in Middle English. Within the time span adopted for the present research as many as almost a hundred of Romance lexemes originating mostly from Old French ousted their Germanic lexical counterparts in the word-combinations under analysis. The article offers a complete list of the Romance lexemes, which are largely nouns and verbs. Etymologically the entirety of the Romance lexemes are provided by two sources: Latin and Old French. The words of Latin origin are scarce enough and found predominantly in the Old English versions of the contexts studied. A vast majority of Romance lexemes come from Old French and are found in Gospel contexts of the Middle and Early New English versions. The research also provides the data concerning the proportion of the romanized phrases in the aggregate of contexts in each of the historical periods of the English language. There is clearly manifested dynamics of romanization as of the late Middle English period, which translates in a sharp increase in the number of word-combinations with Romance lexical components. On the other hand, almost null dynamics is detected in the Early New English and subsequently to the present day.

Keywords: romanization, phraseology, diachrony, etymology, Gospel, lexical component, Old English, Middle English, Modern English, Latin, Old French.

Введение

В лингвистической науке сформировалось представление, согласно которому фразеология неразрывно связана «с историческим опытом народа, ставшим достоянием его национального самосознания или просто памятным знаком» [1, с. 89]. В связи с этим особый интерес представляет евангельская фразеология, которая вобрала в себя культурные коды различных народов и имеет наднациональный характер.

Настоящее исследование предпринято с целью создать по возможности полную картину романизации евангельских словосочетаний, ставших основой для современных фразеологизмов. В ходе исследования ставятся следующие задачи: 1) определить понятие романизации применительно к изучаемому материалу; 2) сделать достаточно репрезентативную выборку евангельских фразеологизмов современного английского языка; 3) в гетерохронных версиях Евангелий выявить контексты со словосочетаниями, послужившими основой современных фразеологических единиц (ФЕ); 4) сопоставить компонентный состав др.-, ср.- и н.-англ. словосочетаний на предмет выявления

лексических компонентов романского происхождения; 5) проанализировать языковые особенности словосочетаний, наиболее подверженных романизации, и романской лексики, используемой в составе фразеологизирующихся словосочетаний; 6) проследить общую динамику романизации в рассматриваемый период и далее.

Термин «романизация» функционирует в основном в сфере культурологии, а в лингвистике чаще всего употребляется в узком значении «передача нелатинской письменности средствами расширенного латинского алфавита» [2]. В настоящем исследовании романизация трактуется широко как сближение нероманского языка с романским, а применительно к конкретному фразеологическому материалу это длительный процесс замены лексических компонентов исконно герм. происхождения на романские (почти исключительно французские) в составе словосочетаний, ставших фразеологизмами в англ. языке.

В рамках диахронного подхода очень затруднительно определить степень фразеологизации того или иного словосочетания. При попытке применить метод фразеологического анализа А. В. Кунина [3, с. 20] к языковому материалу средневековых текстов нужно констатировать, что в диахронии весьма ограничена или почти невозможна реализация одного из ключевых условий: нельзя рассмотреть узуальное употребление рассматриваемых словосочетаний с учётом типов их дистрибуции в различных контекстах за отсутствием последних. Таким образом, в настоящем исследовании речь в основном пойдет о евангельской «прафразеологии» англ. языка, т. е. о словосочетаниях, которые предположительно фразеологизировались в период Средневековья и стали основой для современных ФЕ английского языка.

Материал и методы

Для создания репрезентативной выборки евангельских ФЕ нами использован Большой англо-русский фразеологический словарь А. В. Кунина [4], в котором словарные единицы снабжены этимологическими пометами, указывающими на евангельское происхождение фразеологизмов. Методом сплошной выборки отобрано 110 современных ФЕ евангельского происхождения. Для диахронного изучения данных единиц необходимо установить форму их евангельских этимонов, то есть исходных словосочетаний в соответствующие периоды истории языка. Для этого их следует рассмотреть в тождественных, но гетерохронных контекстах. Данному требованию полностью удовлетворяют три версии Евангелий [5]: Уэссекские Евангелия, Евангелия в Библии Уиклифа и Евангелия в Библии Тиндейла.

Уэссекские Евангелия (*The Wessex Gospels*, около 995 г.) дошли до наших дней в семи рукописях. Манускрипты представляют собой первый прямой перевод греческого Евангелия на др.-английский язык, поскольку все более ранние версии существуют в виде глосс к латинскому тексту. Вторая из упомянутых версий содержится в Библии Джона Уиклифа (*Wycliffe's Bible,* 1382-1395 гг.). Эта версия считается первым полным переводом Библии на ср.-англ. язык. Последняя из сопоставляемых версий является частью Библии Тиндейла (*The Tyndale Bible,* 1526 г.) и традиционно признается первым прямым переводом с греческого и древнееврейского на н.-англ. язык. Выбор этих трех версий продиктован тем, что они охватывают хронологию в 530 лет и отражают состояние англ. языка в основные периоды его истории согласно традиционной трехчастной периодизации [6]. При этом именно в рассматриваемый временной отрезок интенсивно проходил процесс романизации евангельской фразеологии. Примеры евангельских контекстов, приводимые в настоящем исследовании, снабжены русским Синодальным переводом [7].

Для выполнения задач исследования используются следующие методы: дескриптивный, этимологический, текстологический, метод фразеологического анализа, контекстуальный и компонентный анализ, количественные методы.

Сравнение гетерохронных контекстов

Сопоставление трех гетерохронных вариантов контекстов позволяет утверждать, что в рассматриваемый временной отрезок той или иной степени романизации подвергся лексический компонентный состав 65 единиц (59% от общего числа). Меньшее число словосочетаний (41%) на всем протяжении рассматриваемого периода полностью сохраняет германский лексический состав, как, например, в контексте, ставшем основой для современной ФЕ *walk in darkness* («блуждать во тьме»):

др.-англ.: *se ðe* ***ȝǣþ on þȳstrum****, he nāt hwyder he ȝǣþ;*

ср.-англ.: *he that* ***wandrith in derknessis****, woot nere whidur he goth;*

н.-англ.: *he that* ***walketh in the darke****, wotteth not whither he goeth*

(«**Ходящий во тьме** не знает, куда идет» Ин. 12:35).

Замена германских компонентов романскими часто имела место еще в раннесреднеанглийский период, свидетельством чего являются многочисленные словосочетания с лексемами ст.-фр. происхождения в Библии Уиклифа, которым в др.-англ. период соответствовали словосочетания, построенные исключительно из германских компонентов. Чаще всего, если в ср.-англ. версии употреблена романская лексема, то и в н.-англ. версии также используется роман. компонент, например:

cyne-helm *of þornum > a* ***crowne*** *of thornis > a* ***croune*** *off thornes* («терновый **венец**» Мф. 27:29);

nyme hys ***rōde*** *> take hys* ***crosse*** *> take hys* ***crosse*** («возьми свой **крест**» Мф. 16:24);

Ȝode ***þeowian*** *and woruldwelan >* ***serue*** *to God and richessis >* ***serve*** *God and mammon* («**служить** Богу и маммоне» Мф. 6:24) и др.

Некоторые германские лексемы вытесняются романскими достаточно поздно, поскольку в Библии Уиклифа последние еще не фигурируют, но появляются в Библии Тиндейла, как, например, единицы *rocke* 'камень', *iudge* 'судить' и *visicion* 'врач' в следующих примерах:

hys hūs ofer ***stān*** *ȝetimbrode > hath bildid his hous vpon a* ***stoon*** *> byllt his housse on a* ***rocke*** («построил свой дом на **камне**» Мф. 7:24);

Of ðinum mūþe ic ðē ***dēme*** *> of thi mouth I* ***deme*** *thee > Of thyne awne mougthe* ***iudge*** *I the* («твоими устами буду **судить** тебя» Лк. 19:22);

lǣce*, ȝehǣl ðē sylfne >* ***Leeche****, heele thi silf >* ***Visicion****, heale thy silfe* («**врач**! исцели Самого Себя» Лк. 4:23) и др.

Возможны, но не часты ситуации, когда лексическая романизация выступает как обратимый процесс. В ср.-англ. версии роман. лексема вытесняет др.-англ. германский компонент, а в н.-англ. версии происходит обратное, например:

sume feollon on ***stǣnihte*** *> other seedis felden into stoony* ***placis*** *> Some fell apon stony* ***grounde*** («иное упало на **места** каменистые» Мф. 13:5);

se hyrde ***āsyndraþ*** *ða scēp fram tyccenum > a sheperde* ***departith*** *scheep fro kidis > a shepherde* ***putteth asunder*** *the shepe from the gootes* («пастырь **отделяет** агнцев от козлищ» Мф. 25:32-33);

swā ȝe wyllaþ ðæt eow men dōn, dōþ him ***ȝelice*** *> as ȝe wolen that men do to ȝou, and do ȝe to hem in lyk* ***manere*** *> as ye wolde that men shulde doo to you, soo do ye to them lyke* ***wyse*** («как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними» Лк. 6:31) и др.

В единичных случаях заимствованный роман. (при этом исключительно латинский) компонент обнаруживается уже в др.-англ. версии, например:

ȝewite ðes ***calic*** *fram me > passe this* ***cuppe*** *fro me > lett this* ***cuppe*** *passe from me* («да минует меня **чаша** сия» Мф. 26:39).

В приведенном примере в др.-англ. версии употребляется существительное *calic* 'чаша' < лат. *calix* [8]. Разновидностью подобного случая является словосочетание, в составе которого употребляется деономастизированное имя собственное *Caser* 'кесарь' < лат. *Cæsar*. Данное словосочетание послужило основой для современной ФЕ *render into Caesar the things that are Caesar's* 'отдать кесарю кесарево':

др.-англ.: *Aȝyfaþ ðam* ***Casere*** *ða þinȝ ðe ðæs* ***Casyres*** *synt, and Ȝode ða þinȝ ðe Ȝodes synt;*

ср.-англ.: *ȝelde ȝee to* ***Cesar*** *tho thingis that ben* ***Cesaris****, and to God tho thingis that ben of God;*

н.-англ.: *Geve therefore to* ***Cesar*** *that which is* ***Cesars****, and geve vnto God that which is Goddes*

(«Итак отдавайте **кесарево кесарю**, а Божие Богу» Мф. 22:21).

Как правило, в составе словосочетания одна германская лексема заменяется романской, однако у некоторых синтаксически распространенных словосочетаний можно отметить замену двух и даже трех компонентов, например:

др.-англ.: *Nys nān witeȝa būtan wurþscype, būton on hys earde;*

ср.-англ.: *A* ***prophete*** *is nat with outen wirshipe, no but in his owne* ***cuntree****;*

н.-англ.: *There is no* ***prophet*** *with out* ***honoure****, save in hys awne* ***countre***

(«Нет пророка в своем отечестве» Мф. 13:57).

В приведенном примере в др.-англ. версии компонентный состав полностью германский, в ср.-англ. версии употребляются две, а в н.-англ. версии – три субстантивные единицы романского происхождения.

В составе некоторых словосочетаний в ср.- и н.-англ. версиях могут использоваться две различные лексемы романского происхождения, как, например, в контексте, послужившем основой для ФЕ *ask for bread and be given a stone* («просить хлеба, а получить камень»):

др.-англ.: *Hwylc man is of ȝow, ȝyf his sunu hyne bit hlāfes, sylst ðū him stān?*

ср.-англ.: *who of ȝou is a man, whom ȝif his sone axe breed, wher he shal* ***dresse*** *to hym a stoon?*

н.-англ.: *Ys there eny man among you, which wolde* ***proffer*** *his sonne a stone, if he axed him breed?*

(«Есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит у него хлеба, **подал** бы ему камень?» Мф. 7:9).

Характер лексики романского происхождения

Анализ совокупности рассматриваемых контекстов позволяет составить впечатление о лексике роман. происхождения, преимущественно употребляемой в составе евангельских фразеологизмов. Всего за рассматриваемый период зафиксировано употребление 94 лексических единиц роман. происхождения. В плане семантики представляется нужным сгруппировать рассматриваемые лексемы по частеречному значению. Ниже приводится полный список лексем романского происхождения, входящих в состав исследуемых словосочетаний в соответствующих версиях Евангелий. Русский перевод передает контекстуальные значения.

1. Субстантивные лексемы (приводятся в морфологической форме номинатива ед. ч.):

др.-англ.: *calic* 'чаша', *Caser* 'кесарь', *leȝio* 'легион', *coccel* 'плевел', *senep* 'горчица', *wīn-ȝeard* 'виноградник';

ср.-англ.: *abhomynacioun* 'мерзость', *discomfort* 'запустение', *angel* 'ангел', *charge* 'бремя', *camel* 'верблюд', *crosse* 'крест', *crowne* 'венец', *stature* 'рост', *cubite* 'локоть, мера длины', *cuppe* 'чаша', *malice* 'злоба', *manere* 'способ', *powdre* 'прах, пыль', *lanterne* 'светильник', *face* 'лицо', *grace* 'благодать', *richesse* 'богатство, маммона', *place* 'место', *houre* 'час', *grauel* 'почва', *vyne* 'вино', *busshel* 'сосуд, кувшин', *myln* 'мельница', *margarite* 'жемчужина, бисер', *filaterie* 'хранилище', *plate* 'монета', *prophete* 'пророк', *cuntree* 'страна', *sepulcre* 'гробница, гроб', *pacience* 'терпение', *spirit* 'дух', *dernel* 'плевел', *voice* 'голос', *serpente* 'змея', *mynute* 'лепта', *festu* 'сучок';

н.-англ.: *desolacion* 'запустение', *pleasure* 'удовольствие', *trouble* 'забота', *messenger* 'посланец, ангел', *grayne* 'зерно', *mustard* 'горчица', *rocke* 'камень', *labourer* 'работник', *latchett* 'ремешок', *candell* 'свеча', *loynes* (мн.ч.) 'чресла', *master* 'господин', *millstone* 'жернов', *pearle* 'жемчужина, бисер', *visicion* 'врач', *pece* 'монета', *honoure* 'почет', *sack* 'мешок, мешковина', *tombe* 'гробница, гроб', *sygne* 'знак, знамение', *cryer* 'вопиющий'.

2. Адъективные лексемы (приводятся в морфологической форме сильного либо слабого склонения общего падежа ед. ч. положительной степени сравнения):

ср.-англ.: *riche* 'богатый', *perfit* 'совершенный', *symple* 'чистый, здоровый', *saf* 'здоровый';

н.-англ.: *easy* 'простой, легкий', *sufficient* 'достаточный', *single* 'целый, здоровый'.

3. Глагольные лексемы (приводятся в морфологической форме инфинитива):

ср.-англ.: *mynystren* 'служить', *dressen* 'протягивать, подавать', *passen* 'происходить', *entren* 'входить', *sufficen* 'быть достаточным', *seruen* 'служить', *occupien* 'занимать'; *departen* 'разделять', *prechen* 'провозглашать', *dispisen* 'пренебрегать', *pupplischen* 'распространять, обнародовать', *alargen* 'расширять', *cryen* 'кричать', *perishen* 'погибать', *rauyshen* 'похищать';

н.-англ.: *proffer* 'предлагать, подавать', *tourne* 'поворачивать, обращать', *combre* 'занимать, загромождать', *devyde* 'разделять', *iudge* 'судить', *noise* 'провозглашать, обнародовать', *paynt* 'красить', *possess* 'владеть, обладать'.

4. Предложные лексемы. Данная периферийная группа представлена единственным примером предлога *anemptis* 'у' лат. происхождения, использованным в составе ср.-англ. словосочетания, ставшего основой ФЕ *to find favor with smb* («снискать чье-л. расположение»). В др.-англ. и н.-англ. версиях данному предлогу соответствуют герм. лексемы:

ðu ȝyfe ***mid*** *ȜOde ȝemēttest > thou hast founden grace* ***anemptis*** *God > thou hast founde grace* ***with*** *God* («Ты обрела благодать у Бога» Лк. 1:30).

В представленном выше списке единицы даны в наиболее ранней форме, при этом если лексема обнаруживается в гетерохронных контекстах, она относится нами к наиболее ранней группе, например существительное *legio*, которое фиксируется во всех трех рассматриваемых версиях Евангелия от Марка, отнесено к др.-англ. лексике:

Min nama is ***leȝio*** *> A* ***legioun*** *is name to me > My name is* ***legion*** («Имя мне легион» Мк. 5:9).

Как можно видеть, по частеречному значению лексемы распределяются в следующем соотношении: субстантивные – 64 (67%), адъективные – 7 (7%), глагольные – 23 (24%), предложные – 1 (1%). По происхождению подавляющее большинство единиц – 88 (94%) – заимствованы из ст.-фр. языка, и только 7 единиц (6%) представляют собой прямые латинские заимствования, которые употребляются почти исключительно в др.-англ. версии. С долей условности к последним можно отнести сложное существительное *wīn-ȝeard* 'виноградник', первый элемент которого был ранним заимствованием **winam* < латинское *vinum* 'вино' [7] еще в протогерманском языке, а также н.-англ. композит *millstone* 'жернов', первый элемент которого *mill* 'мельница' также исходно представлял собой раннее заимствование в протогерманском языке: **mulīnō* < лат. *molinum* [7].

Следует констатировать, что большинству субстантивных лексических единиц свойственно предметно-вещественное значение, а у лексем с отвлеченным значением антропоцентричность выступает одной из главных характеристик их семантики, поскольку они в основном называют морально-психологические и социальные понятия. Глагольные лексемы в целом почти не поддаются семантической систематизации; можно только отметить преобладание переходных глаголов. Что касается прилагательных, то у них преобладает положительная оценочность.

Характер романизированных словосочетаний

Что касается языковых характеристик самих рассматриваемых словосочетаний / ФЕ, то интерес представляют следующие из них: 1) частеречное значение современных романизированных ФЕ англ. языка; 2) динамика доли романизированных словосочетаний в различные периоды истории англ. языка.

Отобранные 110 евангельских ФЕ современного англ. языка по частеречному значению распределяются, как это продемонстрировано в табл. 1:

Таблица 1

Частеречный состав совокупности исследуемых словосочетаний

(N – субстантивные единицы, V – глагольные единицы, P – предикативные единицы, Adv – адвербиальные единицы, Adj – адъективные единицы)

	N	V	P	Adv	Adj	Всего:
Количество и доля словосочетаний	38 (35%)	45 (41%)	18 (16%)	7 (6%)	2 (2%)	110 (100%)

Из представленных данных можно заключить, что романизации в основном подверглись словосочетания, из которых образовались евангельские субстантивные и глагольные ФЕ, что вызвано, очевидно, общим высоким удельным весом данных частеречных групп в англ. фразеологии. Соотнести напрямую частеречное значение современных ФЕ с исходными словосочетаниями не всегда возможно, поскольку многие ФЕ образованы из словосочетаний, чье частеречное значение первоначально было иным. Часто для исходных словосочетаний характерна отсутствующая в современных ФЕ предикативность, поскольку первые контекстуально вписаны в последовательное евангельское повествование. Источниками ФЕ в таких случаях выступают «участки текста, содержащие мотивировку образа» [9, с. 135]. Так, основой субстантивной ФЕ *ministering angel* («добрый ангел» – о медсестре или сиделке) послужило предикативное словосочетание «ангелы служили Ему» (Мк. 1:13): *him enȝlas þēnodon > angelis mynystriden to hym > the angels ministred vnto hym.* Современная глагольная ФЕ *be unworthy to loose smb's shoe latchet* («быть недостойным развязать ремень на башмаке у кого-л.») также образована на основе сложного законченного предложения:

др.-англ.: *ne eom ic wyrðe ðæt ic his sceona þwanȝa būȝende uncnytte;*

ср.-англ.: *of whom I knelinge am not worthi for to vndo the thwong of his schoon;*

н.-англ.: *whos shue latchett I am not worthy to stoupe doune and vnlose*

(«Которого я недостоин, наклонившись, развязать ремень обуви Его. Мк. 1:7»).

Для некоторых современных ФЕ евангельская основа не сводится к какому-либо конкретному словосочетанию, а представляет собой довольно широкий контекст, в котором лексические компоненты будущих фразеологизмов могут вовсе не присутствовать или присутствовать минимально, как, например, в случае с субстантивной ФЕ *a counsel of perfection* («совет, невыполнимый для обычного человека»), образованной на основе следующего контекста:

др.-англ.: *Ȝyf ðū wylt beon fullfremed, ȝā, and becȳþ eall ðæt ðū āhst, and syle hyt þearfum, and ðonne hæfst ðū ȝold-hord on heofone; and cum, and folȝa me;*

ср.-англ.: *ȝif thou wolt be* ***perfit****, go, and selle alle thingus that thou hast, and ȝeue to pore men, and thou shalt haue tresour in heuene; and cum, sue thou me;*

н.-англ.: *Yf thou wylt be* ***perfecte****, goo, and sell that thou hast, and geve it to the povre, and thou shalt have treasure in heven; and come, and folowe me*

(«Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною. Мф. 19:21).

В приведенном примере ни в одной версии невозможно выделить словосочетание, сколько-нибудь структурно близкое современной ФЕ. Единственным структурным элементом ФЕ, имеющим отношение к изначальному контексту, выступает современная лексема *perfection* 'совершенство' – дериват от заимствованного из ст.-фр. языка прилагательного *perfit* 'совершенный', обнаруживаемого в ср.- и н.-англ. версиях. В настоящем исследовании принят подход, согласно которому лексемы роман. происхождения, используемые в подобных контекстах, не учитываются, если они не вошли в состав евангельских ФЕ современного англ. языка. Так, в приведенном выше

Таблица 2

Количество и доля романизированных словосочетаний в трех версиях Евангелий, относящихся к соответствующим периодам истории англ. языка (общее число словосочетаний 110)

Версии	Др.-англ. (995 г.)	Ср.-англ. (1395 г.)	Н.-англ. (1526 г.)
Количество и доля словосочетаний	7 (7%)	55 (50%)	53 (48%)

контексте не учитываются лексемы *pore* 'бедный', *tresour* 'сокровище' и *suen* 'следовать', заимствованные из ст.-фр. языка, поскольку они никак не участвуют в построении современной ФЕ *a counsel of perfection*.

Компонентный анализ позволяет определить долю гетерохронных романизированных словосочетаний в общем числе рассматриваемых евангельских контекстов и таким образом выявить возможную динамику романизации евангельской «прафразеологии» англ. языка. Ни в одном контексте Уэссекских Евангелий не обнаруживается лексем, заимствованных из ст.-фр. языка. Вместе с тем уже упоминалось, что, хотя лексемы лат. происхождения в составе исследуемых словосочетаний единичны, они обнаруживаются в основном в др.-англ. версии Евангелия. Таким образом, в число романизированных словосочетаниий в др.-англ. версии входят всего семь единиц из 110 проанализированных. Количество романизированных словосочетаний резко возрастает к концу ср.-англ. периода. Всего в Евангелиях Библии Уиклифа отмечено 55 словосочетаний, в составе которых присутствуют лексемы роман. происхождения. В евангельских текстах Библии Тиндейла обнаруживается 53 таких словосочетания.

Долю словосочетаний с романскими лексическими компонентами в общем числе рассмотренных можно представить в виде табл. 2.

Обобщая, можно сделать вывод, что романизация лексического компонентного состава словосочетаний, являющихся основой ФЕ современного английского языка, активно происходила в ср.-англ. период и к концу этого периода в целом завершилась. Этот вывод подтверждается общей динамикой заимствования английским языком французской лексики [10, с. 93]. В ранненовоанглийский период можно даже констатировать незначительную регерманизацию компонентного состава. Вывод о завершении романизации к началу н.-англ. периода также подтверждается при увеличении рассматриваемого отрезка времени почти вдвое. Так, следует отметить, что среди 110 отобранных евангельских ФЕ современного английского языка романские лексические компоненты обнаруживаются в составе 57 единиц (52%), т. е. за пять веков, прошедших после публикации Библии Тиндейла, доля романизированных словосочетаний выросла минимально.

Заключение

В результате проведенного исследования представляется нужным обозначить следующие основные выводы:

1) за период с конца X в. по начало XVI в. романизации лексического компонентного состава подверглись 59% из 110 евангельских словосочетаний, послуживших основой для современных ФЕ;

2) всего зафиксировано 94 лексемы романского происхождения, вошедших в состав изученных словосочетаний, при этом большинство из них являются субстантивными и глагольными единицами, поскольку они являются наиболее значимыми для фразообразования в плане семантики;

3) отмечено четкое этимологическое деление заимствованных лексем: в др.-англ. словосочетаниях присутствуют единицы, заимствованные исключительно из

латинского языка, тогда как в ср.- и н.-англ. версиях абсолютно преобладают лексемы ст.-фр. происхождения. Данный факт обусловлен характером языковых контактов в соответствующие периоды истории английского языка;

4) романизация компонентного состава рассмотренных словосочетаний активно происходила в ср.-англ. период. Доля романизированных словосочетаний в конце ср.-англ. периода выросла семикратно по сравнению с концом предшествующего периода. С начала ранненовоанглийского периода по наше время динамика романизации практически отсутствует. Динамические показатели романизации в целом соответствуют динамике заимствования французской лексики в ср.- и н.-англ. периоды.

Список сокращений

др.-англ. – древнеанглийский; н.-англ. – ранненовоанглийский; ср.-англ. – среднеанглийский; ст.-фр. – старофранцузский.

Литература

1. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 284 с.

2. Романизация [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/116981/%D0%A0%D0%BE%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8 (дата обращения: 5.06.2019)

3. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. – М.: Высшая школа, 1996. – 381 с.

4. Кунин А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь. – М.: Живой язык, 1998. – 944 с.

5. Bosworth J. Gothic and Anglo-Saxon Gospels in Parallel Columns with the Versions of Wycliff and Tyndale. – London, 1888 [Online]. URL: https://archive.org/stream/gothicandanglos00ulfigoog#page/n8/mode/2up (accessed: 6.06.2019)

6. Бруннер К. История английского языка. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 720 с.

7. Библия онлайн [Электронный ресурс]. URL: https://old.bibleonline.ru/ (дата обращения: 31.05.2019)

8. Online Etymology Dictionary [Online]. URL: https://www.etymonline.com/ (accessed: 3.06.2019)

9. Солодухо Э. М. Проблемы интернационализации фраазеологии. – Казань: Издательство Казанского университета, 1982. – 168 с.

10. Jespersen O. Growth and Structure of the English Language. – Leipzig, 1905. – 260 p.

References

1. Teliya V. N. Russkaya frazeologiya. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty. – M.: Shkola «Yazyki russkoj kul'tury», 1996. – 284 s.

2. Romanizaciya [Elektronnyj resurs]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/116981/%D0%A0%D0%BE%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8 (дата обращения: 5.06.2019)

3. Kunin A. V. Kurs frazeologii sovremennogo anglijskogo yazyka. – M.: Vysshaya shkola, 1996. – 381 s.

4. Kunin A. V. Bol'shoj anglo-russkij frazeologicheskij slovar'. – M.: Zhivoj yazyk, 1998. – 944 s.

5. Bosworth J. Gothic and Anglo-Saxon Gospels in Parallel Columns with the Versions of Wycliff and Tyndale. – London, 1888 [Online]. URL: https://archive.org/stream/gothicandanglos00ulfigoog#page/n8/mode/2up (accessed: 6.06.2019)

6. Brunner K. Istoriya anglijskogo yazyka. – M.: Izdatel'stvo LKI, 2010. – 720 s.

7. Bibliya onlajn [Elektronnyj resurs]. URL: https://old.bibleonline.ru/ (data obrashcheniya: 31.05.2019)

8. Online Etymology Dictionary [Online]. URL: https://www.etymonline.com/ (accessed: 3.06.2019)

9. Soloduho E. M. Problemy internacionalizacii fraazeologii. – Kazan': Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta, 1982. – 168 s.

10. Jespersen O. Growth and Structure of the English Language. – Leipzig, 1905. – 260 p.

УДК 821.161.1.09

К. Ю. Рахно

«Шестокрилци» и вопрос их атрибуции как серафимов

Институт народоведения НАН Украины, с. Опошня, Украина

Аннотация. В эпической поэме «Слово о полку Игореве» волынские князья называются «не худа гнѣзда шестокрилци». Последнее слово является предметом дискуссий и породило множество толкований. Недавно возобновились попытки объяснить его при помощи христианской терминологии. Согласно сторонникам этой версии, «шестокрилци» – это шестикрылые ангелы-серафимы. Тем не менее обращение к богословской литературе показывает несостоятельность такого толкования. Прежде всего, ангелы бесполы, они не могут размножаться, у них нет родителей и детей. Они сотворены Богом и не являются братьями или другими родственниками. Нельзя домыслить им родство между собой и дать последнему некую аксиологическую оценку. По христианской доктрине, есть род человеческий, но не существует рода ангелов, вместо него – собор ангельский. Приписывать ангелам пол греховно. Невозможно сравнить с ангелами братьев, членов одной семьи, рождённых от отца и матери. Живые, здравствующие люди не могут быть подобными ангелам. Человека нельзя по канонам христианской церкви приравнять к ангелу. Неправомочно также сначала отождествить князей с ангелами, а потом похвалить их за добродетельную жизнь, ведь ангелы праведны изначально, они не могут поступать иначе. Наконец, серафимы не являются воинственными, они лишь восхваляют Бога, поэтому решительно не подходят для сравнения с храбрыми князьями-воинами. Этот пример показывает, с какой осторожностью следует подходить к толкованию памятников средневековой литературы и как важно для учёных учитывать данные мифологии, богословия, религиоведения.

Ключевые слова: «Слово о полку Игореве», древнерусская литература, иудаизм, христианство, православие, богословие, ангелы, серафимы, религиоведение, Киевская Русь.

DOI 10.25587/SVFU.2020.75.55418

K. Yu. Rakhno

The Six-Winged Ones and the Question of Their Attribution as the Seraphs

Institute of Folk Studies, Oposhnoie, Ukraine

Abstract. In the epic poem The Tale of Igor's Campaign the Volhynian dukes are called «the six-winged ones of no mean brood». The first word is the subject-matter of the old discussion and has caused a great number of interpretations. Attempts to explain it with the help of Christian terminology

РАХНО Константин Юрьевич – д. и. н., с. н. с. Национального музея-заповедника украинского гончарства в Опошне (с. Опошня, Украина), отделения Института народоведения Национальной академии наук Украины (Опошня, Украина).

E-mail: krakhno@ukr.net

RAKHNO Konstantin Yurievich – Doctor of Historical Sciences, National Museum of Ukranian Pottery (Oposhnoie, Ukraine), Institute of Ceramic Arts - Branch of Ukranian National Academy of Sciences.

have been renewed not long ago. According to the supporters of this version, these *šestokrilci* are the six-winged angels, the seraphs. Nevertheless, the appeal to theological literature shows the groundlessness of such interpretations. First of all, angels are asexual, they cannot propagate; they have no parents and no children. They are created by God and couldn't be brothers or other relatives. One cannot conjecture about their kinship amongst themselves and give некую axiological assessment to the latter. In accordance with Christian doctrine, there is the human race, but the angelic race does not exist; only the angelic assembly is instead of it. It is peccant to ascribe gender to angels. There is no way to compare brothers, the members of one family, born from a father and a mother, with angels. Living, prospering people couldn't be similar to angels. A man could not be equated with an angel, according to canons of the Christian Church. It is also irregular to identify dukes with angels at the beginning, and then praise them for their virtuous life, because angels are pious primordially, they cannot behave in a different way. At last, the seraphs are not martial; they only laud the God, therefore absolutely no good for comparing with courageous warrior dukes. This example reveals how carefully one should approach to the interpretation of any monuments of medieval literature and how important for scientists is to take the facts of mythology, theology, religious studies into consideration.

Keywords: The Tale of Igor's Campaign, Old Ruthenian literature, Judaism, Christianity, Orthodoxy, theology, angels, seraphs, religious studies, Kievan Rus.

Введение

Стремительное увеличение роли церкви и духовенства в социальной, политической и культурной жизни российского общества не могло не коснуться гуманитарных наук, в том числе медиевистики. С одной стороны, это способствовало возрастанию интереса к культурному наследию церкви, религиозной проблематике, с другой, прослеживается тенденция к распространению христианских толкований на те памятники культуры, где это не всегда является уместным и обоснованным. Прежде всего, это «Слово о полку Игореве», многочисленные «тёмные места» которого дилетанты и даже отдельные учёные пытаются теперь трактовать, прибегая к весьма отдалённым «параллелям» из Священного Писания христиан, часто заключающимся в наличии одного-единственного, как правило, широко распространённого слова, к тому же встречающегося в ином контексте. Подобный подход неминуемо приводит к тиражированию различных домыслов и натяжек.

Так, например, в этой эпической поэме есть известный призыв к волынским князьям – сыновьям Мстислава Изяславича:

«Инъгварь и Всеволодъ, и вси три Мстиславичи, не худа гнѣзда шестокрилци! Не побѣдными жребии собѣ власти расхытисте! Кое ваши златыи шеломы и сулицы ляцкыи и щиты! Загородите полю ворота своими острыми стрѣлами за землю Рускую, за раны Игоревы, буего Святославлича!» [1, с. 23-24, 32-33, 45].

Казалось бы, всё здесь понятно, если не считать эпитета князей, в отношении которого сделана попытка возобновить дискуссию. Российский филолог В. Кожевников, отвергнув без особых доказательств устоявшееся толкование образа шестокрыльцев как соколов, настаивает на том, что «шестокрыльцы, или серафимы, – название высшего и самого близкого к Богу ангельского чина; это непосредственные исполнители Его воли. По описанию пророка Исайи, серафимы имели шесть крыльев – символ высших духовных способностей (Ис 6:2–3)» [2, с. 461; 3, с. 133-134]. Примкнули к этой версии также исследователь мифологии М. Серяков [4] и литературовед Л. Гурченко [5].

Таким образом, братья-князья Мстиславичи в их понимании метафорически отождествляются с ангелами, а именно с серафимами. Казалось бы, всё просто: у серафимов – шесть крыльев, кто, как не они, может по праву называться шестокрыльцами? Но возникает проблема, возможно ли это в понимании образованного православного христианина, тем более в средние века. Следует напомнить, что ангельское воинство – ключевой и яркий образ христианской мифологии, который неизбежно вызывал многочисленные вопросы у широких масс неофитов: кто такие ангелы, откуда они взялись, являются ли они братьями, живут ли подобно птицам и кто из них чем занимается. Клир активно давал ответы на эти нехитрые вопросы, донося свои максимы даже до простонародья.

Собор ангельский в христианском вероучении

Ангелы были обязательной принадлежностью того мира, который утверждался христианским учением. В иудаизме считалось, что ангелы лишены пола, но, по воле Бога, могут обретать разные обличья, в том числе мужчины и женщины [6]. Согласно же религиозным представлениям христиан, ангелы (как и падшие ангелы-бесы) созданы христианским Богом прежде создания материальной Вселенной; их судьбы относительно независимы от судеб Вселенной; все они принципиально бесполы, даже если принимают некий внешний облик, и не могут размножаться – поэтому, в соответствии с православным учением, однозначно говорится, что существует лишь собор ангелов, но не существует рода ангелов, ни у кого из них нет ни родителей, ни детей. По той же причине каждый ангел может совершить или не совершить грехопадение только сам, на других ангелов последствия его выбора не распространяются. Богослов В. Лосский писал так:

«Ангелов нельзя определять термином «бесплотные духи», даже если их так называют отцы и богослужебные тексты. Они не являются существами «чисто духовными». Существует некая ангельская телесность, которая может даже становиться видимой. Хотя идея бестелесности ангелов в конце концов восторжествовала на Западе с томизмом, средневековые францисканцы, в частности Бонавентура, держались противоположного мнения; а в России XIX века епископ Игнатий Брянчанинов отстаивал эту телесность ангелов против Феофана Затворника. Но как бы то ни было, ангелы не имеют биологических условий, подобных нашим, и они не знают ни смерти, ни размножения. У них нет «‘‘кожаных риз’’».

Лосский обьяснял, что «единство ангельского мира совершенно отлично от нашего единства. Можно говорить о «роде человеческом», то есть о бесчисленных личностях, обладающих одной и той же природой. Но у ангелов, которые тоже существа личностные, нет единства природы. Каждый из них – отдельная природа, отдельный умопостигаемый мир. Следовательно, их единство не органическое и его можно было бы назвать по аналогии – единством абстрактным; это единство города, хора, войска, единство служения, единство хвалы, одним словом – единство гармоническое. Так можно было бы установить удивительное сближение между музыкой и математикой с одной стороны, и ангельскими мирами – с другой».

Поэтому ангельская вселенная открывает перед злом иные возможности, нежели человеческий мир. «Зло, воспринятое Адамом, смогло осквернить всю человеческую природу. Но злобная позиция одного ангела остается его личной позицией: здесь зло в каком-то смысле индивидуализируется. Если заражение и происходит, то через пример, через влияние, которое одна личность может оказывать на другие личности. Так, Люцифер увлёк за собой других ангелов, но пали не все: змий ниспроверг треть светил, – символически говорит “Апокалипсис”» [7, с. 161-162].

Итак, у не знающих размножения и не являющихся родственниками ангелов принципиально не может быть гнезда. Ни «худого», ни «доброго». Ни в значении

выводка, ни в значении семьи, ни в значении места, где обитают, откладывают яйца и выводят потомство птицы [8]. Поэтому сравнить братьев, принадлежащих определённому роду и рождённых в семье от отца и матери, с ангелами просто невозможно, тем более воинов, ведь серафимы не воинственны, они только пламенеют любовью к Богу и возжигают её в сердцах других, восхваляют Бога [9-10]. Нельзя приписать им родство между собой и дать последнему некую аксиологическую оценку.

Вопреки мнению историка философии В. Милькова [11], в христианстве всё же существовала единая концепция ангельского чина. По христианской доктрине, есть род человеческий, но у ангелов рода не имеется, у них есть только собор. Ангелы совсем иные, чем люди. Они сотворены, а не порождены. Современные толкователи соблазнились словом «шестокрыльци» и упустили из виду «гнѣздо». По этому поводу важны рассуждения другого видного богослова, протоиерея Сергия Булгакова:

«Ангелы имеют свою природу не в себе, но в Боге, они живут причастностью божественной жизни, — или, как можно было бы выразиться, не своей, но чужой жизнью (если только жизнь Божества может быть названа чужой для какого бы то ни было творения). Погружаясь в пучину божественной жизни, они погубляют свою душу, теряют свою индивидуальность, как ограничение, приобщаясь к Божественной Плероме. Однако это возможно при условии, если эти индивидуальности ангелов и в своих тварных взаимоотношениях, как ипостасированные лучи Славы, также пребывают в единении между собою. Это единение, не будучи природным, может быть только ипостасным, т. е. соборностью, полным согласием во взаимной любви ангельских ипостасей. Оно так и именуется Церковью: ангельский собор и, в отличие от него, человеческий род» [10, с. 110].

По объяснению Булгакова, «примышлять ангельскому миру различия пола, связанные с брачными отношениями, нечестиво и нелепо, поскольку эти различия связаны с телесным бытием человека, к тому же в падшем греховном состоянии, и с образом размножения человеческого рода, установленным Богом при его сотворении (Быт. 1,28). Ангелы, в отличие от человека, сотворены единовременным творческим актом. Будучи собором, но не родом, они не знают размножения и не имеют тела, следов. Пол как телесное различие здесь совершенно отпадает... Начнём с Евангелия от Луки (20, 34-36): «Господь сказал им в ответ: чада века сего женятся и посягают. А сподобившиеся достигнуть того века и воскресения из мёртвых ни женятся, ни посягают, и умереть уже не могут, ибо они равны ангелам и суть сыны Божии, будучи сынами воскресения». Это свидетельство о некоем равенстве сынов воскресения ангелам прилагается, конечно, прежде всего в отношении брачной жизни, о чем, собственно и был предложен вопрос, а не в невозможности для них умереть, о чем не было прямого вопроса. Последнее находится, очевидно, в связи с первым, как некоторое его соответствие. У Мф. 22, 23-30 сказано: «прельщаетеся, не зная Писаний, ни силы Божией, в воскресении бо не женятся, не посягают, но суть яко ангели на небесех» (25). Таким образом, выражение св. Луки: «равны ангелам» здесь заменяется равнозначным по смыслу: «суть яко ангели на небесех». Итак, прежде всего, что же сказано и чего не сказано в словах Господа? Здесь отвергается для будущего века состояние земного брака, которому придается лишь временное значение для земной жизни. Брак имеет непосредственной земной мыслью рождение детей, а это, в свою очередь, связано и с умиранием, сменой поколений, в которой только и существует в своем единстве человеческий род. Этот (плотский) способ размножения человека связан с состоянием грехопадения и оплотнения человека, с ним же связана и смерть (о том, как совершалось бы рождение человека безгрешного и потому бессмертного, мы не знаем). В воскресении не будет места одинаково ни рождения, ни смерти. Все имеющие родиться, чтобы затем пройти врата смерти, уже рождены и воскрешены. Они образуют целостный, не разрываемый смертью и сменой поколений человеческий род, обладающий уже бессмертием. И в этом он подобится ангелам, которые, будучи сотворены единым актом,

всегда существуют как «ангельский собор», в себя включающий совокупность всех ангелов (кроме падших). Вместе с прекращением размножения и устранением смерти теряет свое значение и брак, поскольку он связан с размножением» [10, с. 111-130]. Как указывал Булгаков, «ангельский собор соединяется в многоипостасное множество, по образу Св. Троицы, не через единство своей природы, которое отсутствует за отсутствием и самой этой природы, но исключительно через любовь, прежде всего к Богу, а затем и взаимную любовь друг к другу. Ангельский собор соединяется в расплавленности личной взаимной любви, в которой ангельская ипостась как бы умирает для себя, чтобы воскреснуть и жить в соборе, в многоедином, соборном, всеангельском я. Этот собор всеангельской любви станет образом и всечеловеческой любви после того, как все человечество перестанет быть абстрактным умопостигаемым понятием, но будет непосредственной действительностью, когда люди перестанут рождаться и умирать, «будучи сынами воскресения» (Лк. 20, 36). Это есть образ церковного единения, в котором соединяется «ангельский собор» и «человеческий род», составлявшие единую Церковь («едину церковь совершивша ангелом и человеком»)... Для полного уразумения этой мысли надо во всей силе их воспринять таинственные слова Господа: «пребывают как ангелы Божии на небесах» (Мф. 22, 30), не только в отрицательном смысле, в отношении и к плотскому полу и вытекающим из него брачным отношениям, но и в положительном, как указание взаимной любви ангелов, связующей их в единый собор. В полноте этой – тайна будущего века. Однако Господь в Своем ответе касается и её, притом ссылаясь на Писания, и тем свидетельствует, что ныне она не совсем скрыта для уразумения. Собор ангелов, имеющий за основание любовь к Богу и жизнь в Боге, скрепляется их взаимной личной любовью, которая питается взаимным любовным созерцанием индивидуальностей, личных свойств каждого ангела. В соборности ангельского мира, в любви ангельской, живет тварная София в ангельской многоипостасности ее лучей, в полноту сливаемых любовью. Мир небесный созидается любовью, есть гимн любви и её пламя» [10, с. 130-133]. Стало быть, ангелы пола не имеют, хотя о них и говорится как о существах мужского пола. Допускать его у них греховно. Также не существует рода ангелов, который бы размножался, как род человеческий. У них не род, а собор ангельский. Важно, что христианский Бог – Сын Иисус, хотя и получал откровения через ангелов, как и сам открывал им сокровенное, но принял облик человека, а не ангела, чтобы быть родственным людям и непосредственно соединиться с ними Боговоплощением [12].

«Слово о полку Игореве» и вопрос ангелоподобия в христианском богословии

Наконец, живого, здравствующего человека вообще невозможно отождествить с серафимом, а тем более Мстиславичей за их добродетели. Дело в том, что об ангелоподобии упоминается в Новом Завете так: «Ибо, когда из мертвых воскреснут, тогда не будут ни жениться, ни замуж выходить, но будут, как ангелы на небесах» (Марк 12:25). Подобие ангелам человек приобретёт только после физической смерти, да и то на Страшном Суде. До этого он быть ангелоподобным попросту не может.

Христианские апологеты, и прежде всего Григорий Нисский, имели весьма определённые взгляды на природу человека. Они полагали, что человек не может обладать духовными (интеллектуальными) воззрениями без материального субстрата. Человек – это единство мысли и тела. Материальный мир, сотворённый Богом, в христианских глазах, в отличие от неоплатонических воззрений, не был наделён отвратительными и наиболее низменными атрибутами. Определение человека как существа, находящегося между (посередине) божественным и звериным, по их мнению, не отвечало бы замыслам Творца. Страсти не могли быть в первом человеке. Это противоречило бы божественной доброте. Но из-за вкушения запретных плодов древа познания человек был изгнан из рая. Он «озверел» и утратил нечто от своей ангельской натуры. Только при воскресении люди будут подобны ангелам. В ранней патристике

чётко осознавали человека как телесное существо, обладающее мыслью. Душа присутствует во всех живых существах и в растениях. Но лишь человеку дана мысль. Очевидно, что «антропологические» взгляды Григория Нисского существенно отличали ангелов от людей.

В VIII веке Иоанн Дамаскин, рассматривая ангелов и людей, тоже много о них писал, но не отождествлял их. Человека он определял так же, как и Григорий Нисский. Люди – существа телесные и в то же время нетелесные, а ангелы – нетелесные. Разница между людьми и ангелами велика, что показывает сравнение небесной и земной иерархии, и нет возможности отождествлять их природу. Ясно прослеживалась мысль византийских богословов о том, что человек при жизни не может преодолеть грань между ним самим и ангелом [13]. Из разных источников в литературе Киевской Руси закрепились все эти представления о телесной природе человека и иерархии сущностей, о восполнении на Страшном Суде числа ангелов душами умерших праведников взамен сверженных с небес, о посреднических функциях ангелов [11]. Через ангелов нисходит к людям Богооткровение; однако люди – не ангелы и нуждаются в церковных таинствах (крещении, причащении, миропомазании) [12]. Человека нельзя по канонам христианской церкви приравнять к серафиму, херувиму, архангелу или ангелу. Неправомочно также сперва отождествить князей с ангелами, а потом похвалить их за то, что они не добыли свои волости в результате усобиц, а получили все земли законно, в наследство, даже между собой не нарушая возрастного права [14]. Ведь ангелы всегда высоконравственны и праведны, они не могут поступать иначе.

Гораздо более вероятно, что шестокрыльцы – это соколы, названные так благодаря тому, что во время парения у них особенно заметно деление оперения крыла на три части [15]. Отражение данного термина в славянских и балканских языках и фольклоре ещё нуждается в отдельном исследовании. Пока важно отметить, что в демотическом греческом языке, как и в новогреческом, шестокрыльцами (έξαπτέρυγος, ξεφτέρι) называются не сами серафимы, а лишь рипиды – богослужебная утварь для таинства евхаристии с их изображениями [16-18]. Гипотетическое значение ‘серафим’ для этих лексем только предполагалось отдельными исследователями.

Заключение

Именно наивная трактовка шестокрыльцев поэмы как серафимов является, по сути, атеистической, от непонимания доктрины при использовании внешней христианской эстетики для толкования гапакслегомена. Но и многие другие предположения того же автора таковы, что вряд ли могут быть согласованы с наукой и богословием. Например, согласно Кожевникову, готские девы почитали распятого готским же князем правителя Буса как воплощение Христа [2-3]. Источником этой идеи являются книги журналиста и одного из основателей российского неоязычества Александра Асова (Барашкова), который заявил, что распятый антский князь «Бус Белояр» и был обожествлён под именем Иисуса Христа, с которым слился его образ [19-20]. Следовательно, Кожевников, пытаясь «уберечь» толкование поэмы от язычества, на самом деле впал в распространение наиболее антинаучных неоязыческих вымыслов. Слово «тулы» он, в соответствии с досужими фантазиями казахского поэта Олжаса Сулейменова [21], толкует как половецких вдов [2-3]; прочие его допущения не менее абсурдны. Это показывает, что к толкованиям памятников средневековой письменности следует подходить очень осторожно, учитывая как опыт, накопленный наукой, так и данные мифологии, богословия, религиоведения.

Литература

1. Слово о полку Игореве / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. – М.-Л.: Издательство АН СССР, 1950. – 482, 46 с.

2. Кожевников В. А. Игореви князю Богъ путь кажеть (К проблеме главной идеи «Слова о

полку Игореве») // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского богословского института: Материалы. – М.: ПСТБИ, 2000. – С. 452-463.

3. Кожевников В. А. «Не по замышленію Бояню», или как князю Игорю «Богъ путь кажетъ»: К проблеме главной идеи «Слова о полку Игореве» // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – Выпуск 30. – С. 111-140.

4. Серяков М. Л. Одиссея варяжской Руси. – М.: Вече, 2015. – 320 с.

5. Гурченко Л. Славяно-русские древности в «Слове о полку Игореве» и «небесное государство» Платона. – М.: ООО «ТД Алгоритм», 2015. – 464 с.

6. Патай Рафаэль. Иудейская богиня. – Екатеринбург: У-Фактория, 2005. – 368 с.

7. Лосский В. Н. Догматическое богословие // Богословские труды. – М.: Издание Московской патриархии, 1972. – Сборник восьмой, посвященный Владимиру Лосскому. – С. 129-183.

8. Срезневский И. И. Материалы для словаря древне-русскаго языка. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1893. – Т. первый. А-К. – 806 с.

9. [Кастальский-Бороздин] Алипий, [Белов] Исайя. Догматическое богословие: Курс лекций. – Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1994. – 286 с.

10. Булгаков Сергий. Лествица Иаковля. Об ангелах. – Paris: Imp. de Navarre, YMCA Press, 1929. – 229 с.

11. Мильков В. В. Осмысление истории в Древней Руси. – СПб.: Алетейя, 2000. – 384 с.

12. Карсавин Л. П. Святые отцы и учители Церкви (раскрытие Православия в их творениях) / Предисловие и комментарии С. В. Мосоловой. – М.: Издательство МГУ, 1994. – 176 с.

13. Луковины Любош. Люди и ангелы. К интерпретации «Похвалы» Константина-Кирилла Григорию Богослову // Studi Slavistici. – Firenze: Firenze University Press, 2008. – Vol. V. – С. 7-14.

14. Махновець Леонід. Про автора «Слова о полку Ігоревім». – К.: видавництво при Київському державному університеті, 1989. – 264 с.

15. Шарлемань Н. В. Природа и люди Киевской Руси: Воспоминания. Автобиографии. Переписка. – К.: Простір, 2014. – 1136 с.

16. La Geste du Prince Igor'. Épopée russe du douzième siècle / Texte établi, traduit et commenté sous la direction d'Henri Grégoire, de Roman Jakobson et de Marc Szeftel, assistés de J. A. Joffe. – New York: Institut de philologie et d' histoire orientales et slaves, 1948. – 383 p.

17. Соловьев А. В. Восемь заметок к «Слову о полку Игореве» // Труды Отдела древнерусской литературы. – М.-Л.: Наука, 1964. – Т. XX. Актуальные задачи изучения русской литературы XI-XVII веков. – С. 365-385.

18. Назаренко А. А. Греческо-русский словарь христианской церковной лексики (с толковыми статьями). – М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2015. – 192 с.

19. Асов А. И. Славянские боги и рождение Руси. – М.: Вече, 1999. – 544 с.

20. Асов А. И. Славянские руны и «Боянов гимн». – М.: Вече, 2002. – 432 с.

21. Сулейменов Олжас. АЗ и Я. Книга благонамеренного читателя. – М.: Грифон М, 2005. – 272 с.

References

1. Slovo o polku Igoreve / Pod red. V. P. Adrianovoj-Peretc. – M.-L.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1950. – 482, 46 s.

2. Kozhevnikov V. A. Igorevi knyazyu Bog" put' kazhet' (K probleme glavnoj idei «Slova o polku Igoreve») // Ezhegodnaya bogoslovskaya konferenciya Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo bogoslovskogo instituta: Materialy. – M.: PSTBI, 2000. – S. 452-463.

3. Kozhevnikov V. A. «Ne po zamyshleniyu Boyanyu», ili kak knyazyu Igoryu «Bog" put' kazhet"»: K probleme glavnoj idei «Slova o polku Igoreve» // Dialog so vremenem: al'manah intellektual'noj istorii. – M.: Izdatel'stvo LKI, 2010. – Vypusk 30. – S. 111-140.

4. Seryakov M. L. Odisseya varyazhskoj Rusi. – M.: Veche, 2015. – 320 s.

5. Gurchenko L. Slavyano-russkie drevnosti v «Slove o polku Igoreve» i «nebesnoe gosudarstvo» Platona. – M.: OOO «TD Algoritm», 2015. – 464 s.

6. Pataj Rafael'. Iudejskaya boginya. – Ekaterinburg: U-Faktoriya, 2005. – 368 s.

7. Losskij V. N. Dogmaticheskoe bogoslovie // Bogoslovskie trudy. – M.: Izdanie Moskovskoj patriarhii, 1972. – Sbornik vos'moj, posvyashchennyj Vladimiru Losskomu. – S. 129-183.

8. Sreznevskij I. I. Materialy dlya slovarya drevne-russkago yazyka. – SPb.: Tipografiya Imperatorskoj Akademii nauk, 1893. – T. pervyj. A-K. – 806 s.

9. [Kastal'skij-Borozdin] Alipij, [Belov] Isajya. Dogmaticheskoe bogoslovie: Kurs lekcij. – Sergiev Posad: Svyato-Troickaya Sergieva Lavra, 1994. – 286 s.

10. Bulgakov Sergij. Lestvica Iakovlya. Ob angelah. – Paris: Imp. de Navarre, YMCA Press, 1929. – 229 s.

11. Mil'kov V. V. Osmyslenie istorii v Drevnej Rusi. – SPb.: Aletejya, 2000. – 384 s.

12. Karsavin L. P. Svyatye otcy i uchiteli Cerkvi (raskrytie Pravoslaviya v ih tvoreniyah) / Predislovie i kommentarii S. V. Mosolovoj. – M.: Izdatel'stvo MGU, 1994. – 176 s.

13. Lukoviny Lyubosh. Lyudi i angely. K interpretacii «Pohvaly» Konstantina-Kirilla Grigoriyu Bogoslovu // Studi Slavistici. – Firenze: Firenze University Press, 2008. – Vol. V. – S. 7-14.

14. Mahnovec' Leonid. Pro avtora «Slova o polku Igorevim». – K.: vidavnictvo pri Kiïvs'komu derzhavnomu universiteti, 1989. – 264 s.

15. SHarleman' N. V. Priroda i lyudi Kievskoj Rusi: Vospominaniya. Avtobiografii. Perepiska. – K.: Prostir, 2014. – 1136 s.

16. La Geste du Prince Igor'. Épopée russe du douzième siècle / Texte établi, traduit et commenté sous la direction d'Henri Grégoire, de Roman Jakobson et de Marc Szeftel, assistés de J. A. Joffe. – New York: Institut de philologie et d' histoire orientales et slaves, 1948. – 383 p.

17. Solov'ev A. V. Vosem' zametok k «Slovu o polku Igoreve» // Trudy Otdela drevnerusskoj literatury. – M.-L.: Nauka, 1964. – T. HKH. Aktual'nye zadachi izucheniya russkoj literatury XI-XVII vekov. – S. 365-385.

18. Nazarenko A. A. Grechesko-russkij slovar' hristianskoj cerkovnoj leksiki (s tolkovymi stat'yami). – M.: Izdatel'stvo Moskovskoj Patriarhii Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi, 2015. – 192 s.

19. Asov A. I. Slavyanskie bogi i rozhdenie Rusi. – M.: Veche, 1999. – 544 s.

20. Asov A. I. Slavyanskie runy i «Boyanov gimn». – M.: Veche, 2002. – 432 s.

21. Sulejmenov Olzhas. AZ i YA. Kniga blagonamerennogo chitatelya. – M.: Grifon M, 2005. – 272 s.

УДК 821.512.157

Е. В. Спиридонова, И. В. Собакина

Группы этнографических реалий и их художественный перевод на русский язык (на материале произведений В. С. Яковлева-Далана «Тыгын Дархан», П. А. Ойунского «Великий Кудангса»)

СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. В настоящее время большой интерес общества вызывают проблемы взаимоотношения различных культур и сохранения культурного многообразия. И, несомненно, хранилищем культурных ценностей народа является его язык, который называет объекты действительности, исходя из исторического опыта, условий проживания этноса, культурных традиций и религии. Именно язык позволяет постичь национальные образы различных народов. Перевод как вид духовной деятельности человека всегда играл существенную роль в истории, развитии, пропаганде культуры отдельных народов и мировой культуры в целом. В истории якутско-русского перевода отмечается большое количество переведенных текстов, отражающих национальный характер. Но тем не менее теоретические разработки начали появляться только в конце XX–в начале XXI вв. Основной проблемой перевода является передача безэквивалентной лексики, которая практически не поддается переводу. В современной теории перевода безэквивалентная лексика определяется как «лексические единицы, называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому». Перевод этого пласта лексики играет большую роль при осуществлении межкультурной коммуникации в современном мире и требует от переводчика максимального сохранения местного колорита оригинала. Целью исследования являются выявление и классификация этнографических реалий якутских эпических произведений, определение способов их перевода. Для достижения этой цели поставлены и решены следующие задачи: ознакомление с основными понятиями, требованиями общей теории перевода; классификация реалий, извлеченных из произведений В. С. Яковлева-Далана «Тыгын Дархан», П. А. Ойунского «Великий Кудангса»; выявление и анализ способов перевода этнографических реалий с якутского на русский язык, обобщение результатов работы. Материалом для данного исследования послужили примеры этнографических реалий, извлеченные из произведений В. С. Яковлева-Далана «Тыгын Дархан» и текста перевода А. Шапошниковой, П. А. Ойунского

СПИРИДОНОВА Елена Васильевна – магистр Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ СВФУ им. М.К. Аммосова.

E-mail: tutukarova86@mail.ru

SPIRIDONOVA Elena Vasil'evna – Master of the Institute of Languages and Culture of the Peoples of the Northeast of M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

СОБАКИНА Ирина Владимировна – к. филол. н., доцент кафедры стилистики якутского языка и русско-якутского перевода Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ СВФУ им. М.К. Аммосова.

E-mail: ivs1977@mail.ru

SOBAKINA Irina Vladimirovna – PhD in Philology, Associate Professor, Yakut Stylistics and Russian-Yakut Translation Departament of the Institute of Languages and Culture of the Peoples of the Northeast of M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

«Великий Кудангса» и русского перевода А. Борисовой. При разработке предлагаемого исследования были применены следующие методы: метод сплошной выборки, который позволил выявить примеры из материала исследования для анализа; описательный метод для выделения и описания этнографических реалий в эпических произведениях, изучения их передачи на русский язык; сравнительно-сопоставительный метод для выявления общих и отличительных свойств и признаков между якутскими и русскими языковыми формами, переводческих соответствий, эквивалентов. В ходе исследования выделен и проанализирован 181 пример этнографических реалий: реалии, описывающие быт и нравы: традиционная пища (26), посуда, утварь (25), дом, домашние принадлежности (18), традиционная одежда (15), украшения (5), транспорт (4); реалии, относящиеся к культуре, искусству: вера, традиции, обычаи (30), национальные игры (12), фольклор (5), музыкальный инструмент (3), время, календарь (3); труд: орудия труда (10), хозяйство (9), люди труда (3); этнонимы (13). Реалии показывают оригинальную культуру народа саха, которую переводчик, как связующее звено между автором и читателем, должен передать в полной мере. В произведениях «Тыгын Дархан», «Великий Кудангса» реалии переведены транскрипцией, уподоблением, генерализацией, описанием. Суть реалий подробно передают способы описания и транскрипции.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, этнографические реалии, культура, группы реалий, быт и нравы, труд, культура и искусство, этнические объекты, художественный перевод, способы перевода.

DOI 10.25587/SVFU.2020.75.55419

E. V. Spiridonova, I. V. Sobakina

Groups of Ethnographic Realities and their Artistic Translation into Russian (on the Material of Works of V. S. Yakovlev-Dalan "Tygyn Darhan", P. A. Oyunsky "Great Kudangsa")

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. At present, the problems of cultural relations and the preservation of cultural diversity are of great interest to modern society. And, undoubtedly, the repository of cultural values of the people is their language, which calls objects of reality, based on historical experience, living conditions of ethnos, cultural traditions and religion. It is the units of language that allow you to understand, learn the national images of different peoples. Translation as a kind of spiritual activity of man has always played an essential role in history, development, promotion of culture of individual peoples and world culture as a whole. In the history of Yakut-Russian translation there is a large number of translated texts reflecting the national character. But nevertheless theoretical developments began to appear only at the end of the 20 century and at the beginning of the 21 century. The main problem of translation is the transfer of non-equivalent vocabulary, which is practically non-translatable. In modern translation theory bezekvivalentny lexicon is defined as lexical units, calling the objects characteristic of life (life, culture, social and historical development) one people and alien to another. Translation of this layer of vocabulary plays a major role in the implementation of intercultural communication in the modern world and requires the translator to keep the local colour of the original as much as possible. The aim of the study is to identify and classify ethnographic realities of Yakut epic works, to determine ways of their translation. In order to achieve this goal, the following tasks have been set and solved: familiarization with the basic concepts, requirements of the general theory of translation; classification of realities extracted from the works of V. S. Yakovlev-Dalan "Tygyn Darhan," P. A. Oyunsky "Great Kudangsa"; Identification and analysis of ways of translation of ethnographic realities from Yakut into Russian; Summary of performance. The material for this study was provided by examples of ethnographic realities extracted from the works of V. S. Jakovlev-Dalan

"Tygyn Darhan" and the text of the translation by A. Saposhnikov, P. A. Oyunsky "Great Kudangsa" and the Russian translation by A. Borisovoy. In developing the proposed study, the following methods were used: the continuous sampling method revealed examples from the study material for analysis; Descriptive method - to highlight and describe ethnographic realities in epic works, to study their transmission into Russian; Comparative method allowed to identify common and distinctive properties and characteristics between Yakut and Russian language forms, translation matches, equivalents. During the research are allocated and analysed 181 examples of ethnographic realities: realities describing life and mores: traditional food (26), utensils, utensils (25), home, home accessories (18), traditional clothing (15), jewellery (5), transport (4); cultural realities, art: faith, tradition, customs (30), national games (12), folklore (5), musical instrument (3), time, calendar (3); labour: tools (10), farming (9), people of labor (3); ethnonyms (13). Realities show the original culture of the Saha people, which the translator, as a link between the author and the reader, must convey fully. In the works "Tygyn Darhan," Great Kudangsa "realities are translated by transcription, like, generalization, description. The essence of realities convey in detail the ways of description and transcription.

Keywords: intercultural communication, ethnographic realities, culture, groups of realities, life and mores, work, culture and art, ethnic objects, artistic translation, methods of translation.

Введение

В конце XIX в. Александр Потебня в статье «Язык и народность» упомянул, что перевод не всегда бывает идеальным, что существует так называемая теория непереводимости: «Крайне наивно думать, что хороший переводчик имеет способность выскакивать из своей народной шкуры и входить в инородную мысль» [1, с. 302]. Перевод нужен для того, чтобы понять, узнать культуру, быт и нравы других народов. Именно благодаря переводу мы читаем великие произведения, учимся всему хорошему, прекрасному. Перевод – это искусство. Если переводчик не вполне владеет своим языком, не любит его, не почитает, то он не может в полном объеме передать всю красоту, всю прелесть своего языка. Это особенно значимо при переводе реалий, несущих культуру, богатство каждого народа, поэтому переводчик должен понимать значение перевода, должен всем телом и душой проникнуть в тайны своего народа, думать и действовать как народ. И одной из главных задач современного якутско-русского переводоведения является анализ способов перевода реалий, показывающих особый быт, нрав, культуру народа саха.

В 1994 г. А. Шапошникова перевела на русский язык великое произведение Василия Яковлева-Далана «Тыгын Дархан». А в 2002 г. в связи с 110-летием якутского писателя, классика, государственного и политического деятеля П. А. Ойунского его два произведения «Александр Македонский», «Великий Кудангса» вышли на трех языках (на якутском, русском и французском), якутско-русский перевод был выполнен А. Борисовой. В этих произведениях описывается жизнь древних якутов, детально рассказывается о быте и нраве якутского народа, их историческом опыте, окружающей среде, материальной и духовной культуре, много этнографических реалий, описывающих культурные особенности данного народа. Перевод этого пласта лексики имеет большое значение, так как идея самого произведения заключается в отражении жизненных реалий народа саха того времени. Наряду с этим русский вариант перевода, чаще всего, выступает как язык-посредник для дальнейшего развития межкультурного якутско-иноязычного перевода. Необходимость всестороннего анализа, выявления закономерностей перевода этнографических реалий обусловила актуальность выбранной темы.

Целью исследования являются выявление и классификация этнографических реалий, определение способов их перевода на материале произведений В. С. Яковлева-Далана «Тыгын Дархан», П. А. Ойунского «Великий Кудангса». В задачи работы включены ознакомление с основными понятиями, требованиями общей теории перевода; классификация реалий, извлеченных из произведений В. С. Яковлева-Далана «Тыгын Дархан», П. А. Ойунского «Великий Кудангса»; выявление и анализ способов перевода этнографических реалий с якутского на русский язык, обобщение результатов работы. При разработке предлагаемого исследования были применены следующие методы: метод сплошной выборки, который позволил выявить примеры из материала исследования для анализа; описательный метод – для выделения и описания этнографических реалий в эпических произведениях, изучения их передачи на русский язык; сравнительно-сопоставительный метод – для выявления общих и отличительных свойств и признаков между якутскими и русскими языковыми формами, переводческих соответствий, эквивалентов. В современном переводоведении передаче безэквивалентной лексики, в т. ч. этнографических реалий, посвящены работы В. Н. Комиссарова, Я. И. Рецкера, Т. Д. Томахина, А. Д. Швейцера, Г. В. Чернова, Г. Туроверова, Л. И. Хайнце, Г. Г. Панова и др. Наиболее полно перевод данного пласта лексики рассматривается в работе «Непереводимое в переводе» крупнейших исследователей переводоведения XX в. С. Влахова, С. Флорина. Культура, народный дух, выраженные этнографическими реалиями, в рассматриваемых произведениях переданы на русский язык традиционными способами транскрипции, генерализации, уподобления, описания, в случае если реалия не несет значимой инфомационной нагрузки, использован способ опущения.

Безэквивалентная лексика в переводоведении

Перевод безэквивалентной лексики представляет собой большую и важную проблему частной теории якутско-русского перевода, передачи национального и исторического своеобразия народа саха. В настоящее время в современном переводоведении определены две основные трудности передачи реалий с одного языка на другой: 1) отсутствие в языке перевода соответствия (эквивалента, аналога) из-за отсутствия у носителей этого языка обозначаемого реалией объекта (референта); 2) необходимость, наряду с предметным значением (семантикой) реалии, передать национальную и историческую окраску. «Слова, служащие для выражения понятий, отсутствующих в иной культуре и в ином языке… не имеющие эквивалентов за пределами языка, к которому они принадлежат, называются безэквивалентной лексикой» [2, с. 53]. «Безэквивалентная лексика – слова исходного текста, обозначающие местные явления, понятия, реалии, не имеющие соответствий в языке перевода» [3, с. 188]. Перевод безэквивалентной лексики изучен в работах В. Н. Комиссарова, Я. И. Рецкера, С. Влахова, С. Флорина, А. В. Федорова, Л. С. Бархударова, Л. И. Зубкова, Т. Д. Томахина, А. Д. Швейцера, Г. В. Чернова, Т. Юдита, Г. Туроверова, Л. И. Хайнце, Г. Г. Панова, Ю. Найда и др. Помимо термина «безэквивалентная лексика» (Е. М. Верещагин, А. Д. Швейцер, Я. И. Рецкер, В. Г. Костомаров), были введены такие термины, как «экзотизм» (Е. М. Галкина-Федорук, А. Н. Гвоздев, А. Е. Супрун), «варваризм» (Л. П. Крысин), «локализм» (А. М. Финкель), «алиенизм» (В. П. Берков), «лакуна» (И. И. Ревзин). С. Влахов, С. Флорин в пласт рассматриваемой лексики включают реалии, фразеологические единицы, имена собственные, обращения, звукоподражания и междометия, отклонения от литературной нормы, термины, каламбур, сокращения; Л. К. Латышев – реалии, термины, экзотизмы; В. А. Маслова – пословицы и поговорки, мифологию, символ, эталон, стереотипы, метафору и образные слова, этикетные выражения и т. д.; А. О. Иванов – термины, неологизмы, лакуну, заимствования, аббревиатуру, междометия, звукоподражания, имена собственные, обращения, реалии, фразеологические единицы. Реалии – это предметы и явления, отражающие особенности жизни и быта определен-

ного народа. Показ национальных особенностей народа – вот сложность перевода. «Лингвокультурной спецификой текста переводчик должен владеть активно, поскольку она часто не дана в тексте в концентрированном виде, а рассеяна в нем или зашифрована, и его задача – опознать эту специфику, исходя из полных активных знаний» [4, с. 179-180]. Переводчик пытается воссоздать такое же произведение, как оригинал. В нем он показывает всю психологию, культуру, особенности этого народа. «Понимание буквы и проникновение в дух подлинника позволяет переводчикам не ограничиваться внешней формальной экзотикой и доносить до читателя ощущение чужеземности. Не поверхностным копированием чужеязычия, а путем глубоко понятой и чутко переданной сути, в которой заключена национальная особенность оригинала…» – отмечает И. Кашкин [5, с. 100]. Но при этом переводчик в каждом слове не должен видеть экзотику. По мнению В. С. Виноградова, «необходимо помнить, что, употребляя слово-реалию, писатель не всегда подчеркивает, не обязательно выявляет им сущность самой реалии, т. е. не акцентирует внимание читателя на отличии реалии от других предметов того же рода» [5, с. 101].

В современной теории перевода безэквивалентная лексика определяется как лексические единицы, называющие объекты, характерные для жизни одного народа и чуждые другому. Этнографические реалии представляют собой лексику, выражающую быт и культуру народов.

Группы этнографических реалий

Перевод любого художественного произведения – громадный труд каждого переводчика. Переводчик должен думать и мыслить как автор данного произведения, переводчик – друг, а не враг автора. В. Жуковский говорил: «Переводчик в прозе есть раб, переводчик в стихах – соперник». Эпическое произведение показывает жизнь, культуру, нравы, традиции народа. В данной работе мы рассмотрели произведения великих мастеров якутского слова В. С. Яковлева-Далана «Тыгын Дархан», П. А. Ойунского «Великий Кудангса». В. С. Яковлев-Далан весь свой творческий потенциал вложил в произведение «Тыгын Дархан». Нынче это произведение в переводе А. Шапошниковой известно по всей России (отдельная книга была напечатана в 1994 г). Роман известного якутского писателя Далана является лучшим произведением в якутской литературе. Писатель в своем романе талантливо описывает особый дух, нрав, характер, веру народа, а также неповторимую природу северного края. П. А. Ойунский ввел в якутскую литературу тип нового героя, образ борца-освободителя. Его герой – человек великий, человек с сильным духом Великий Кудангса.

Произведения Далана «Тыгын Дархан», П. А. Ойунского «Великий Кудангса» пропитаны истинно якутским духом, что определяет частое использование этнографических реалий, которые были сгруппированы определенным образом.

Реалии, описывающие быт и нравы

1. Традиционная пища

Наши предки знали толк в здоровой пище, на стол первым делом ставили молочные продукты, затем – мясные, рыбные. Традиционную пищу в рассматриваемых эпических произведениях можно разделить на следующие группы:

А. Молочные продукты: из якутских молочных продуктов для человека самое полезное – это суорат (досл. кефир). А. И. Эверстов в книге «Айыы аймахтара, күн улуустара» определил суорат как элексир долголетия [6]. Например, *Харалаах аас тэллэҕи сэргэлэр иннилэригэр күөх окко ууран, онно тоҕус кыракый чабычах арыылаах суорат таппыттара* [7, с. 273] – *Перед коновязями на зеленой траве постлали черные и белые шкуры и на них расставили семь небольших чабычахов, наполненных соратом и сверху залитых горячим маслом* [8, с. 234]. Кроме того, якуты, особенно ребятишки, обожают күөрчэх за завтраком (досл. сливки): *Мин оонньооботун диэбэппин эбээт, – күүскэ*

ытыллыбыт күөччэхтэн үп-үрүҥ күүгэн кытыйа иитин таһынан бысхалдьыйан ылбыта [7, с. 226]. – *Я не запрещаю ей играть! – белая пена, закрученная резким оборотом мутовки, выплеснулась за край кытыйи* [8, с. 228].

Б. Напитки: знаменитый во всем мире кумыс издавна считается лечебным напитком. Кумыс якуты пили во время тяжелой работы, особенно на сенокосе, он богат витаминами, необходимыми для человека: *Онон сэтинньи ый сэттис киэһэтигэр диэри ... кытарах биэ кымыһынан утахтаанҥыт силиибин хойуннарыҥ* [9, с. 25] – *досл. До седьмого вечера ноября... напоив кумысом из молока яловой кобылы костный мозг мой загустите.*

В. Рыбные продукты: рыба – важная еда для якутского народа. Как отмечает В. Л. Серошевский, якуты приготавливают из рыбы разные блюда, её варят, жарят, коптят, вялят, квасят, замораживают [10]: *Балыгы эҥин-эҥинник астыыр буолар эбиттэр: сыма, лыыба, аҕыраан, буһурук, баттыалык, хах, куйах, барча, хачыр* [7, с. 234] *Из рыбы здесь готовили самые разные блюда: сыму, лыбу, агыраан, бубурук, баттыалык, хах, куйах, барчу, хачыр* [8, с. 202].

Г. Мясные продукты: мясо – основной продукт в рационе питания якутов, богатый витаминами: *Манна баара-байтаһын сүөһү, убаһа этин амтаннааҕа, биир илиттэн суор холотугар диэри халыҥ хаһа, суон саал, эмис ойоҕос*, *бытта сыата, харта, быыһас диэн* [7, с. 32]. – *Каких только видов сала не было там: и загривочное, и брюшное, и нутряное! Лоснились жиром цельновареные грудинки и оковалки, блестели, истекая соком, куски огузков, бочков и лопаток* [8, с. 28].

2. Посуда, утварь. С давних времен якутские мастера из обычных деревьев делали разную посуду, утварь: деревянные чороны (кубки), кытыи (миски), хамыйах (ложки). Чорон – деревянный цилиндр, посуда для кумыса, разных размеров, на одной или трех ножках (украшено резьбой), сосуд вроде кубка-братины, кувшин, чаша, бокал, высокий сосуд с поддоном [11, 3650]: *Оо, үчүгэй даҕаны этэ муус маҥан мааны таҥастаах-саптаах кэрэчээн кыргыттар арыылаах кымыстаах чороонноох киирэн кэлбиттэрэ* [7, с. 52] – *Джоргот вспомнил хорошеньких девчат в нарядах из белой ровдуги, вынесших на тюсюлге чороны с кумысом* [8, с. 44]. В XVIII-XIX вв. начали появляться изделия из бересты, например, ыаҕас – посуда цилиндрической формы из сшитых вместе лоскутов бересты или берестовин, содержащая почти полведра или 5-10 фунтов сливок для носки неквашеного кобыльего молока или воды, берестяной туес, кувшин [11, 3737] *...дьиэлээх хотун, ыаҕастаах үүтүн хаҥас диэки илдьэн туруора-туруора, сэрэммиттии саҥа аллайбыта* [7, с. 149] – *…ласково приветствовала хозяйка гостью, осторожно ставя берестяной ыагас с парным молоком у левой стены* [8, с. 131].

3. Дом, домашние принадлежности. Балаган, ураса, тордох – все означают «дом». Известно, что ураса имеет много видов, из них самый старинный – переносной ураса: *...олҕуран-олохсуйан, үс курдаах моҕол ураһаны туруорбуттар, аҕыс баҕаналаах айдам уоругу айгыраппыттар, алтан баабыры аспыттар…* [7, с. 8] – *…соорудили исполинские могол урасы - берестяные шатры, скрепленные тройными узорчатыми поясами, воздвигли восьмиопорные огромные юрты, водрузили на подворьях резные коновязи, осели, начали обживаться…* [8, с. 7]. Дом богатых и бедных отличается: например, в хара дьиэ (черной юрте) живут работники, а в үрүҥ дьиэ (белой юрте) – хозяева: *Уол үрүҥ дьиэттэн тахсан соҕотоҕун хаалбытыгар…* [7, с. 490] – *Когда парень покинул юрту Марги* [8, с. 419]. *Хара дьиэни ыҥырыллыбатах ыалдьыт Сатай өҥөйбүтэ* [7, с. 182] – *В это время в черную юрту заглянул непрошенный гость – Сатай* [8, с. 162].

4. Традиционная одежда. Якутский народ показывает свое представление о мире, свои мысли, думы, связь с природой в узорах традиционной одежды. С. И. Петрова в книге «Өбүгэ таҥаһа уонна итэҕэл» (досл. Одежда предков и верование)

отмечает, что до XIX в. в одежде прослеживается сильная взаимосвязь с религией, позже увеличивается связь между народами, поэтому меняются формы, материал одежды [12].

А. Шапка: у якутов много видов головных уборов. Например, *киис тириитэ нуоҕайдаах дьабака чомпойун саба тардынан икки хараҕын сабынна, икки кулгааҕын бүөлэннэ* [9, с. 22] – *Натянул на глаза высокую шапку, заткнул уши, оперся лбом о медный посох свой и сидел так, изредка тяжко вздыхая* [9, с. 67]. Чомпой бэргэһэ – шьют из простой ткани или из тонкой шкуры животных, эту шапку одевает человек не богатый, а бедный. *Улуу Куданса обургу дьабака бэргэһэтин өрө анньан сэгэс гыннарда уонна уһуутаабытынан ойон турда* [9, с. 23] – *Куданса Великий славный приподнял с глаз высокую шапку-дьабака и, тяжко вздыхая, вскочил на ноги* [9, с. 48]. Дьабака шьют из шкур разных животных.

Б. Пальто: шуба у якуток имеет разный фасон, узоры. Шубу тангалай одевали в XVII-XIX вв., раньше называли кээдьи, кэдьинэ, кэдьикэ тангалай, её одевает только замужняя женщина. Невестка целых три года не должна показываться своему свекру и другим мужчинам, после трех лет ее должны видеть лишь в шубе тангалай. Тангалай сон – ритуальная верхняя одежда, сплошь вышитая бисером, рукава, края одежды отделаны мехом выдры [13, с. 250]: *көрдүөхтэрэ диэммин, муннараары, таҥалай соммун хомуска ыйаабытым* [7, с. 286] – *Моя шуба-тагалай промокла и мешала мне двигаться* [8, с. 245]. Бууктаах сон – женская нарядная шуба, её одевают девушки во время обряда и невестка перед свадьбой: *...саарбаҕа саһаннар, киискэ кистэнэннэр, буобуралаах бууктаах сону сайбаччы кэтэннэр, оҥооччуттан-бырдахтан кулун кутуруга дэйбиринэн быһыта сапсынар эбиттэр* [9, с. 6] – *...кутались в теплые собольи меха, выступали важно в нарядных дохах с бобровой опушкой и махалкой из жеребячьего хвоста отпугивали мошку* [9, с. 52].

В. Штаны, натазники: сыалдьа – короткие, прикрывающие только детородные части штаны, вроде русских купальных, делаются по преимуществу из кожи (летние) или из шкуры (зимние) штанишки, панталоны, натазники, брюки, штаны [14, 2424]: *... сыалдьатын сулбурутан, иһигэр тобус-толору хаары симпиттэрэ* [8, с. 355] – *… спустили ему штаны и насовали туда снега* [8, с. 306]. Кыабака симэҕэ – набор украшений у женских натазников, металлический наряд, носимый спереди ниже пупа вверху исподней одежды (пришивается к ремешку коротких женских штанов или натазников) [14, 1351]: *Кэргэн бардаҕына, кылынын аах модьоҕолорун атыллыырыгар кыыһыҥ кыабакатын симэҕэ тыаһаабатаҕына, хайа, бэйэҥ сирэйиҥ саатаарай?* [7, с. 266] – *Если у твоей дочери при входе в дом мужа не зазвенят колокольчики невинности, разве ты не покраснеешь от стыда* [8, с. 228].

Г. Обувь: якуты как народ, живущий в суровых северных краях, добились того, чтобы их одежда была удобной и одновременно держала тепло. Тыс этэрбэс бывает и мужской, и женской, и детской, её шьют из шкуры оленя: *... тыйыс сарыыны дыгдаччы таҥнаннар, тыс этэрбэстэнэн...* [9, с. 13] – *…одевались в грубую ровдугу, надевали торбаса из жесткой замши* [9, с. 52]. Сарыы этэрбэс – обувь, дошедшая и до нас, её одевают по праздникам, когда идут в гости: *Уол өтөрү-батары саҥатыттан аны кыыс кыбыстыбыта, тугу да кыайан булан хардарбакка, киэһээҥи сииктэн сиигирбит сарыы тирэҥсэтин тумсун көрө испитэ* [7, с. 95] – *Это смутило Туллук, и она, не зная, как быть, уставилась на потемневшие от росы носки замшевых торбасов* [8, с. 82].

5. Украшения. Весь мир восхищается украшениями, умело сделанными якутскими мастерами. Это могут быть и сувениры, и женские украшения. Народ уважал мастеров искусств, почитал их, гордился ими: *Кийиит кыыс киэргэлэ – ойуулаах-мандардаах төбөҕө кэтэр үрүҥ көмүс бастыҥа, түгэхтээх, илбиргэстээх, сүнньүөхтээх ытарҕа, харыга кэтэр бөҕөх, кымырдаҕас ойуулаах* өттүк симэҕэ, моой симэҕэ, илин-кэлин кэбиһэр – *барыта баара* [7, с. 341] – *Не забыто было ни одно из украшений... – ни*

начельник-бастынга, ни длинные серьги, ни наручные браслеты, ни набедренные подвески с изображением муравьев, ни ожерелье илин-кэлин кэбисер, ниспадающее на грудь и спину [8, с. 193]. Илин кэбиһэр – одна или две серебряные или вообще металлические гравированные пластинки в 4 дюйма длины и 2 ширины, подвешенные на ремешках к передней части шейного кольца, на нижней стороне таких пластин обыкновенно находятся 12 небольших отверстий, к которым привязаны 4-6-8 серебряных цепей [15, с. 925]. Кэлин кэбиһэр – серебряная гравированная пластинка в виде трапеции, прикрепленная к задней части шейного кольца или подвешенная на ремешках к затылочной части головной повязки, на нижней стороне пластинки имеются небольшие отверстия, к которым привязаны 4 или 8 серебряных цепей, состоящих из разных, связанных между собою, пластинок [15, с. 1021].

6. Транспорт. Предки якутов зимой ходили на оленях, лошадях, летом на лодках. Их главный транспорт – собака и лошадь, к ним привязывали санки, называемые наарта: *...кыһынын уһун синньигэс түнэнэн кэлгиллибит наарта сыарҕаланаллар* [7, с. 49] – досл. *зимой ездили на санях-нарты, связанными длинной тонкой веревкой из ровдуги; ...кинилэр аттанан-ыҥыырданан, ынахтанан-оҕустанан модьу көпсөлөргө тиэйинэн…* [7, с. 209] – *...они на лошадях, быках, деревянных плотах....*

Реалии, относящиеся к культуре, искусству

1. Вера, традиции, обычаи. Когда якутская девушка выходит замуж, родители жениха платят родителям невесты калым. Калым в основном дарят землями, крупным рогатым скотом. Насколько богата семья невесты, настолько и увеличивается размер калыма: *Ол эмиэ уруу сиэрин-туомун курдук өбүгэлэр саҕаттан олохтоммут үгэс этэ, төккүттээһин диэн ааттыыллара* [7, с. 486] – *Обычай этот был древний и назывался теккют* [8, с. 416]. Илбис – по якутским поверьям дух войны, дух кровопролития: *Илбис иҥэрии диэн улахан аньыы-хара буоларын буолар даа, онно биһигини наахаралар тириэртилэр* [7, с. 363] – *Впустив в него Дух убийства, мы, конечно, совершим большой грех* [8, с. 312]. Ысыах – главный праздник в культуре народа саха. В этот день одевают лучшие наряды, пьют богатырский напиток кумыс, люди приходят из разных уголков, веселятся. Ысыах – это символ слияния человека и природы. Главная гордость ысыаха – сэргэ. Украшают сэргэ салама: *...чэлгиэннээх тусаһатыгар ситии саламаны сириэдиттим...* [7, с. 28.] – *досл. широкое подворье веревкой-салама украсил...*

2. Национальные игры. В «Великом Кудангса» можно найти множество игр наших предков, уже забытых и таких, в которые до сих пор играют: *Оҕо-чаҕар өттө дьиэрэҥкэй тэбэн, кулун куллуруһан, харах симсэн, анньа бөрдө буолан, атах тэпсэн, чохчоохойдуу оонньуур эбиттэр* [9, с. 6] – *Молодежь играла в дьеренкей, кулун куллурусун, анньа берде, харах симсии, атах тэпсии, чохчоохой* [9, с. 54]. А. С. Федоров в своей работе «Өбүгэлэрбит оонньуулара (досл. Игры предков)» указывает: «Кулун куллуруһуу – элементы этой игры входят в якутский танец. Игра, которую молодежь любит играть в саилыке [16]. «Анньа Бөрдө», один ребенок – Бөрдө, другой – Анньа, остальные – дети Анньа. Бөрдө гонится за детьми Анньа. Анньа и Бөрдө стоят напротив друг друга. Если Бөрдө поймает ребенка, то он выходит из игры», – пишут П. К. Васильев, М. К. Охлопков. [17]. Игры предков, прыжки, перетягивание палки учат молодежь быть сильными, выносливыми.

3. Фольклор. Якутский фольклор имеет богатую культуру, традиции. Олонхо – синкретическое произведение, якуты после тяжелой работы долгими вечерами любили слушать олонхо: *...улуутуйар Улуу Суорун оҕонньор баара буолуо диэн олоҥхо хоһоонун, ойуун тойугун бэркэ итэҕэйэр эбиттэр* [7, с. 7] – *ненасытный и алчный старей Великий Суорун – так вещал шаман, так сказывалось в олонхо, так пелось в тойуке, и все тому очень верили* [8, с. 53]. Осуохай, якутский танец, отличается по улусам: вилюйский, олекминский, таттинский: *...тус-туспа түөлбэлэринэн олоохуналыы,*

хаҥаластардыы, таатталардыы, мэҥэлэрдии, бүлүүлэрдии оһуохайдаан ньиргиппитэ [7, с. 33] – *…захороводили осуохай, дружно повторяя за запевалами танцевальные припевы то на хангаласский, то на таттинский, то на мегинский, то на вилюйский лад…* [8, с. 29].

4. Музыкальный инструмент. До прихода русских на якутскую землю якутский народ имел свои музыкальные инструменты. После тяжелой работы люди любили петь, играть на инструментах. Табык – якутский музыкальный инструмент размером больше бубна: *Дьорҕоот көрөн истэҕинэ, арай, эмискэ сарсыардааҥы дьыбарга өрө хабыллан, Одур Булгунньах үрдүттэн табык тыаһа дарбыйбыта* [7, с. 407] – *Внезапно морозный воздух сотрясся от оглушительного грохота табыка, и сейчас же на вершину холма выскочили верховые баягантайцы* [8, с. 348]. Хомус – знаменитый якутский музыкальный инструмент: *Хомус тыла кылырҕаабыта, ырыа тохтообута, дьахтар хараҕын уутун соттубута* [7, с. 151] – *Пальцы дрогнули, хомус издал резкий, немелодичный звон и замолк* [8, с. 133].

5. Время, календарь. В романе Далана «Тыгын Дархан» описывается век войны, век раздора, кровопролития. В якутской культуре существуют понятия, обозначающие временное пространство: *Тунах ыйа – иккис ый, бастакы ый – ыам ыйын кэнниттэн кэлэр* [7, с. 9] – *Тунах Ыя – Месяц Изобилия – приходил вслед за первым месяцем года маем, который называется Ыем Ыя – Месяц Икрометания* [8, с. 8]. *Улуу Добдурҕа иннинээҕи бүөрэм сөрүүн кэмнэр Саха сирин үрдүнэн сатыылаабыттара* [7, с. 394] – *На землю саха опустилась тихая прохладная погода, предшествующая первым холодам* [8, с. 338].

Реалии, относящиеся к труду

1. Орудия. Якуты издавна считаются народом, любящим, уважающим труд. Орудия наших предков можно разделить на две группы: для охоты и для войн, сражений. В этих произведениях много примеров орудий для войны. У боотура (воина) была специальная одежда для сражений, орудие войны делал кузнец. Чаачар саа делается из обычного дерева: *чаачар саатын муннукка өйөннөрбүтэ* [7, с. 91] – *Поставив в угол самострел, он сел рядом с отцом* [8, с. 79]. Орудие охоты у древних якутов отличается от нынешнего, зависит от размера дичи: *тайахха эҥин араас түүлээх тойон ох, кыра кыылларга – уостаах ох, көтөргө – чопчу быыра, көҥдөй ох, кубаҕа, туруйаҕа – ытарҕалаах быыра, тииҥҥэ – мас малтааны оноҕос, куобахха – муос оноҕос, мутукка иҥнибит тииҥи ыларга анаммыт тэлээн ох диэннэри оҥортообута* [7, с. 443] – *Вот эта большая оперенная стрела, именуемая тойон ох, годна для убоя крупного зверя. Зверей помельче можно добывать с помощью стрел уостаах ох, птиц – стрелами чопчу быыра и кендей ох, лебедей и журавлей – стрелами ытар5алаах быыра, белок – тупыми деревянными стрелами малтаны оногос, зайцев – стрелами с костяными набалдашниками* [8, с. 379].

2. Хозяйство. Наши предки жили далеко друг от друга по аласам. Каждое лето жили в сайылыках, а зимой – в зимовье: *Саха ыаллара уһун кыһыны быһа тус- туһунан чоҥкучах алаастарынан чуҥкуйан олорон кыстаан баран, дьэ, бары сайылыктарга көһөн тахсан бииргэ холбоһон, эр дьон кэпсэтиитинэн, оҕо-дьахтар саҥатынан, сүөһү маҥырааһынынан тигинээн - таҥынаан эрэллэрэ* [9, с. 9] – *В такие-то дни уранхайские семьи, истомленные скучной и скудной на развлечения многомесячной жизнью в зимних юртах, разбросанных далеко друг от друга по таежным еланям и урочищам, с восторгом сьезжались на саилыки- места летовий и пастбищ* [9, с. 18]. Рядом с домом были дом для работников, амбар, хотон и другие пристройки: *Улуу Кудаҥса обургу уруйдаан бүтэрин аҕай кытта хотон иһигэр сүөһү үөһүн таттаран бэрт улахан орулаһыы буолла* [9, с. 34] – *Едва Куданса Великий славный кончил свою здравицу, как в хотоне послышались истошные вопли, раздались тяжкие, глухие стоны* [9, с. 79].

3. Люди труда. В романе «Тыгын Дархан» ярко виден образ бедняка, раба: *Былырыыҥҥа диэри бары да үлэлэргэ кини Тыгын кулуттарыттан-чаҕардарыттан үгүстэриттэн мөлтөһүөргэ дылыта* [7, с. 69] – *Вплоть до прошлого года он казался чуть ли не самым хилым среди людей Тыгына* [8, с. 59]. Тэҥсик – человек, приносящий вести. Во времена Тыгын Дархана был хара сурах тэҥсигэ (посланец черных вестей), который приносил нехорошие вести (о смерти). По обычаю, человека с плохой вестью сразу должны были убить, такова его судьба: *Үс атастыылар ханнык да тэҥсиктээҕэр түргэнник ол сураҕы ыалларга тириэрдибиттэрэ* [7, с. 154] – *Эту новость скорее самого быстрого гонца разнесли три приятеля Тоюк, Джеллик и Албан* [8, с. 36].

Этнонимы

«Тыгын Дархан», «Великий Кудангса» – исторические произведения. В них названия народов, наций, названия местностей очень необычные для нас. … *Ок-сиэ, бу бороҕон дьуоттулар тойон түһүлгэҕэ олус да ыкса түспүттэр* [7, с. 11] – *Эти борогонцы устроились чересчур близко к нам* [8, с. 10] *Энэлгэннээх тойуктаах, эгэлгэлээх сэргэлээх Эҥэлэр эбитэ дуу?* [7, с. 10] – *Может, то были Эгинцы, чьи песни были протяжны и полны непонятной печали?* [8, с. 7]. *Түннүгэ-үөлэһэ суох холомо дьиэлээх Сартыаллар дуо?* [7, с. 10] – *Или Сартыалы, чьи шатры, укрытые пластами дерна, не имели ни дымоходов, ни окон?* [8, с. 7].

В рассматриваемых произведениях выделены реалии, описывающие быт и нравы (традиционная пища, посуда, утварь, дом, домашние принадлежности, традиционная одежда, украшения, транспорт), относящиеся к культуре и искусству (вера, традиции, обычаи, национальные игры, фольклор, музыкальный инструмент, время, календарь), труду (орудия труда, хозяйство, люди труда), и реалии-этнонимы, которые отражают уникальную культуру и быт народа саха и являются неотъемлемой частью произведений.

Способы перевода этнографических реалий с якутского на русский язык

Несмотря на то, что слово-реалия относится к безэквивалентной лексике, она переводима. Для полной передачи реалии необходимо дать не только содержание слова, но и передать национальный колорит народа. В современном переводоведении существует несколько классификаций способов перевода реалий, например, В. Н. Комиссаров делит способы перевода реалий на 4 группы: транскрипция, гипонимический перевод, обьяснение и уподобление [18]. В. С. Виноградов делит на 5 групп: транскрипция, гипонимический перевод, объяснение, уподобление и калькирование [19]. На наш взгляд, наиболее полной является классификация, предложенная А. С. Влаховым и С. Флориным [20], которые делят способы перевода на следующие группы.

Транскрипция. В современной теории перевода транскрипция – буквенное написание реалий – самый распространенный способ передачи реалий. Этим способом можно переводить все реалии, используемые в контексте, но в большей мере транскрибируются имена собственные, названия местностей, этнографические реалии, герои фольклорных произведений... «Транскрипция – механическое перенесение реалии из исходного языка на язык перевода графическими средствами последнего с максимальным приближением к оригинальной фонетической форме, т. е. передача на уровне фонем» [21, с. 193]. А. А. Реформатский: «… особенно важно сохранение таких слов при переводах с чужих языков, где вовсе не надо переводить, а иной раз необходимо сохранять названия, лишь транскрибируя их» [22, с. 137]. Переводчик должен решить: переводить или транскрибировать. Перевод реалий зависит от контекста, от содержания реалий, от ее роли в тексте и от читателя, которому адресован данный текст. В переводе произведения «Великий Кудангса» мы обнаруживаем следующий пример использования транскрипции: *Оҕо-чаҕар өттө дьиэрэҥкэй тэбэн, кулун куллуруһан, харах симсэн, анньа бөрдө буолан, атах тэпсэн, чохчоохойдуу оонньуур эбиттэр* [9, с. 6] – *Молодежь играла в дьеренкей, кулун куллурусун, анньа берде, харах симсии, атах тэпсии, чохчоохой*

[9, с. 56]. Реалии при переводе не сопровождены объяснениями или комментариями, что, на наш взгляд, нагромоздило бы предложение, с помощью сказуемого «играть» читатель понимает общее содержание. Способ транскрипции чаще всего используется с приемом добавления комментария с целью полноценной передачи содержания и смягчения границы чуждости. В произведении «Тыгын Дархан» А. Шапошникова способом транскрипции перевела 11 реалий: *Тайахха эҥин араас түүлээх тойон ох, кыра кыылларга – уостаах ох, көтөргө – чопчу быыра, көҥдөй ох, кубаҕа, туруйаҕа – ытарҕалаах быыра, тиинҥэ – мас малтааны оноҕос, куобахха – муос оноҕос, мутукка иҥнибит тиинҥи ыларга анаммыт тэлээн ох диэннэри оҥортообута* [7, с. 443]. – *Вот эта большая оперенная стрела, именуемая тойон ох, годна для убоя крупного зверя. Зверей помельче можно добывать с помощью стрел уостаах ох, птиц – стрелами чопчу быыра и кендей ох, лебедей и журавлей – стрелами ытарҕалаах быыра, белок – тупыми деревянными стрелами малтаны оногос, зайцев – стрелами с костяными набалдашниками* [8, с. 379]. *Одуну далаҕа түөрэҕи илиитигэр ылан алҕаан барбыта* [7, с. 502] – *Он взял гадальный терэх и начал заклинать* [8, с. 429].

Генерализация. В современной теории перевода генерализация – это перевод от частного к более общему. Прием близок к приблизительному переводу, который «передает предметное содержание реалии, но колорит почти всегда теряется, так как происходит замена ожидаемого коннотативного эквивалента нейтральным по стилю, то есть словом или сочетанием с нулевой коннотацией» [20, с. 90]. Главный недостаток этого способа – теряется исторический, этнографический, национальний колорит народа. Приблизительный перевод «всегда таит в себе опасность недопустимой национально-культурной ассимиляции» [23, с. 132]. В рассматриваемых переводах генерализация применяется лишь в тех случаях, когда переводчик не хочет повторений, тавтологий в тексте, когда перевод не искажает содержание: *Ол кэнниттэн Туймаада тойоно уһуннук ыҥыырга олорон көһүйбүт, сааһырбыт киһи хаамыытынан балаҕанын диэки баадайа турбута* [7, с. 473] – *Затем неловкой походкой уставшего, немолодого человека владыка Туймаады побрел домой* [8, с. 404]. Есть примеры, когда прием генерализации компенсируется приемом добавления для усиления значения: *Сүрэҕи сөрүүкэтэр сөрүүн сүөгэй, утаҕы ханнарар кымыс, быырпах ууруллубута* [7, с. 134] – *К счастью, пищи для родных она не жалела. Готовила обильно и вкусно. Вот и теперь стол был уставлен самой разнообразной и сытной едой* [8, с. 119]. Генерализация в некоторых случаях используется во избежание излишней конкретизации, чтобы уделить основное внимание не реалии, а происходящему событию: *Хараҥаҕа ордук хойдубукка дылы буолбут чабычахтары, кытахтары, кытыйалары-хамыйахтары сымсатык тумнан* [7, с. 417] – *Как лиса, крадущаяся к мыши, парень неслышно обошел в кромешной темноте все предметы обстановки* [8, с. 356]. В этом случае важно не то, через какую берестяную посуду перешагнул герой, а то, как тихо, незаметно он прошел.

Уподобление. Прием «удобен для передачи реалий-мер, в частности, когда они предназначены для создания у читателя каких-то качественных представлений» [21, с. 194]. «Передает предметное содержание реалии, но колорит почти всегда теряется, так как происходит замена ожидаемого коннотативного эквивалента нейтральным по стилю, то есть словом или сочетанием с нулевой коннотацией» [19, с. 90]. *Батас иҥсэлээхтик кэтэрдибитэ уонна кураанахтаммыт чохоону оронун баһыгар киэр уурбута* [7, с. 299] – *Поставив чорон у изголовья, он упал навзничь и, глядя в потолок, проговорил* [8, с. 257]. Чохоо – маленькая деревянная чашка, чорон – деревянный кубок для кумыса, оба предмета деревянные, но чорон более распространенный и брендированный, что, возможно, повлияло на выбор переводчика. *Элэйэн-элэйэн киил буолбут муос сүгэни ойуун кыаһааныгар солбуйа баайан кэбистилэр* [9, с. 16] – *Занесли старый, затупившийся костяной топор и подвесили к жестяным бляшкам убранства*

шамана [9, с. 61]. Кыаһаан – набор разных украшений, подвески на шаманском костюме, в переводе – жестяные бляшки.

Описание. Поясняет содержание реалии, при этом размер текста увеличивается, что является основным его недостатком. В большинстве случаев используется вместе с транскрипцией и калькой. Этот способ особенно значим при переводе реалий, т. к. подробно объясняет суть реалий. Например, если илин кэбиһэр не обьяснить, как *ниспадающее на грудь и спину богатое серебряное украшение,* человеку, не знающему, что за украшение, понять смысл слова будет сложно. Обьяснение состоит из двух или более слов или дается как приложение. Это основной способ передачи реалий. В переводах этих трех произведений нет приложения, но переводчики рядом с реалией объясняют: *Киис тириитэ нуоҕайдаах дьабака чомпойун саба тардынан икки хараҕын сабынна, икки кулгааҕын бүөлэннэ* [7, с. 22] – *Натянул на глаза высокую шапку, заткнул уши, оперся лбом о медный посох свой и сидел так, изредка тяжко вздыхая* [8, с. 67].

Опущение. В переводе эпического произведения, в основном в романе «Тыгын Дархан», можно встретить и такой способ перевода реалий, как опущение. Например, *положил в чабычах* переводчик переводит как *спрятал*, не говоря где, в какой посуде спрятал. *Ньырбачаан астыыр астарыттан Дорҕоон Уус ордук мөлбөҥ сөбүлүүрэ* [7, с. 141]. *Мөлбөҥ кыһынын таһырдьа таһааран тоҥорон, чохоон оҥордоххо, киһи төһөҥ баҕарар сиир* [7, с. 141]. Прием опущения переводчики используют в случае, когда реалии не играют основную роль в содержании, основное внимание уделяется происходящему действию, событию.

При передаче этнографических реалий переводчики использовали способы транскрипции, генерализации, уподобления, описания, некоторые реалии были опущены. Как справедливо отмечает Н. К. Гарбовский, «Переводчик сам устанавливает меру своей ответственности как перед автором оригинала, так и перед читателем, он вырабатывает собственную норму соответствия текста перевода тексту оригинала. Оценка превращается в самооценку, а нормативность предстает как внутреннее убеждение переводчика о критериях истинности отношения эквивалентности между текстом оригинала и текстом перевода» [24, с. 520].

Заключение

Произведения В. С. Яковлева-Далана «Тыгын Дархан», П. А. Ойунского «Великий Кудангса» показывают историю, жизнь, быт якутского народа, поэтому много примеров этнографических реалий, показывающих культуру, традиции данного народа. Выделенные реалии были сгруппированы по классификации С. Влахова и С. Флорина (181 пример): реалии, описывающие быт и нравы: традиционная пища (26), посуда, утварь (25), дом, домашние принадлежности (18), традиционная одежда (15), украшения (5), транспорт (4); реалии, относящиеся к культуре и искусству: вера, традиции, обычаи (30), национальные игры (12), фольклор (5), музыкальный инструмент (3), время, календарь (3); труд: орудия труда (10), хозяйство (9), люди труда (3); этнонимы (13). В количественном плане преобладают группы бытовых реалий (93) и реалии, относящиеся к культуре и искусству (53), что обусловлено тематикой произведений. Реалии отражают оригинальную культуру народа саха, особенный колорит.

Рассматриваемые реалии переданы способом транскрипции с целью сохранения национального колорита, сохранения «своего» через средства «чужого» языка, его использование обусловлено попыткой максимального приближения к оригинальной фонетической форме. Транскрипция сама по себе ничего не говорит о значении слова-оригинала, что определяет ее сопровождение описанием. Генерализация сохраняет информативную коннотацию, позволяет приблизительно передать содержание реалии единицей с более широким значением. Уподобление использовано для приближения произведения к читателю, передает предметное содержание реалии, однако колорит

почти всегда теряется. Описание, как способ передачи инокультурной информации, нацелено на передачу максимально полной информации об обозначаемом объекте. Наряду с вышеуказанными способами был использован способ опущения во избежание тавтологии, избыточной информации и привлечения внимания читателя к более важным моментам сюжета произведения. Способы передачи этнографических реалий при переводе зависят от функции, которую выполняет данная лексическая единица в тексте.

Не все способы перевода могут в достаточной мере раскрыть значение безэквивалентной лексики, обеспечить полное восприятие их сути. Каждый переводчик самостоятельно принимает решение при выборе способов, приемов перевода. Перевод этнографических реалий представляет собой трудную, кропотливую, требующую таланта и особого подхода работу, и требует от переводчика максимальной сосредоточенности, больших знаний, кругозора. Именно в таких словах-реалиях прослеживается жизнь, память, культура якутского народа. Современная теория перевода подчёркивает необходимость сохранения национального колорита оригинала. И этот вопрос всегда должен стоять перед любым переводчиком.

Литература

1. Нелюбин Л. Л., Хухуни Г. Т. Наука о переводе. История и теория с древнейших времен до наших дней. – М.: Флинта, МПСИ, 2006. – 416 с.

2. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М.: Изд-во МГУ, 1973. – 235 с.

3. Миньяр-Белоручев Р. К. Общая теория перевода и устный перевод. – М.: Воениздат, 1980. – 237 с.

4. Алексеева И. С. Введение в переводоведение. – М.: Издательский центр Академия, 2011. – 368 с.

5. Виноградов В. С. Лексические вопросы перевода художественной прозы. – М.: Изд-во Московского университета, 1978. – 174 с.

6. Эверстов А. И. Айыы аймахтара. Күн улуустара. – Якутск: Бичик, 2004. – 184 с.

7. Яковлев В. С.-Далан. Тыгын Дархан: Историческай роман. – Дьокуускай: Бичик, 1993. – 512 с.

8. Яковлев В. С.-Далан. Тыгын Дархан: Роман / авториз. пер. с якут. А. Е. Шапошниковой. – Якутск: Бичик, 1994. – 432 с.

9. Ойуунускай П. А. Улуу Куданса. – Якутск: Бичик, 2002. – 160 с.

10. Серошевский В. Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. – М.: Московская типография № 2, 1993. – 736 с.

11. Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. Т. 3. – М.: АН СССР, 1959. – 2509-3858 стб.

12. Петрова С. И. Өбүгэ таҥаһа уонна итэҕэл (Одежда и верование предков). – Якутск: Бичик, 1999. – 80 с.

13. Окладников А. П. История ЯАССР. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – 432 с.

14. Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. Т. 2. – М.: АН СССР, 1959. – 1281-2508 стб.

15. Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. Т. 1. – М.: АН СССР, 1958. – 1-1280 стб.

16. Федоров А. С. Өбүгэлэрбит оонньуулара (Игры предков). – Якутск: Книжное изд-во, 1992. – 48 с.

17. Васильев П. К., Охлопков М. К. Сахалыы оонньуулар. – Якутск: Якутское изд-во, 1985. – 59 с.

18. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.

19. Виноградов В. С. Перевод: общие и лексические вопросы. – М.: КДУ, 2004. – 240 с.

20. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. – М.: Междунар. отношения, 1980. – 352с.

21. Голикова Ж. А. Перевод с английского на русский. – М.: Новое издание, 2004. – 287 с.

22. Реформатский А. А. Введение в языковедение. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 536 с

23. Латышев Л. К., Семенов А. Л. Перевод: теория, практика и методы перевода. – М. Академия, 2003. – 192 с.

24. Гарбовский Н. К. О переводе. – М.: ФОРУМ, 2016. – 752 с.

References

1. Nelyubin L. L., Huhuni G. T. Nauka o perevode. Istoriya i teoriya s drevnejshih vremen do nashih dnej. – M.: Flinta, MPSI, 2006. – 416 s.

2. Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. YAzyk i kul'tura. Lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo. – M.: Izd-vo MGU, 1973. – 235 s.

3. Min'yar-Beloruchev R. K. Obshchaya teoriya perevoda i ustnyj perevod. – M.: Voenizdat, 1980. – 237 s.

4. Alekseeva I. S. Vvedenie v perevodovedenie. – M.: Izdatel'skij centr Akademiya, 2011. – 368 s.

5. Vinogradov V. S. Leksicheskie voprosy perevoda hudozhestvennoj prozy. – M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1978. – 174 s.

6. Everstov A. I. Ajyy ajmahtara. Kүn uluustara. – YAkutsk: Bichik, 2004. – 184 s.

7. YAkovlev V. S.-Dalan. Tygyn Darhan: Istoricheskaj roman. – D'okuuskaj: Bichik, 1993. – 512 s.

8. YAkovlev V. S.-Dalan. Tygyn Darhan: Roman / avtoriz. per. s yakut. A. E. SHaposhnikovoj. – YAkutsk: Bichik, 1994. – 432 s.

9. Ojuunuskaj P. A. Uluu Kudaҥsa. – YAkutsk: Bichik, 2002. – 160 s.

10. Seroshevskij V. L. YAkuty. Opyt etnograficheskogo issledovaniya. – M.: Moskovskaya tipografiya № 2, 1993. – 736 s.

11. Pekarskij E. K. Slovar' yakutskogo yazyka. T. 3. – M.: AN SSSR, 1959. – 2509-3858 stb.

12. Petrova S. I. Өbүge taҥaha uonna iteҕel (Odezhda i verovanie predkov). – YAkutsk: Bichik, 1999. – 80 s.

13. Okladnikov A. P. Istoriya YAASSR. M., L.: Izd-vo AN SSSR, 1955. – 432 s.

14. Pekarskij E. K. Slovar' yakutskogo yazyka. T. 2. – M.: AN SSSR, 1959. – 1281-2508 stb.

15. Pekarskij E. K. Slovar' yakutskogo yazyka. T. 1. – M.: AN SSSR, 1958. – 1-1280 stb.

16. Fedorov A. S. Өbүgelerbit oonn'uulara (Igry predkov). – YAkutsk: Knizhnoe izd-vo, 1992. – 48 s.

17. Vasil'ev P. K., Ohlopkov M. K. Sahalyy oonn'uular. – YAkutsk: YAkutskoe izd-vo, 1985. – 59 s.

18. Komissarov V. N. Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty). – M.: Vyssh. shk., 1990. – 253 s.

19. Vinogradov V. S. Perevod: obshchie i leksicheskie voprosy. – M.: KDU, 2004. – 240 s.

20. Vlahov S., Florin S. Neperevodimoe v perevode. – M.: Mezhdunar. otnosheniya, 1980. – 352s.

21. Golikova ZH. A. Perevod s anglijskogo na russkij. – M.: Novoe izdanie, 2004. – 287 s.

22. Reformatskij A. A. Vvedenie v yazykovedenie. – M.: Aspekt Press, 1996. – 536 s

23. Latyshev L. K., Semenov A. L. Perevod: teoriya, praktika i metody perevoda. – M. Akademiya, 2003. – 192 s.

24. Garbovskij N. K. O perevode. – M.: FORUM, 2016. – 752 s.

УДК 82.0

Л. А. Чернышёва

Типологическая связь между образом Шпильгагена и героем Чехова

Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Россия

Аннотация. В XIX в. наблюдалось сближение национальных литератур, которое нашло отражение и в произведениях русских авторов. Актуальность исследования обусловлена значимостью проблемы взаимодействия русской и западной литератур. Цель настоящего исследования заключается в установлении типологической связи между образом Шпильгагена и героем Чехова. Анализ проблематики, конфликта, системы образов и изобразительных средств в некоторых произведениях немецкого романиста второй половины XIX в. Ф. Шпильгагена и русского писателя и драматурга А. П. Чехова предполагает в качестве одной из важнейших задач выявление внутреннего единства их творчества при наличии в нём многообразных, а подчас и взаимоисключающих тенденций. Методологической основой исследования избраны принципы сравнительно-исторического литературоведения в сочетании с типологическим методом. Материалом для изучения данной проблемы послужили художественные произведения писателей, письма, а также небольшие статьи в периодических изданиях. В результате проведенного исследования установлен факт влияния немецкого романиста на творчество русских писателей, прежде всего А. П. Чехова, продемонстрированы примеры соотнесённости некоторых произведений Чехова с образами Шпильгагена. Представляется актуальным и перспективным дальнейшее исследование взаимодействия литератур, позволяющее выявить те или иные закономерности развития литературного процесса.

Ключевые слова: национальная культура, взаимодействие литератур, персонаж, мировая литература, романист, сюжет, социальный фактор, образ, герой, творчество.

DOI 10.25587/SVFU.2020.75.55420

L. A. Chernysheva

The Typological Connection Between Spielhagen's Image and Chekhov's Hero

Southwest State University, Kursk, Russia

Abstract. The XIX century witnessed the rapprochement of national literatures. It was also reflected in Russian writer' s works. The relevance of the research, which results are presented in this article of, is due to the importance of the problem of interaction between Russian and Western literature. The purpose of this

ЧЕРНЫШЁВА Любовь Александровна – к. филол. н., доцент кафедры международных отношений и государственного управления факультета государственного управления и международных отношений Юго-Западного государственного университета.

E-mail: tscherl@rambler.ru

CHERNYSHEVA Lyubov Alexandrovna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of International Relations and Public Administration, Faculty of Public Administration and International Relations, Southwest State University.

study is to establish a typological relationship between Spielhagen's image and Chekhov's hero. Analysis of the problematic, the conflict, the system of images and expressive means in some works of the German novelist of the second half of the nineteenth century F. Spielhagen and Russian writer and playwright A. P. Chekhov assumes as one of the most important tasks detection of the internal unity of their creativity in the presence of diverse, and sometimes mutually exclusive trends. The methodological basis of the research is the principles of comparative-historical literature in combination with the typological method. The materials for the study of this problem were the artistic works of writers, letters and articles in periodicals. As a result of the study it was considered the fact of the influence of the German novelist on the creativity of Russian writers, first of all on A. P. Chekhov, were demonstrated examples of the connection of some Chekhov's works with Spielhagen's image. It seems relevant and promising further research of the literature interaction, which is allow to identify consistent patterns of the development of the literary process.

Keywords: national culture, interrelation of literatures, personage, world literature, novelist, storyline, social factor, image, hero, creativity.

Введение

Взаимодействие национальных культур, процесс их взаимного духовного обогащения являются одними из важнейших проблем современного литературоведения.

Художественная литература служит важным материалом для наблюдений и выводов об общих особенностях литератур тех или других народов. В этой связи представляется актуальным исследование проблемы исторически сложившихся связей родной литературы с другими.

Взаимодействие русской и западной литературы имеет давнюю историю. На протяжении последних столетий они развиваются в тесной связи друг с другом, постоянно взаимодействуют между собой. Можно вспомнить существовавшие в Средние века переводы латинских, греческих, византийских авторов (особенно это затрагивало церковную литературу).

Исследования В. М. Кулешова показывают, что в XVIII в. это взаимодействие между литературами усиливается, а начало XIX в. отмечено настоящим всплеском культурных и литературных контактов [1]. В. А. Жуковский переводит на русский язык немецкие баллады. А. С. Пушкин пишет «Маленькие трагедии», сюжетом для которых служат различные произведения европейских авторов, и подобные примеры не единичны.

В начале XIX в. изменяется сущность мирового литературного процесса. И. В. Гёте, уловив новые тенденции, вводит в обиход термин «мировая литература» [2, с. 323]. Под «мировой литературой» здесь следует понимать не арифметическую сумму всех произведений, а совокупность произведений, «лучших» в своей национальной среде. Гёте имел в виду то, что все национальные литературы имеют между собою нечто общее (идеи времён Просвещения). С другой стороны, он заметил, что между национальными литературами усиливаются различия (веяние эпохи романтизма). Таким образом, «произведения русских авторов оказываются вписанными в европейский или же мировой литературный контекст. Это позволяет сравнивать, узнавать лучше своеобразие того или иного автора, историю его творческого становления, особенности его произведений. При подобном подходе можно проследить историю идей, заключённых в произведении, определить их национальное преломление» [3, с. 187-188].

В данном исследовании рассматривается проблема влияния Фридриха Шпильгагена (1829-1911), немецкого романиста второй половины XIX в., на развитие русской

литературы. Она возникла в отечественном литературоведении в связи с изучением отдельных аспектов творчества тех или иных писателей, в первую очередь А. П. Чехова.

До настоящего времени вопрос о влиянии художественного и теоретического наследия Ф. Шпильгагена [4] на творчество русских литераторов остаётся недостаточно изученным. Имеется небольшое количество научных исследований, среди которых выделяются работы Н. И. Четвериковой [5], К. Смола [6] и Е. М. Волкова [7].

Интерес Чехова к Шпильгагену

А. П. Чехов, как и большая часть молодежи того времени, не миновал юношеского увлечения Ф. Шпильгагеном. В конце 1870-х гг. он пишет об особенном впечатлении, которое произвёл на его брата роман Ф. Шпильгагена «Между молотом и наковальней» [8, с. 101]. Насколько же этот интерес к Шпильгагену был значим – был ли он мимолётным или оставил какой-то след в мировоззрении и творчестве Чехова? Проблема эта, несомненно, вызывает сложности, неизбежно возникающие при сравнении двух во многом непохожих друг на друга писателей, принадлежавших к тому же разным эпохам.

Как известно, Чехов начинается с пародии, с насмешки, и кого только он не пародирует в европейской литературе: это и Жюль Верн, и Виктор Гюго, и испанский роман, и, наконец, Шпильгаген.

Так, например, в рассказе «Светлая личность» (1886) герой очаровывается своей соседкой, которая каждое утро появляется перед окном дома напротив с газетой в руках и, каждый раз читая её, то впадает в отчаяние, то, наоборот, торжествует. Герой видит в ней развитую, светлую натуру, не равнодушную к социальным вопросам, он восклицает: «Жалею, что в моей квартире не живет Ауэрбах, Шпильгаген или иной романист, ищущий «новых людей». Они воспользовались бы моей незнакомкой … » [8, т. 5, с. 310]. В конечном итоге оказывается, что дама подсчитывала количество строк, данных её мужем в газету и тем самым пыталась определить, каков будет гонорар.

Не менее интересным является тот факт, что в 1883 г. Чехов пишет юмористический рассказ, который так и называется «Загадочные натуры» (по названию первого романа Шпильгагена). В купе первого класса едет дамочка и рассказывает своему попутчику-писателю о том, насколько ей, возвышенной и гуманной личности, невыносимо терпеть пошлость и непонимание: «Мне нужно было самой пробивать себе путь … Ошибки молодости, первая роковая любовь … А борьба со средой? А сомнения?.. А муки зарождающегося неверия в жизнь, в себя? Ах! Вы писатель … Вы поймёте …» В данном случае Чехов пародийно изображает биографию, типичную для большинства героев Шпильгагена и не только романа «Загадочные натуры». Страдания чеховской героини продолжаются замужеством за богатым стариком-генералом («Ведь это было … самоотречение!» – восклицает она), наконец, он умирает. «Теперь-то и жить мне счастливо … Теперь-то и отдаться любимому человеку, сделаться носительницей его идеалов …». Но нет, счастье невозможно и теперь. «Но что же? Что стало на вашем пути?» – взволнованно спрашивает её попутчик. «Другой богатый старик … » – отвечает она [8, т. 2, с. 31].

Данные примеры подтверждают, что не только масштабы шпильгагеновских недюжинных натур представлялись Чехову комичными, искусственными, но и их неудовлетворенность жизнью, а также трагический разлад с ней. Так он принижал образы Шпильгагена, как бы «заземлял их».

Ироническое отношение к Шпильгагену прослеживается в одном из самых серьёзных произведений Чехова – «Скучной истории». Николай Степанович рассказывает о своей бессоннице: «Так, недавно в одну ночь я прочёл машинально целый роман под странным названием «О чём пела ласточка» [8, т. 7, с. 254]. Речь идёт об одном из поздних романов Ф. Шпильгагена. Действительно, роман кажется Николаю Степановичу странным, так как он бесконечно далёк от всего, что окружает его самого. Роман

этот – с любовно-авантюрным сюжетом, сентиментальный, с незамысловатой и наивной моралью – не способен был бы ни в какой мере помочь старому профессору, в душе которого мучительная и неизбывная пустота. Поэтому как будто интригующее название «О чём пела ласточка» не имеет для него никакого настоящего смысла.

«Палата №6» Чехова и «Проблематические натуры» Шпильгагена

Тем не менее традиции европейской литературы, в том числе Шпильгагена, пародируемые Чеховым, проникли в его творчество, возможно, на каком-то более глубоком, скрытом уровне. Если сравнить «Палату №6» Чехова и «Проблематические натуры» Шпильгагена, то можно обнаружить сходные черты. Профессор Бергер, одна из загадочных натур Шпильгагена, попадает в сумасшедший дом, он сломлен пошлостью и равнодушием окружающей его светской и учёной среды, замкнувшись в себе, он становится мизантропом. Его взгляд на мир и на человека окрашен жутковатой иронией. Громов из «Палаты №6» Чехова тоже задавлен социальной машиной, сметён ею, он не видит надежды и смысла в человеческом существовании: «Проклятая жизнь! – проворчал он. – И горько и обидно, ведь эта жизнь кончится не наградой за страдания, … а смертью …» [8, т. 2, с. 121].

Доктор Рагин, испытывая влияние своего пациента, совершенно преображается внутренне и начинает страдать, так же и главный герой романа Освальд, пройдя «школу» профессора Бергера, быстро излечивается от радужных надежд, касающихся переустройства общества, возможности достижения всеобщего блага: юношеский оптимизм сменяется мучительным разочарованием, духовной трезвостью. В конечном итоге он у Шпильгагена превращается в «загадочную натуру», то есть в страдающего и мыслящего человека. Чеховский доктор Рагин, излечившись от своей прежней философии, рассуждает в духе отчаявшегося героя «Загадочных натур»: «Умному, гордому, свободолюбивому человеку, подобию божию, нет другого выхода, как идти лекарем в грязный, глупый городишко … » [8, т. 8, с. 122]. Освальд, стремясь убежать от собственных противоречий и в смутной надежде найти что-то подлинное, спасительное, становится учителем в каком-то немецком городке. Однако и тут, видя пошлость и тщеславие местных ученых знаменитостей и задыхаясь в их среде, он чувствует себя примерно так же, как и герой чеховского «Учителя словесности» Никитин, который записывает в своём дневнике: «Где я, боже мой!? Меня окружает пошлость и пошлость. Скучные, ничтожные люди … Нет ничего оскорбительнее, тоскливее пошлости. Бежать отсюда … иначе я сойду с ума!» [8, т. 8, с. 322]. Бежит и Освальд, для него, как и для учителя словесности, «начиналась новая, нервная, сознательная жизнь, которая не в ладу с покоем и личным счастьем».

Человек как неповторимая индивидуальность

Второй очень важный момент, который больше в теории, чем в практике, сближает Шпильгагена и Чехова, – попытка представить такой феномен, как «человек-проблема», или человек как неповторимая индивидуальность. В этой связи вновь уместно вспомнить, что «Шпильгаген предостерегает автора от «наклеивания тенденциозных ярлычков» на своих героев, от схематического изображения человека. Очевидно, что этот принцип близок и Чехову, о нём он не раз писал и высказывался. Однако в своём творчестве он ушёл намного дальше от запретов, установленных немецким романистом, чем сам Шпильгаген» [9, с. 148].

Кроме того, при очевидном сходстве психологии, тем и общих вопросов герои Шпильгагена в сравнении с чеховскими интеллигентами не только не загадочны, но, пожалуй, непривычно просты, понятны. У Чехова и способ изображать человека, и сама личность человеческая сложнее, утончённее.

У Шпильгагена индивидуальность складывается из достаточно простого соединения личных и социальных факторов. Так, раздвоенность и сложность «загадочных натур»

объясняется их двойственным происхождением – соединением в них аристократической и плебейской крови (граф Вальденберг, Освальд Штейн). Социальное и у Чехова неотделимо от человека: его характера, поведения, самочувствия, но человек не может быть в конечном счёте объяснён, понят, изучен под социальным углом зрения. У Шпильгагена, например, персонаж в полной мере раскрывается в своих высказываниях. У Чехова же высказывание зависит от многих обстоятельств, оно может быть абсолютной характеристикой.

Чехов становится близок Шпильгагену тогда, когда время от времени показывает своё авторское «я» и мечтает, хотя бы от лица своего героя, о будущей благополучной и прекрасной жизни, о счастливом человеке. Безусловно, было бы наивно отождествлять Чехова с его героями, но всё же у него есть какие-то мысли, переходящие от персонажа к персонажу и присутствующие в письмах самого Чехова. Он писал, что «можно страдать заодно со своими героями, но … чтобы читатель не заметил» [8, т. 5, с. 58]. Здесь, пожалуй, речь может идти о некоторых романтических и даже порой утопических особенностях мировоззрения Чехова. И это, несомненно, роднит его с Шпильгагеном. В сравнении с Шпильгагеном Чехов в какой-то степени более сдержан и менее уловим, однако у него прорывается иногда, особенно в последних его произведениях что-то личное, очень важное для него.

Чехов и роман Шпильгагена «Между молотом и наковальней»

Герой романа Шпильгагена «Между молотом и наковальней», директор фон Церен, рассуждает о пороках окружающей его жизни – тюрьмах, клиниках, домах для умалишённых: « … все поступающие сюда (имеется в виду тюрьма. – Л.Ч.) – больные в самом обыкновенном смысле этого слова, … мозг их ниже среднего веса мозга, необходимого человеку для нормальной деятельности, для жизни, которая бы не поставила их во враждебные отношения к закону … Да и может ли быть иначе? Почти все они – дети нужды и нищеты … » [10, т. 12, с. 268]. Эти мысли напоминают монолог Ивана Ивановича, героя рассказа Чехова «Крыжовник», восклицающего: «Вы взгляните на эту жизнь: наглость и праздность сильных, невежество и скотство слабых, кругом бедность невозможная, теснота, вырождение, пьянство … » [8, т. 10, с. 62].

Тот же герой романа Шпильгагена «Между молотом и наковальней» говорит в своей проповеди: «Настанет время, … когда все возблагодарят Бога, что началось, наконец, пробуждение из мрака невежества … Да, день этот наступит, хотя и не так скоро» [10, т. 12, с. 269]. А вот слова Чехова из письма С. П. Дягилеву – важно, что это уже 1902-й год: «Теперешняя культура – это начало работы во имя великого будущего, работы, которая будет продолжаться, быть может, ещё десятки тысяч лет … » [8, т. 11, с. 106]. Подобные мысли высказывают многие персонажи Чехова.

Следует подчеркнуть, что основная тема романа Шпильгагена «Между молотом и наковальней» – воспитание в себе свободного и нравственного человека (неизбежно путём лишения, одиночества и страданий), который произвёл на Чехова особенно сильное впечатление и, быть может, заронил ростки мыслей, высказанных им позднее в знаменитом письме А. С. Суворину: «Напишите о том, как молодой человек … проснувшись в одно прекрасное утро, чувствует, что в его жилах течёт уже не рабская кровь, а настоящая человеческая … » [8, т. 3, с. 133].

Тем не менее, в отличие от Шпильгагена, у Чехова даже самая великая и благородная идея бессильна сделать жизнь героев счастливее, осмысленнее. Кроме того, нравственный путь героев Чехова мало похож на героизм, он лишён внешнего блеска, это не громкий и страстный лозунг героев Шпильгагена, а тихая внутренняя программа. Не исключено, что некоторые типы Шпильгагена преломились в творчестве Чехова.

Заключение

В ходе проведенного исследования можно сделать вывод о том, что взаимодействие литератур продуктивно для исследования влияния творчества одного писателя

на другого, а также для выявления тех или иных закономерностей развития литературного процесса. Невозможно изолированное, узконациональное изучение литературы. Сравнительный анализ творчества двух во многом непохожих писателей, принадлежавших к тому же к разным эпохам, даёт возможность утверждать, что типологическая связь между образом Шпильгагена и героем Чехова есть – при том, что масштабы личности сильно трансформировались в новое время в новых условиях.

Литература

1. Кулешов В. И. Литературные связи России и Западной Европы в XIX в. – М., 1977. – 350 с.

2. Гёте И. В. Собрание сочинений в 10 томах. – М.: Худ. лит., 1980. – Т. 10. – 510 с.

3. Чернышёва Л. А., Наумик В. А. К вопросу взаимодействия русской и западных литератур // Управление социально-экономическим развитием регионов: проблемы и пути их решения. Материалы 9-й Международной научно-практической конференции (28 июня 2019 г.), в 3-х т. – Т.3. – Курск: ЮЗГУ, 2019. – С. 187-190.

4. Шпильгаген Ф. Собрание сочинений в 23 томах / Предисловие Н. Лернера. – Л.: «Красная газета», 1929.

5. Четвериков Н. И. Типология конфликта романов Ф. Шпильгагена и русский роман 50-60-х гг. XIX века // Содержательность художественных форм. – Куйбышев, 1987. – С. 56-63.

6. Смола К. Чехов и Фридрих Шпильгаген: сходства в теории, различия в практике // Чехов и Германия / Отв. ред. В. Катаев и Р.-Д. Клуге. – М., 1996. – С. 42-54.

7. Волков Е. М. Немецкий роман 1870-х–1910-х годов: Проблемы поэтики. – Орёл, 1996 г. – 206 с.

8. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем в 30 томах. – М.: Наука, 1983.

9. Чернышёва Л. А. Фридрих Шпильгаген: поздние романы, теоретические искания, литературная судьба: дисс. … канд. филол. наук. Воронеж, 2001. – 178 с.

10. Чехов М. П. Вокруг Чехова. – М.: Худ. лит., 1981. – 335 с.

References

1. Kuleshov V. I. Literaturnye svyazi Rossii i Zapadnoj Evropy v XIX v. – M., 1977. – 350 s.

2. Gyote I. V. Sobranie sochinenij v 10 tomah. – M.: Hud. lit., 1980. – T. 10. – 510 s.

3. CHernyshyova L. A., Naumik V. A. K voprosu vzaimodejstviya russkoj i zapadnyh literatur // Upravlenie social'no-ekonomicheskim razvitiem regionov: problemy i puti ih resheniya. Materialy 9-j Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (28 iyunya 2019 g.), v 3-h t. – T.3. – Kursk: YUZGU, 2019. – S. 187-190.

4. SHpil'gagen F. Sobranie sochinenij v 23 tomah / Predislovie N. Lernera. – L.: «Krasnaya gazeta», 1929.

5. CHetverikov N. I. Tipologiya konflikta romanov F. SHpil'gagena i russkij roman 50-60-h gg. XIX veka // Soderzhatel'nost' hudozhestvennyh form. – Kujbyshev, 1987. – S. 56-63.

6. Smola K. CHekhov i Fridrih SHpil'gagen: skhodstva v teorii, razlichiya v praktike // CHekhov i Germaniya / Otv. red. V. Kataev i R.-D. Kluge. – M., 1996. – S. 42-54.

7. Volkov E. M. Nemeckij roman 1870-h–1910-h godov: Problemy poetiki. – Oryol, 1996 g. – 206 s.

8. CHekhov A. P. Polnoe sobranie cochinenij i pisem v 30 tomah. – M.: Nauka, 1983.

9. CHernyshyova L. A. Fridrih SHpil'gagen: pozdnie romany, teoreticheskie iskaniya, literaturnaya sud'ba: diss. … kand. filol. nauk. Voronezh, 2001. – 178 s.

10. CHekhov M. P. Vokrug CHekhova. – M.: Hud. lit., 1981. – 335 s.

ДАТЫ, СОБЫТИЯ, ЮБИЛЕИ

О. Г. Сидоров

Основные вехи развития Издательского дома СВФУ (50 лет издательско-полиграфической деятельности университета)

Сегодня Издательский дом СВФУ достойно представляет Республику Саха (Якутия) в научно-образовательном пространстве Российской Федерации. Подтверждением тому являются многочисленные награды на престижных книжных смотрах научных и учебных издательств, выставках-ярмарках разного уровня от республиканских до международных.

Издательско-полиграфическая деятельность – неотъемлемая часть научно-образовательной деятельности высшего учебного заведения. Университетская книга – это особый тип издания, отражающий базовые знания и практику их применения, и, что немаловажно для современного вуза, одна из составляющих бренда университета. Учебники и учебные пособия – это основа знаний студента, ориентир в мире знаний. Научно-учебный текст требует особой редактуры и профессионализма редакторов, корректоров и художника-оформителя. Важен каждый этап подготовки книги к печати.

Как все начиналось? Чтобы понять историю роста и сегодняшнего высокого профессионализма, необходимо разделить историю Издательского дома на несколько вех или этапов. Это условно три крупных этапа: первый, начальный – зарождение и становление, второй – профессионализация и формирование основ устойчивого развития. Третий этап, современный – высокое качество и переход «на цифру» или цифровизация производственного процесса.

Первые шаги были сделаны еще в далекие годы создания Якутского государственного педагогического института. Из истории известны первые выпуски ученых записок, учебно-методических изданий, но они все выпускались в республиканском издательстве и типографии.

Ситуация стала меняться в 1956 г. с момента создания Якутского государственного университета. Статус университета придал новый импульс, но потребовалось время для решения организационных вопросов. Первый этап, начальный – зарождение и становление издательства начинает свою историю с 1969 г., когда были созданы редакторская группа и полиграфический участок. А в 1975 г. был организован редакционно-издательский отдел (РИО) из 5 человек. В целом эти годы в ЯГУ – это

СИДОРОВ Олег Гаврильевич – зав. кафедрой журналистики ФЛФ СВФУ им. М.К. Аммосова.
E-mail: ilin_s@mail.ru
SIDOROV Oleg Gavrilyevich – the head of the Department of Journalism, Faculty of Philology of M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

история роста от РИО до издательства как отдельной структуры в университете. Начинали с копирования документов и программ для заочного обучения, издания небольших методических пособий, брошюр. С каждым годом с расширением специальностей и направлений, реализуемых в университете, росла и потребность в оперативном и качественном выпуске учебной литературы.

К 1990 г. окрепла материальная база типографии, сформировался работоспособный коллектив, а преподаватели и студенты получили возможность издавать и применять в учебном процессе учебные пособия, сборники научных трудов.

В 1991 г., в связи с изменениями в общественно-политической жизни страны и республики, редакционно-издательский отдел и лаборатория оперативной печати объединились в Издательство Якутского государственного университета. Начинается второй этап истории издательского дома, а именно профессионализация – формирование основ устойчивого развития. В том же году перешли на электронный способ набора и верстки, была получена лицензия на издательскую деятельность. Первым директором была назначена Башарина Альбина Гаврильевна, а заведующей типографией – Ефремова Лариса Степановна. В эти годы приходят и первые успехи на региональном и всесоюзном уровнях. По показателям деятельности вузов Восточной Сибири и Приморского края в 1993 г. Издательство ЯГУ заняло 1 место по подготовке печатной продукции на электронной технике. В 1997 г. по итогам смотра-конкурса на лучшее учебное пособие в г. Москве Издательство ЯГУ вошло в число 6 победителей конкурса среди вузовских издающих подразделений.

Здесь следует отметить и то, что в 2004 г. был заключен договор с компанией Heidelberg-СНГ по закупке полиграфического оборудования – офсетной печатной машины, копировального аппарата, машины для фотовывода пластин и т. д. Впервые типография начала печатать наиболее качественные полноцветные страницы, проведя трудоемкий процесс на высоком профессиональном уровне. Благодаря новым возможностям в 2005 г. было создано обособленное подразделение с правом юридического лица на основе частичной хозрасчетной деятельности.

В 2010 г. после создания Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова – нового учреждения, развивающего традиции ЯГУ, начинается новая веха в истории издательства и выход на новый уровень, отвечающий современным требованиям к качеству продукции, а также освоение новых технологий и цифровизация производственного процесса.

Благодаря мероприятиям Программы развития Северо-Восточного федерального университета в 2012-2014 гг. произошло переоснащение всей технологической платформы, полная смена технологии печатного производства. Издательский дом приобрел новые площади, был проведен капитальный ремонт типографии, модернизировано полиграфическое оборудование – закуплены комплексы цифровой и офсетной печати. Специалисты Издательского дома прошли повышение квалификации и переобучение.

24 мая 2012 г. состоялись открытие нового здания Издательского дома и презентация современного цифрового комплекса полноцветной и монохромной печати. Благодаря новой технологии цифровой печати появилась возможность для эффективной и экономически выгодной работы, обеспечения учебного и научного процессов в университете технологией «печать по требованию». Производственный процесс стал быстрее, эффективнее за счет модернизации постпечатного оборудования.

На сегодняшний день Издательский дом СВФУ удовлетворяет потребностям вуза по всем направлениям издательско-полиграфической деятельности: своевременный выпуск учебно-методической, научной, социально значимой литературы и подготовка акцидентной полиграфической продукции. Учебно-педагогическая литература

выпускается по всем специальностям и направлениям – это методические указания, учебные пособия, материалы конференций, авторефераты, препринты и т. д.

С 2015 г. Издательский дом университета входит в ТОП-100 издательств страны и выпускает более 300 наименований книг и брошюр ежегодно общим объемом почти 3 тысячи печатных листов. Издательскому дому удается держать темпы по увеличению и расширению объемов книгоиздания, повышения качества полиграфической продукции. И это в условиях конкуренции с другими издательствами.

Сегодня Издательский дом федерального университета – признанный в Российской Федерации крупный вузовский центр учебного, научного, литературно-художественного книгоиздания, активно содействующий образовательно-просветительскому, духовно-нравственному и научно-исследовательскому развитию Республики Саха (Якутия).

Обратимся к оценке специалиста. А. В. Иванова, президента Издательско-полиграфической ассоциации высших учебных заведений, д. т. н., который считает, что «за несколько лет Издательский дом СВФУ занял лидирующие позиции не только в Якутии, но и в Российской Федерации. … Издательский дом сегодня широко известен среди таких мощных издающих подразделений, как НИУ «Высшая школа экономики», Политехнический университет, МГТУ имени Н.Э. Баумана, МИСиС и др.»

Издательство с 2008 г. является членом Издательско-полиграфической ассоциации университетов России.

Издательский дом СВФУ находится в развитии, движении, поиске новых форматов коммуникации с потребителями своей продукции. Изменились формы взаимодействия и повысился объем работ с внешними структурами по издательской деятельности через личные кабинеты (Российская книжная палата, СКБ Контур «Диадок», Научная электронная библиотека, ФГУП НТЦ «Информрегистр»), а также с библиотеками (Научная библиотека СВФУ, Национальная библиотека РС (Я) и др.). Это залог стабильного развития и новых достижений.

O. G. Sidorov

On the 50th Anniversary of NEFU Pulishing House

Today, NEFU Publishing House worthily represents the Republic of Sakha (Yakutia) in the scientific and educational space of the Russian Federation. This statement is confirmed by the numerous awards at prestigious book reviews by scientific and educational publishers, exhibitions and fairs of various levels, ranging from national to international.

Publishing and printing are an integral part of the scientific and educational activities of higher education. The university book-publishing is a special type of publication that reflects the basic knowledge and practice of their application, and, which is also important for a modern university, is one of the components of the university's brand. Textbooks and teaching aids are the basis of student's knowledge, a guideline in the world of learning. Scientific and educational text requires special editing and professionalism on the part of editors and proofreaders, as well as a graphic designer. Every step in preparing a book for printing is important.

How it all began? In my opinion, in order to understand the history of the Publishing House's r growth and high professionalism it should be divided into several milestones. These are three major stages: the first - emergence and formation, the second, professionalization and laying the foundations of sustainable development. Finally, the third (contemporary) stage - high quality and transition to digital or digitalization of the production process.

The first steps were taken back during the distant years of the Yakutsk State Pedagogical Institute creation. The first issues of scholarly notes, educational publications are known from history, but they were all presented and became widely visible through the publishing house and printing house of the republic.

The situation began to change in 1956 with the creation of the Yakut State University. The status of the university gave a new impetus, but it took time to resolve organizational issues. The first stage - the birth of the publishing house dates back to 1969, when an editorial group and a printing site were created. And in 1975 editorial and publishing department consisting of 5 people was organized. In general, these years at YSU are the story of growth as a separate structure of the university. We started by copying documents and programs for distance learning, publishing small manuals, and brochures. With each year, and with the expansion of specialties and areas implemented at the university, the need for an efficient and high-quality publication of literature grew.

By 1990, the material base of the printing house was strengthened, a workable team was formed, and students and teachers were able to publish and actively use textbooks and collections of scientific papers in the educational process.

In 1991, due to changes in the socio-political life of the nation and the republic, the editorial and publishing department and the operational press laboratory merged into the Publishing House of Yakutsk State University. Hence, the second stage of the publishing house history begins, namely professionalization – laying the foundations of sustainable development. The same year the publishers to electronic recruitment and typesetting; publishing license was obtained. The first director, Albina Basharina, was appointed, as well as the head of the printing house - Larisa Efremova. During these years the first achievements were made at both the regional and national levels. In 1993 on the performance indicators of Eastern Siberia and Primorsky Krai universities, YSU Publishing House took the 1st place for its preparation of printed materials on electronic equipment. In 1997, according to the results of the best textbook competition in Moscow, YSU Publishing House was among the 6 winners among university publishing units.

It should be noted here that in 2004 a contract was made with Heidelberg-CIS for the purchase of printing equipment - offset printing machines, copy machines, machine for the

photo-output of plates, etc. For the first time, the printing house began to print the best quality full-color pages, a laborious process at high professional level. In 2005 thanks to new opportunities, a separate division was created which had the legal entity status based on partial self-supporting production.

In 2010, following the establishment of NEFU, a new milestone began in the history of publishing; reaching towards another level of meeting modern requirements for product quality, as well as the development of new technologies and digitalization of the production process.

Thanks to the activities of the Development Program of the Northeast Federal University in September 2011, the NEFU Publishing House founded the NEFU Publishing House in order to expand the range of marketing policies of the university through use of new technologies and to improve the quality of educational, methodological, and scientific literature. In 2012-2014 there was a re-equipment of the entire technological platform, a complete change in printing technology. The publishing house acquired new facilities; a major overhaul of the printing house was carried out; printing equipment was modernized - digital and offset printing complexes were purchased. Specialists of the Publishing House underwent further training and retraining.

On May 24, 2012, the new building of the Publishing House was opened and a modern digital complex of full-color and monochrome printing was presented. Thanks to the new digital printing technology, the efficiency and quality of the products increased, which was of great importance for the implementation of innovative educational projects. Through the modernization of post-printing equipment the production process has become faster, more efficient and.

Today, the NEFU Publishing House meets the needs of the university in all areas of publishing and printing activities: timely release of educational, scientific, socially significant literature and the preparation of promotional printed products. Teaching literature is published in all specialties and areas - these are guidelines, manuals, conference materials, abstracts, preprints, and many others.

Since 2015, the University Publishing House has been included in the TOP 100 publishing houses of the country; it publishes more than 300 titles of books and brochures annually, with total of almost 3 thousand printed sheets. The publishing house manages to keep pace in increasing and expanding the volume of book publishing and improving the quality of printing products. This is in competition with other publishers, as well as while increasing the production of works of art, photo albums, memoirs, and other products, and while expanding sales channels.

Today the Publishing House of the Federal University is a large university center recognized in the Russian Federation for educational, scientific, literary and artistic book publishing activity; it is actively promoting educational, enlightenment, spiritual, moral, and research development of the Republic of Sakha (Yakutia).

Alexander Vasilievich Ivanov, President of the Publishing and Polygraphic Association of Higher Educational Establishments, Doctor of Technical Sciences, believes that “for several years, the NEFU Publishing House has taken leading positions not only in Yakutia, but also in the Russian Federation. ... The publishing house today is widely known among such powerful publishing units as the Higher School of Economics National Research University, Polytechnic University, N.T. Bauman University, and others. "

Since 2008, the publishing house is a member of the Publishing and Printing Association of Russian Universities.

NEFU Publishing House is in the constant development, movement, search for new formats of communication with consumers of its products. The forms of interaction have changed and the volume of work with external structures on publishing through personal accounts (Russian Book Chamber, SKB Kontur Diadok, Scientific Electronic Library, Federal State Unitary Enterprise Scientific and Information Center Informregistr), as well as with libraries (NEFU Scientific Library, National Library of the Republic of Belarus) has increased. (I) et al.). This is the key to sustainable development and new accomplishments.

Б. Н. Туласынов

К 95-летию Т. П. Самсоновой, первой учёной республики в области методики преподавания русского языка в якутской школе

Русист, знаток научных направлений
Её труды у многих на устах,
Профессор-воспитатель поколений
Видна во всём в своих учениках.
А. Н. Капитонов

Тамара Парфеньевна Самсонова родилась 6 февраля 1925 г. в с. Кюкяй Сунтарского района Якутской АССР в многодетной семье легендарных учителей-исследователей Парфения Никитича и Надежды Евменьевны Самсоновых. В 1937 г. окончила 5-й класс Якутской показательной школы, работавшей в Хаптагайском наслеге Мегино-Кангаласского района, в 1943 г. – среднюю школу № 9 г. Якутска. В этом же году экстерном сдала специальные предметы в Якутском педучилище и получила аттестат учителя начальной школы.

Т. П. Самсонова начала педагогическую деятельность учителем русского языка и литературы начальных классов Тулагино-Кильдямской семилетней школы. Преподавала историю в 6-7 классах и работала старшей пионервожатой школы. Проработав 2 года, в 1945 г. поступила на историко-филологический факультет Учительского института. В 1947 г. выпускницу института направили учителем русского языка, литературы и истории в Тулагино-Кильдямскую школу, с 1948 по 1951 гг. работала в Хатасской семилетней школе учителем русского языка и литературы. В эти годы, являясь студенткой заочного отделения историко-филологического факультета ЯГПИ, принимала участие в работе Всероссийского совещания лучших учителей Российской Федерации в Москве как делегат от Минпроса ЯАССР. В 1951 г. окончила институт по специальности «Русский язык и литература» с присвоением квалификации учителя русского языка и литературы в средней школе. С 1951 по 1954 гг. работала учителем русского языка и литературы 8-10 классов школы № 2 г. Якутска. Все эти годы молодой педагог добивалась высоких результатов в работе. Главным в методике преподавания молодой учительницы было предупреждение речевых ошибок на основе учёта особенностей родного языка учащихся путём использования специальных упражнений, развивающих речь, обогащающих словарный запас. В годы работы в школе Тамара Парфеньевна была делегатом от республики на Всероссийском

ТУЛАСЫНОВ Борис Николаевич
TULASYNOV Boris Nikolayevich

совещании лучших учителей страны в Москве. Проявив большой интерес и способности к педагогической науке, желание глубже познать секреты успешного овладения русским языком, в 1954 г. поступила в аспирантуру научно-исследовательского Института национальных школ Академии педагогических наук РСФСР. Здесь на её формирование как учёного-методиста оказали влияние крупнейшие методисты Ф. П. Советкин, Е. И. Кореневский, А. Ф. Бойцова, Н. З. Бакеева и др. В 1957 г. под научным руководством профессора А. Ф. Бойцовой она успешно окончила аспирантуру по специальности «Методика преподавания русского языка в национальной школе» и была направлена Министерством высшего образования СССР в распоряжение Якутского госуниверситета.

Т. П. Самсонова 2 октября 1957 г. была принята ст. преподавателем на кафедру русского языка и общего языкознания, читала основные и специальные курсы по методике преподавания русского языка для студентов отделения РОЯШ, руководила педагогической практикой, курсовыми и дипломными работами. В 1959 г. на заседании Диссертационного совета НИИ методов обучения АПН РСФСР защитила диссертацию на соискание учёной степени кандидата педагогических наук на тему «Методика преодоления ошибок фонетического происхождения в русской письменной речи учащихся 5-х классов якутских школ». Решением ВАК от 8 июня 1960 г. ей была присвоена ученая степень кандидата педагогических наук, и она стала первой учёной республики в области методики преподавания русского языка в якутской школе. 1 марта 1961 г. утверждена в ученом звании доцента по кафедре «Русский язык и общее языкознание», в октябре 1995 г. – в учёном звании профессора по кафедре методики преподавания русского языка и литературы в национальной школе.

Исследование Тамары Парфеньевны Самсоновой явилось реальным вкладом в педагогическую науку, она ввела в научный оборот такие понятия, как постановка мыслительной задачи на уроках русского языка в якутской школе, методика преодоления фонетического происхождения, комплексно-тематические и разговорные уроки.

Профессор Т. П. Самсонова вела все годы работы в университете основные и специальные курсы по методике преподавания русского языка, руководила курсовыми и дипломными работами, педагогической практикой. Её лекции по специальным курсам методики преподавания русского языка в школе отличались глубиной изложения, новизной идей, неразрывной связью с практикой. Подготовила методическое обеспечение читаемых спецкурсов: ею были изданы учебники, учебные пособия, методические указания и рекомендации. Особого внимания заслуживает работа, проводимая профессором Самсоновой по раннему приобщению студентов (со II курса) к будущей профессии, к творческим поискам, путём изучения программ, учебников, учебных пособий, посещения уроков с последующим анализом. Из числа дипломных работ, выполненных под её руководством, почти каждая вторая работа рекомендовалась ГЭК для внедрения в школьную практику.

В 1961 г. русское отделение якутской школы (РОЯШ), где обучались будущие учителя для работы в якутской школе, было закрыто, что, несомненно, снизило уровень качества подготовки учителей русского языка для якутской школы. На ИФФ подготовка учителей русского языка и литературы осуществлялась только на русском отделении. В этих условиях надо было найти пути улучшения подготовки учителей-русистов для якутской школы. Для этого в 1961 г. на русском отделении ИФФ по инициативе Т. П. Самсоновой начал работать научно-исследовательский студенческий кружок по проблемам методики преподавания русского языка в национальной школе, ставший впоследствии её научным семинаром. Через этот кружок-семинар предоставлялась единственная возможность ознакомить будущих учителей со спецификой преподавания русского языка в якутской школе. В кружке-семинаре рассматривались проблемы преподавания русского языка в якутской школе, разрабатывались актуальные вопросы методики. Кружковцы посещали уроки учителей-мастеров, заслуженных учителей школ республики, приобщались к

творческому поиску авторов-экспериментаторов, анализировали уроки учителей и занятия воспитателей в детских садах, публиковали свои статьи и заметки в газете «Якутский университет». Почти каждый член кружка ежегодно выступал на студенческих конференциях с докладами, также участвовал на республиканских конференциях, педагогических чтениях, некоторые выступали на курсах учителей и на методических объединениях школ. В работе кружка принимали участие видные учёные НИИ национальных школ Минобразования РФ. Этот кружок-семинар подготовил целую плеяду учителей с высшим уровнем профессиональной деятельности, успешно работающих в школах республики. За 44 года работы кружка-семинара научную школу прошли около 600 студентов-филологов, методистов. Из них свыше 150 имеют награды: ордена «Знак Почёта», знаки отличия: «Гражданская доблесть», «Отличник просвещения РСФСР», «Почётный работник общего образования РФ», «Отличник образования РС (Я)», «Учитель учителей», награждены грамотами Президиума Верховного Совета ЯАССР, Государственного Собрания (Ил Тумэн). Они являются обладателями Грантов президентов РФ и РС (Я), победителями конкурсов «Учитель года России» и «Учитель года РС (Я)», стипендиатами Международного фонда «Дети Саха – Азия», занесены в Педагогическую энциклопедию.

Профессор Т. П. Самсонова выступала по теме научного исследования с научными докладами на международных, всесоюзных, всероссийских конференциях в городах: Москва (1968, 1984), Грозный (1971), Чебоксары (1980), Якутск (1995) и др., участвовала с докладами на ежегодных и юбилейных учебно-методических конференциях ППС ЯГУ.

Т. П. Самсонова постоянно повышала свое педагогическое мастерство, проходя стажировки в НИИ национальных школ МО СССР, РФ. В разные годы прослушала цикл лекций профессоров Башкирского университета К. З. Закирьянова, МГУ Т. К. Всеволодовой, Российского педагогического университета Т. К. Донской по таким темам, как: «Двуязычие и интерференция», «Аспекты работы над предложением», «Функциональный синтаксис», «Коммуникативная устроенность предложения».

Профессор Т. П. Самсонова все годы работы в университете с большой ответственностью и высокой сознательностью выполняла разностороннюю активную общественную работу. Трижды избиралась членом Президиума ЯОСПС (1960-1965 гг.), депутатом Якутского городского Совета депутатов трудящихся в течение трёх созывов (1965-1971 гг.), активно работала в составе избирательных комиссий. Являлась членом Республиканского совета ветеранов педагогического труда, учебно-методического Совета Министерства народного образования ЯАССР, Совета кабинета русского языка ЯРИУУ и внештатным сотрудником Якутского филиала НИИ национальных школ Минпроса РСФСР, общества «Знание». 15 лет работала на факультете председателем педагогического общества.

Профессор Т. П. Самсонова – автор (соавтор) 150 научно-методических работ, учебников, монографий, изданных в центральных и местных изданиях, из них около 50 – после выхода на пенсию. Среди них монографии: «Якутский Ушинский» в 2-х томах, «Продолжение Учителя в учениках», «Повышение эффективности уроков русского языка», «Краткая сравнительная характеристика звуковой системы русского и якутского языков», научно-популярные книги о выдающихся представителях якутской интеллигенции «Георгий Бессонов», «Иван Жирков» и 48 учебно-методических работ. Учебник «Русский язык для 2-го класса якутской школы», методическое пособие для учителей начальной школы «Разговорные уроки по русскому языку для 1-го класса якутской школы», пособие для воспитателей «Занятия по русскому языку в якутском детском саду» выдержали несколько переизданий. В 1990 г. по итогам смотра-конкурса межвузовских изданий за учебное пособие «Методика преподавания русского языка в якутской школе» (соавтор доц. К. С. Евсеева) присуждена третья премия Минвуза РСФСР за высокий научный уровень и актуальность тематики. Научные работы Т. П. Самсоновой по методике преподавания

русского языка в национальной школе стали классическими, не теряют актуальности. Они внедрены в практику школьного обучения русскому языку и получают дальнейшее развитие.

Тамара Парфеньевна награждена за многолетний добросовестный труд и подготовку высококвалифицированных учительских кадров многими правительственными и ведомственными наградами: медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 г.» (1946), Почётной грамотой ЦК ВЛКСМ (1948), значком «Отличник народного просвещения РФ» (1952), юбилейной медалью «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» (1970), значком «За творческий педагогический труд» (1975), значком «Отличник просвещения СССР» (1977), знаком «Победитель социалистического соревнования» (1979), медалью «Ветеран труда» (1981), медалью имени Ушинского (1985), Почётными знаками «Отличник высшей школы СССР» (1991), «За заслуги в области высшего образования СССР» (1997), «Учитель учителей РС (Я)» (2000), «За долголетнюю добросовестную работу в ЯГУ» (2006), медалью «За доброе сердце и профессионализм» (2005), дипломом участника федеральной программы «Знаменитые женщины России» (2003), знаком-медалью Международного благотворительного фонда «Меценат столетия» (2006), юбилейными медалями 30, 40, 60, 65, 70 лет Победы в ВОВ 1941-1945 гг.», юбилейными знаками РС (Я) и городского округа «г. Якутск» «70 лет Победы» (2015). Ей присвоено звание «Заслуженный учитель школы ЯАССР» (1977), Почётное звание «Почётный ветеран СВФУ» (2015). Тамара Парфеньевна – Почётный гражданин Сунтарского улуса, с. Хатассы, Кюкяйского наслега Сунтарского улуса, Почётный ветеран РС (Я), системы образования РС (Я), занесена в юбилейную Книгу трудовой славы г. Якутска и Книгу почёта ЯГУ.

Тамара Парфеньевна на заслуженном отдыхе с августа 2000 г., но находится в постоянном контакте и творческой связи с коллективом родной кафедры и с работниками Министерства образования РС (Я). В 2015 г. коллективом Хатасской школы под руководством члена Попечительского совета профессора Т. П. Самсоновой издана книга «Школа добра, любви и творчества», посвященная 100-летию со дня её основания.

Уважаемая Тамара Парфеньевна, сердечно поздравляем со славным юбилеем и искренне желаем крепкого здоровья, долголетия и благополучия!

B. N. Tulasynov

On the 95th anniversary of T. P. Samsonova, Repulic's pioneer in methods of teaching Russian language in Yakut school

Specialist in Russian language and culture,
as well as the science of teaching
Her writings are on many lips
Mentor of many generations
Still seen in her students' deeds.
A. N. Capitonov

Tamara Parfenyevna Samsonova was born on February 6, 1925 in the village of Kyukiai of the Suntar region of the Yakut ASSR in a large family of legendary teacher- researchers Parfeny Nikitich and Nadezhda Evmenievna Samsonovs. In 1937 she graduated from the 5th grade of the Model Yakut School, which worked in the Haptagai settlement of the Megino-Kangalassky region, and in 1943 she graduated from secondary school No. 9 in Yakutsk. The same year she passed exams in special subjects at the Yakutsk Pedagogical School as an external student and received elementary school teacher certificate.

T. P. Samsonova began teaching activity as elementary grades teacher of Russian language and literature at the Tulagino-Kildyam seven-year school. She taught history in grades 6-7 and worked as a senior Young pioneer organization school leader. Having worked for 2 years, in 1945 she entered the Faculty of History and Philology of the Teacher Institute of the YPI. In 1947, a graduate of the Institute, she was sent to the Tulagino-Kildyam school as a teacher of Russian language, literature and history. From 1948 to 1951 she worked in the Khatass seven-year school as a teacher of Russian language and literature. During these years, as a student of the History and Philology Faculty of YaGPI, she took part in the general meeting of the best teachers of the Russian Federation in Moscow, as a delegate from the Ministry of Education of the YaSSR. In 1951 she graduated from the institute with a degree in Russian Language and Literature, and with high school teacher Russian language and literature qualification. From 1951 to 1954 she worked as a teacher of Russian language and literature of 8-10 grades at Yakutsk school No. 2. Over these years, the young teacher has achieved excellent results in work. The main thing in the methodology of training a young teacher was the prevention of speech errors based on the characteristics of the native language of students, by using special exercises that develop speech, enrich the vocabulary. During the years of work at the school, Tamara Parfenyevna was the delegate from the republic at the meeting of the country's best teachers in Moscow. Having shown great interest and ability in pedagogical science, a desire to learn more about successful mastery of the Russian language, in 1954 she entered graduate school of the Research Institute of National Schools of the Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR. Her formation there as a scientist-methodologist was largely influenced by the prominent professionals in the field like F. P. Sovetkin, E. I. Korenevsky, A. F. Boytsova, N. Z. Bakeev et al. In 1957, under the acadmic supervision of Professor A. F. Boytsova, she successfully completed postgraduate studies in the specialty "Methods of Teaching the Russian Language in a National School" and was directed by the USSR Ministry of Higher Education to Yakutsk State University.

On October 2, 1957, T. P. Samsonov started working as Senior Lecturer of the Department of the Russian Language and General Linguistics. She taught basic and special courses in methodology of teaching Russian language for students of the Royal Russian Academy of Sciences, co-ordinated teaching practice, as well as term papers and dissertations. In 1959,

at a meeting of the Dissertation Council of the Research Institute of Teaching Methods of the Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR, she successfully presented the thesis for the Candidate of pedagogical sciences degree titled "Methodology for Overcoming Phonetic Errors in Russian Writing of Students of 5th Grades of Yakut Schools." By the decision of the Higher Attestation Commission of June 8, 1960, she was awarded the degree of Candidate of pedagogical sciences and she became the first Candidate of the republic in the field of methods of teaching the Russian language in the Yakut school. On March 1, 1961 was approved for the academic rank of Associate professor in the department of "Russian language and general linguistics", and in October 1995 - in the academic rank of professor of the department of methods of teaching Russian language and literature at the national school.

Tamara Samsonova's study was a unique contribution to pedagogical science. She introduced such concepts as setting mental problem in Russian language lessons in Yakut school (a technique for overcoming phonetic origins, and complex thematic and conversational lessons) into the scientific field.

Throughout the years of work at the university Professor T.P. Samsonova taught basic and special courses on methodology of teaching Russian language, supervised coursework and theses, as well as teaching practice. Her lectures on special courses in teaching Russian language at school were distinguished by the depth of presentation, novelty of ideas, and inextricable practice-based approach. She prepared methodological support for readable special courses: she published textbooks, teaching aids, guidelines and recommendations. The work carried out by T. P. Samsonova deserves special merit, particularly early professional introduction of students (starting from II year) through studying programs, textbooks, teaching aids, and attending classes with subsequent analysis. Out of the diploma works carried out under her guidance, almost every second work was recommended by the SEC for implementation in school practice.

In 1961, the Russian branch of the Yakut school (ROYASH), where future teachers were trained to work in Yakut school, was closed, which would undoubtedly reduce the quality of training of Russian language teachers for the Yakut school. At IFF, training of teachers of the Russian language and literature was carried out only at the Russian branch. Under these conditions, it was necessary to find ways to improve training of Russian teachers for Yakut school. For this, in 1961, on the initiative of T. P. Samsonova at the IFF Russian branch, a student research group began working focusing on the problems of teaching Russian language in national school, which later developed into series of scientific seminars. Through this workshop, the unique opportunity of introducing future teachers to the specifics of teaching the Russian language in the Yakut school was provided. The circle-seminar addressed the problems of teaching Russian language in Yakut school, and developed topical issues of the methodology. Members of the seminar attended lessons of experienced teachers from schools of the republic, participated in creative search for experimenters, analyzed lessons of teachers and classes of kindergarten teachers, and published their findings and notes in the "Yakut University" newspaper. Almost every member of the seminar made presentations at student conferences every year, as well as participated in republican conferences, pedagogical readings, spoke at teacher training courses and at school-based methodological associations. Prominent scientists from the research institutes of national schools of the Ministry of Education of the Russian Federation took part in the work of the seminar. This workshop successfully trained a whole galaxy of teachers with the highest level of professionalism, and successfully working in schools of the republic. During the 44 years of the workshop activity nearly 600 students - philologists, methodologists, passed through the scientific school. More than 150 of them have awards: orders of the Badge of Honor; distinctions: Civic Valor, Excellence in Education of the RSFSR, Honorary Worker of General Education of the Russian Federation, Excellence in Education of the Republic of Sakha (Yakutia), Teacher of Teachers, awarded Letters of the Presidium of the Supreme Council of the YAASSR, the State Assembly (Il Tumen). They are holders of Grants from the Presidents of the Russian Federation and the Republic of Sakha (Yakutia), winners of the

competitions “Teacher of the Year of Russia and the Republic of Sakha (Yakutia)”, scholarship holders of the International Fund “Children of Sakha-Asia”, are listed in the Pedagogical Encyclopedia.

Professor T. P. Samsonova made academic reports at the International, All-Union, All-Russian conferences in the cities of: Moscow (1968, 1984), Grozny (1971), Cheboksary (1980), Yakutsk (1995) and others; participated in reports at the annual and anniversary teaching conferences of faculty of YSU.

T. P. Samsonova constantly improved her pedagogical skills, taking internships at the research institute of national schools of the Ministry of Defense of the USSR and the Russian Federation. Over the years, she listened to series of lectures by professors of Bashkir University K. Z. Zakiryanova, T. K. Vsevolodova, Moscow State University, and T.K. on topics such as: “Bilingualism and interference”, “Aspects of working on a proposal”, “Functional syntax”, “Communicative structure of a proposal”.

Throughout the years of work at the university Professor T. P. Samsonova, carried out a versatile active public work with great responsibility and high consciousness. Three times she was elected a member of the Presidium of the YaPSPS (1960-1965), a deputy of the Yakutsk City Council of Workers' Deputies during three convocations (1965-1971), and worked actively in the election commissions. She was a member of the Republican Council of Veterans of Pedagogical Labor, the Educational and Methodological Council of the Ministry of Public Education of the YASSR, the Council of the Russian Language Cabinet of YARIUU and a freelance employee of the Yakutsk branch of the Research Institute of National Schools of the Ministry of Education of the RSFSR, the society "Knowledge". For 15 years she worked at the faculty as the chairman of the pedagogical society.

Professor Samsonova authored and co-authored of 150 scientific and methodological works, textbooks, and monographs published in central and local publications, almost 50 of which she wrote following her retirement. Among them are monographs: “Ushinsky of Yakutia” in 2 volumes, “Continuing Teacher through students”, “Improving the effectiveness of Russian language lessons”, “A brief comparative description of the sound system of Russian and Yakut languages”, non-fiction books about prominent members of the Yakut intelligentsia "George Bessonov", "Ivan Zhirkov" and 48 educational works. The textbook “Russian language for the 2nd grade of the Yakut school”, a manual for teachers of elementary school “Conversational Russian lessons for the 1st grade of the Yakut school”, a manual for educators “Classes in the Russian language in the Yakut kindergarten” have survived several reprints. In 1990, the third prize of the RSFSR Ministry of Higher Education and Science was awarded for high scientific level and relevance to the manual “Methods of Teaching the Russian Language in the Yakut School” (co-author Associate Professor K.S. Evseeva). Scientific works of T. P. Samsonova on method of teaching Russian language at national school have become classic, never losing their relevance. They are introduced into the practice of teaching Russian language and are further developed.

Tamara Parfenievna Samsonova holds many government and departmental awards for many years of conscientious work and training of highly qualified teachers: the medal "For Valiant Labor in the Great Patriotic War of 1941-1945" (1946), Certificate of Merit of the Komsomol Central Committee (1948), badge “Excellent student of public education of the Russian Federation” (1952), anniversary medal “For valiant work to commemorate the centenary of the birth of V. I. Lenin” (1970), badge “For creative pedagogical work ”(1975), the badge“ Excellent student of enlightenment of the USSR ”(1977), the badge“ Winner of the socialist competition ”(1979), the medal“ Veteran of Labor ”(1981), Ushinsky medal (1985), and the honorary badges“ High school student USSR ”(1991),“ For Merits in the Higher Education of the USSR ”(1997),“ Teacher of Teachers of the RS (Y) ”(2000),“ For Long-Term Excellent work in YSU "(2006), medal "For good heart and professionalism "(2005), diploma of member of the Federal program "Famous Women of Russia" (2003), Medal of the International Charity

Fund "Patrons of the Century "(2006), anniversary medals "30.40, 60, 65, 70 years of Victory in the Great Patriotic War of 1941-1945.", Anniversary signs of the RS (Y) and the City District "Yakutsk", "70 years of Victory "(2015). She was awarded the title "Honored Teacher of the School of the YASSR" (1977), Honorary Title "Honorary Veteran of NEFU" (2015). Tamara Parfenyevna is Honorary Citizen of the Suntar region, Hatassy village, Kyukyaysky districs, Suntar region, honorary veteran of the Republic, and is listed in the commemorative book of labor glory of Yakutsk and the Book of Honor of the YSU.

Tamara Parfenyevna Samsonova has been on the well-deserved retirement since August 2000, but is in constant contact and actively keeps in touch with the staff of her "home" University department, as well as with employees of the Ministry of Education of the Republic of Sakha (Yakutia). In 2015, a group of Khatassky school staff, headed by Professor T. P. Samsonova, Board of Trustees member, published the book "School of goodness, love and creativity", dedicated to the 100th anniversary of its founding.

Dear Tamara Parfenyevna, we sincerely congratulate you on the anniversary and sincerely wish you good health, longevity and prosperity!

ВЕСТНИК
СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал

1 (75) 2020

Редакторы
Н. В. Дмитриева, Н. В. Сабурова, С. В. Антонова
Компьютерная верстка *В. А. Максимова*
Оформление обложки *П. И. Антипин*

Подписано в печать 28.02.20.
Формат 70×108/16. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная.
Печ. л. 13,0. Уч.-изд. л. 16,2
Тираж 250 экз. Заказ .
Дата выхода в свет 28.02.2020
Цена свободная.

Отпечатано в типографии Издательского дома СВФУ
Адрес типографии: 677000, г. Якутск, ул. Белинского, 58